

«НИГИЛИСТ»

Автор: Odjin Arrow.

Сегодня я получил в руки что-то похожее на толстую книгу в четыреста двадцать девять страниц. Я даже пересчитал их от скуки. Её страницы полностью пусты, даже не расчерчены в линию, чтобы в ней можно было писать. Каждый лист настолько чист и прозрачен, что у меня возникло впечатление, будто каждый раз я вижу перед собой манускрипт, в котором не хватает статей, либо же кодексов, или чего там еще?

Честно говоря, не понимаю, зачем мне нужно это. Агрх... Меня зовут Тэйлер Квинн. Я жи... нет, местом проживания это нельзя назвать. Скажу, как есть: я нахожусь в государственной больнице штата Массачусетс. На лечение я попал около месяца назад, когда ещё было тепло. Последнее, что я помню, это то, как меня сбила машина. Я смотрел на свои окровавленные руки, а с головы ручьём текла кровь. Только позже я узнал, что у меня был проломлен череп до такой степени, что можно было рассмотреть мозги. Как же мне повезло, что тогда я потерял сознание, потому что я довольно впечатлительный человек. Если же верить медсёстрам и врачам, то сейчас, предположительно, сентябрь месяц, и заметно похолодало.

После того как я очнулся, я увидел светлую палату, в которой практически никого не было. Комната была похожа на реабилитационную: освещенные углы, фрукты на личной тумбе, общий телевизор с большой диагональю и прочее, что так необходимо больным в момент реабилитации. Вода — обязательно. Так вот, я впервые открыл глаза и попытался рассмотреть все вокруг себя. На голове у меня была «Шапка Гиппократата», руки и ноги перебинтованы плотными повязками, а на шею нацепили шину, которая плотно фиксировала её. В этот самый момент я понял, что дела мои идут «так себе». По крайней мере, я был жив. Мне хотелось как можно больше узнать, что же случилось в тот момент, и когда я смогу выйти. Но вот говорить я не мог. Мои попытки позвать кого-либо обращались лишь в головную боль и полную атрофию возможности разговаривать.

Буквально через пару минут ко мне подошла молодая девушка лет двадцати. Она улыбнулась, медленно приложила ладонь к моему лбу и сказала:

— Эй, эй. Не двигайся, ты чего, тебе нужно приходить в себя. Давай отдыхай.

Я беспрекословно опустил голову под её контролем и закрыл глаза. Мне, действительно, хотелось спать. Ещё никогда в жизни я так сильно не испытывал чувство жажды ко сну.

Мой лечащий врач сказал, что мне необходимо вести дневник, якобы это поможет мне быстрее восстановиться. Я каждый раз спрашивал доктора, зачем мне все это. Его доводы были какими-то мутными, но в конце я согласился. И когда он достал целую книгу, а не дневник, с чистыми листами, я посмотрел на него с улыбкой, наполненной сарказмом, а внутри себя произнес что-то типа: «Серьезно, Док?». Я всегда так называл его, от чего он бесился по началу, а потом и вовсе смирился. Его желанием было, чтобы я записывал всё, что происходит в моей жизни в эту книгу.

На второй день в реабилитационном центре мне стало заметно лучше. Но говорить и двигаться я всё ещё не мог. Слава Богу, что здесь есть медсестры, которые прикреплены к каждому пациенту. В тот самый день своего пребывания в столь светлой комнате, я снова увидел ту самую девушку в белоснежном халате. Она подходила ко мне каждый раз, каждые полчаса спрашивала, всё ли у меня хорошо и не хочу ли я попить воды. Первые разы я ничего не хотел, часов восемь я просто лежал. А после, мне захотелось пить настолько, что

гланды просто изнывали от жажды и такое ощущение, что покрылись какой-то плёнкой. Как только я хотел позвать медсестру, как она тут же появилась передо мной.— Как дела? Все нормально? Чего хочешь? Может, воды?

И я с трудом кивнул головой, если так можно назвать мои попытки. Она преподнесла к моим губам стакан с водой и помогла мне сделать несколько глотков. Хотя, я чувствовал, что могу сделать это самостоятельно. Но она настоятельно держала мою голову и аккуратно клала её обратно на подушку. Мало что интересного я могу здесь написать. А как ты думаешь, Док? Вот так вот выглядят будни человека, которого сбила машина.

На следующий день я проснулся очень рано, буквально на рассвете. И я знал, что мне стало намного лучше, ведь я чувствовал себя просто великолепно. Я попытался сесть на кровать, что у меня и вышло с первого раза, правда с неким трудом. Ну пойми, столько времени сидеть взаперти в одном положении и сразу же начать активно двигаться — практически невозможно. Но я сидел. И для меня это было хоть малым, но уже достижением.

Потянулся к бутылке с водой, которая стояла на тумбе, и открыл её. Сделал несколько глотков и с довольным лицом поставил обратно. Кто бы мог подумать, что возможность самостоятельно пить воду будет приносить мне столько удовольствия.

После этого я потянулся к невероятно красивому апельсину, который занимал верхнее место на целой «пирамиде» из фруктов. Так как есть я ещё не мог, из-за того, что в моей челюсти вставлены спицы, я просто понюхал его, чтобы вспомнить, насколько он вкусен и сладок. Запах был просто невероятен, настолько цитрусовым, что слюна во рту уже переполняла мою полость.

Спустя десять минут в палату ворвалась та самая медсестра. Как только она заметила меня, сидящим на кровати, она тут же подбежала и стала класть меня обратно в горизонтальное положение. Я пытался противиться ей, но моя слабость была причиной, почему ей удалось победить меня в нашем противостоянии. В руках я крепко держал апельсин и пытался оставить его себе, чтобы наслаждаться его запахом как можно чаще.

— Ты что делаешь? Тебе нужно лежать и как можно меньше двигаться. То есть... Вам. Лягте обратно, пожалуйста.

Я перестал сопротивляться и закатил глаза. Посмотрел на неё и зажмурился, пытаюсь показать ей, как сильно я злюсь.

— И даже не думайте злиться на меня. Потом спасибо скажете, вот-вот. А пока — отдыхать. И это давайте сюда, рано еще.

И она забрала апельсин из моей руки. Вот это было, действительно, больно, очень тяжелая потеря. Ведь его запах был тем, что мне так понравилось в этот день. А теперь? Теперь я ещё один день должен провести прикованным к кровати. Жуть.

Сегодня я встал чуть позже, в силу того что лег поздно. Я люблю рисовать в своей голове какие-то кинокартины. То есть придумывать истории с какими-то персонажами. Обожаю выдумывать сюжеты каких-то романов, рассказов и тому подобное. Могу перед сном спокойно потратить на это несколько часов, а потом, довольным самим собой,

утопиться в наслаждении сна. Иногда мне даже удавалось управлять своими снами. Мне снились те рассказы, которые я придумывал. Всё шло по сюжету, а я был главным героем. Иногда это были кошмарные сны, в которых я тоже был в одной из главных ролей, жаль, что не жутким монстром или убийцей. Повторюсь, я довольно впечатлителен.

Пока в палате никого не было, я снова захотел посидеть на кровати. Снова поднялся, выпил воды, схватил тот самый апельсин и вдохнул его запах, крепко запоминая каждую ноту его цитрусоподобного звучания.

Мою идиллию со столь понравившимся мне фруктом прервала всё та же медсестра. Честно, я уже начал ненавидеть её за это.

— Ты снова... То есть, Вы снова за своё?! Вам нужен покой!

Если бы она знала, что именно она вносит в мою жизнь сейчас больше всего раздражения, то говорила бы иначе. Я бы многое хотел сказать ей, но нет же, грёбаные спицы во рту не дают мне этого сделать. Как знали.

— Давайте обратно, я помогу.

И она тут же принялась класть меня в постель. Но в этот раз я крепко держал апельсин в своей руке, полностью собрав все силы в кулак.

— Но Вы ведь не сможете съесть его сейчас. Вам ещё рано принимать в пищу фрукты, он будет здесь, никто его не возьмёт.

Но я настойчиво не отпускал его. Мне и не надо было, чтобы я ел его, достаточно лишь запаха. Но спустя несколько секунд она оторвалась от попыток победить моё упорство и посмотрела мне в глаза.

— Стоп. Вам просто нравится запах? Вы каждый раз подносите его к носу.

Ну наконец-то, до неё дошло, что я просто хочу заполнять свое сознание цитрусовым запахом и заставлять работать мои вкусовые рецепторы. Я широко открыл глаза, словно хотел всем своим видом показать слово: «ДА». Мне кажется, если бы парализованный человек мог бы показывать слова, то это слово выглядело именно так, как показал его я.

Она улыбнулась и ни на секунду не отводила своих глаз от моих. Должен сказать, что она была очень красивой, как для стандартного представления медсестры в подобных заведениях. Безумно красивая улыбка, которая пронзала меня насквозь каждый раз все сильнее и сильнее. Девушка низкого роста, примерно на полторы головы ниже меня, с моими-то ста восьмьюдесятью сантиметрами. А эти ямочки на щеках, порой они заставляли меня улыбнуться просто так, что вызывало дикую боль в челюсти. А глаза были слишком привлекательными, чтобы я поверил в это. У неё была гетерохромия, что просто сводило меня с ума, даже не представляешь, насколько это красиво. Левый её глаз был окрашен в карий, а правый — в голубой. И когда она смотрела прямо в мои, бледно-голубые, ничем не примечательные радужки, мне казалось, что она заряжает их цветом. Почему-то сразу хотелось улыбаться после того, как я наблюдал её взгляд.

Что ж, она начала чистить апельсин, снимая кожуру кусок за кусочком. Как только она закончила это, цитрусовый запах стоял во всей комнате, отчего мне было невероятно приятно. Я лёг и через пять минут уснул.

Сегодня тот день, когда мне должны снять эту жуткую установку на моей челюсти. Всё зажило, «как на собаке», вечно подкалывал меня главврач. А я только то и делал, что кивал, глядя на ту самую медсестру.

Так вот, нас трое: главврач, та самая медсестра (пока буду называть её именно так), и я — пациент, дескать.

— «Квинн!». — Раздался голос из кабинета.

Я встал и вошел внутрь, было невероятно светло, впрочем, как и в каждом углу этой больницы. Наверное, это самое бесподобное, что в ней было. Что ж, я уселся удобнее, положил карту с моей фамилией и рентгеновскими снимками. Ко мне подошел мужчина лет тридцати и завёл диалог:

— Ну что, солдат, готов?

Я начал судорожно и отрицательно кивать.

— Что «нет»? Ну вот что «нет»?

Наверное, он думал, что я не готов, но я просто отрицал то, что я солдат.

— Ладно, терпи, дружище. Может быть немного больно в тех местах, где вот эти спицы закреплены.

Мне не оставалось ничего иного, как терпеть. Должен сказать, было, действительно, больно. Интересно, ты когда-нибудь испытывал чувство, будто у тебя из десны вытягивают что-то? Вот так медленно, пронзительно, доставляя тебе не то, чтобы боль, а самый дикий дискомфорт. Ну это так, дабы взбудоражить тебя.

Спустя пару минут, доктор снял перчатки, стянул повязку с лица и с улыбкой положил руку мне на плечо:

— Ну, всё готово. Только широко челюсть не раскрывай и потерпи с твёрдой пищей, идёт?

— Угм. — Впервые пытался что-то выговорить я. Даже голос свой забыл за это время.

Как только я покинул кабинет, то сразу же меня встретили те две персоны, которые сопровождали меня весь путь.

— Ну, Тайлер, что там? — Поинтересовался главврач.

Я же продолжал молчать несколько секунд и только отдал ему свою карту со снимком и заключением врача, который мгновение назад снимал с моего рта эти железки. А «та самая медсестра» нервно смотрела на меня с глазами, которые переполнены цветовой полихромией, красотой и надеждой.

Выдержав ещё паузу, я сказал:

— Так непривычно слышать свой голос, успел забыть его.

Девушка незаметно выдохнула с облегчением, а главврач лишь ухмыльнулся.

— Мисс Эймис, отведёте нашего больного обратно?

— Конечно, доктор. Пойдем? — Миловидно обратилась ко мне она.

Я лишь кивнул и начал следовать за ней. Вот так я и узнал её фамилию. На этом, честно говоря, и пришел конец следующему дню, ведь мне всадили дозу снотворного, дабы предотвратить боль в челюсти. Как меня убеждали, в качестве профилактики. Как знать. Но я и не был против, совершенно.

Назвать утро моего следующего дня мучительным — вовсе промолчать. С того момента, как я проснулся от дикой головной боли, прошло около пятнадцати минут. Я стоял у окна и крепко держался за голову обеими руками, чтобы хоть как-то совладать с собой. На что это было похоже? Хм, представь, что у тебя в голове дырка, диаметром с небольшую иголку, вокруг неё швы, и в эту дырочку всё время попадает холодный воздух. Представь, будто ледяная сетка окутывает твой мозг, покрывая его коркой льда, которая не тает в течении всего времени, а только ещё больше стягивает твои извилины. А теперь в это отверстие медленно вводят иглу, которая чуть меньше по диаметру, и продевают твой мозг до середины. В ушах стоит шум, треск и дикий писк. С моих глаз полились слёзы, я схватил простынь и уткнулся в неё зубами, чтобы не издавать дикого крика на всю больницу. Спустя минуту из носа пошла кровь, и я понял, что начинаю задыхаться. Как только я делал вдох, мои дыхательные пути забивались кровью, соотношение принимаемого воздуха моими лёгкими было, примерно, процентов пятьдесят, от чего меня невероятно скрючило, и я откашливался на полу.

Честно говоря, я готов уже был похоронить себя на том самом месте. Я уже просто отсчитывал секунды до потери сознания, даже не сопротивлялся давке от крови, просто рефлекторно отрывивал её, так требовал организм. Но на пороге я увидел её... Ту самую медсестру, о которой я всё время рассказывал. Она уронила на пол мою тарелку с завтраком и тут же подбежала ко мне. Перевернула на спину и засунула два пальца мне в рот. Я был наполовину без сознания, поэтому особо не придавал значение тому, что она делает. Вся кровь выходила наружу в ту же секунду, отчего я почувствовал дикое облегчение в лёгких, наконец сладко-приторный воздух полностью заполнил мои лёгкие и...я потерял сознание. Ну, мне так кажется, потому что больше я ничего не помню с того момента.

Очнулся снова в кровати с перевязанной головой. Тут же сел и глубоко дышал, чувствовалась какая-то тяжесть по всему телу. И тут снова вошла она:

— Очнулся, дурачок?

— Да. — Еле выдал я. — Что со мной было?

— А, такое бывает, когда получают травму головы. Тебе ещё повезло, что ты додумался зажать зубами простынь, а то бы начал орать здесь, и разбудил бы всех.

— То есть, тебя только это смущало?

— Ну-у. Нет, так бы ещё твои скобы в челюсти порвались и снова бы тебя зашивали.

Я сидел онемевший от её слов, и совершенно не понимал, почему она так откровенно говорит мне такие вещи. После этого, она подошла ко мне чуть ближе и положила руку на мое колено.

— Да ладно, расслабься, шучу я. — Она протянула руку в карман и достала апельсин, после чего протянула его мне. — Вот, ты же любишь.

Я улыбнулся и взял столь мною любимый представитель цитрусовых. И почему-то мне сразу пришлось по душе её чувство юмора. Как только она собралась уходить я позвал её так, как только смог:

— Эй! — Bravo, просто bravo, Тайлер.

— Да?

— Я...я не знаю, как тебя зовут, но огромное спасибо, что со мной всё это время была ты. Умер бы уже, небось.

Она застенчиво улыбнулась и ответила:

— Это ведь моя работа, так что не за что.

Не переставая улыбаться, она чуть прищурилась, и я заметил те самые ямочки. А я... я сжимал апельсин в руках, зная, что он будет одним из самых вкусных, которые мне приходилось есть.

И вот, сегодня седьмой день. Ровно неделя, как я нахожусь в этом восстановительном центре. Точнее, седьмой день, который я помню. Мне всё ещё нельзя длительное время находиться в активном состоянии, но я пытаюсь как можно чаще нарушать свой распорядок. Сегодня моей задачей было пройти мимо старушки, которая сидит у нас на дежурном посту. Что ж, это не составило мне труда, ведь она спит ещё с ночи. Я пробирался на корточках, потом заметил, как у неё со рта сползает капля слюны, встал на ноги и подошел к ней ближе:

— Ну-с. — Взял с её стола салфетку и вытер щеку.

На улице было невероятно тепло. Яркое солнце светило так дружелюбно, что я пытался вдохнуть лучи тепла, да и сам пейзаж всей округи больницы был просто невероятен. Все расцветало, вокруг зеленые деревья, невероятная теплота и гостеприимство природы. В моем понимании — это идеал погоды: ранняя осень, тепло, идиллия с самим собой.

Я присел на лавку и раскинул руки вдоль спинки. Глубоко вдыхал воздух вплоть до появления головокружения. От столь прекрасного влияния извне, я просто откинул голову назад и наслаждался тишиной. Наконец-то я вышел на улицу и увидел всё то, что происходит вокруг. Стены сжимают, знаешь ли, Док.

Вдруг я почувствовал, что надо мной что-то свисает, почувствовал сладкий и приятный запах, и теплое дыхание. Пришлось открыть глаза, дабы увидеть, что же было тому причиной. И там была она. Эймис.

— Привет, Тайлер, отдыхаешь?

— Д...да.

Она обошла лавку и села рядом со мной.

— Слу-у-у-шай, тебе ведь нельзя находиться здесь.

— Я знаю, но у меня уже нет сил сидеть взаперти. Там ведь с ума можно сойти.

— Да расслабься, я ведь не расскажу никому.

Я развернулся к ней лицом и замер напротив её глаз, я вникал в них всё больше и больше, вкушал их цвет и наслаждался красотой улыбки.

— Тайлер?

— ...

— Эй, все нормально?

Я не придавал значения её словам, меня словно затянуло в её мир, и я вникал только в черты лица. Она взяла руками моё лицо и сжала щеки, подтянув их чуть вперед. Ее руки были невероятно нежны и пахли апельсиновым соком, таким свежим и в меру кислым.

— Ээй?! — Она приблизилась ко мне, и теперь я видел её глаза куда ближе обычного. Как же они прекрасны.

— Прости, я что-то задумался. — Выдал я смешным голосом, из-за того, что мои щеки были сжаты в её руках.

— Ты смешной. Кстати, за все дни к тебе никто не пришёл. У тебя есть семья, друзья, девушка?

— Ну, у меня есть родители, честно говоря, я даже не знаю, почему они не пришли. Возможно, они просто не в курсе, ведь я должен был ехать в другой город на две недели

— Да? А зачем?

Я не понимал, почему она задает мне так много вопросов, но мне нравилась её манера, нравился её характер и нравилась её улыбка.

— Ну, мне необходимо было что-то вроде вдохновения. Я выбрал хорошее место на берегу реки, деревянный дом с видом на лес, ну и прочее.

— Ух ты! Вдохновение? Ты как-то связан с творчеством?

— Хм, если это можно так назвать.

— А с чем именно, если не секрет?

— В последнее время мне нравилось писать.

— Писать? Довольно странно видеть в наше время молодых писателей. Обычно, все сидят на наркоте, беспросветно страдают по прошлому ну или сидят на шее у родителей. А что писал? Расскажи, мне интересно. Правда-правда.

— Да что рассказывать? Я, обычно, не придаю этому особого внимания. Написал один роман, а дальше всё не мог найти себя. Бытовые проблемы связывали меня, а чувство наличия чего-то, что вдохновляло бы — попросту отсутствовало.

— Ты дашь мне почитать книгу.

Заметь, Док, она не спросила у меня. Не попросила разрешения, а твёрдо заявила. Я улыбнулся ей в тот момент и кивнул.

— Ладно. Так, дальше. А друзья?

— Честно говоря, я не знаю, где они сейчас. Я даже не знаю, где мой телефон, а ты о друзьях спрашиваешь.

— Ты ставишь телефон выше приоритетом?

— Это я к тому, что он и так со мной всегда, а сейчас понятия не имею о его местоположении. Возможно, мне уже и звонили по несколько раз.

— Хм, а что на счёт девушки?

— Здесь я не могу ничего сказать.

— Да ладно, я ведь никому не расскажу.

Она под села ближе и с дикой увлеченностью слушала мои рассказы.

— Да не в том дело. Что я могу рассказать о своей девушке, если её нет?

— А, вот в чём дело. Странно, я думала, что у тебя есть спутница.

— Странно то, что ты так подумала.

— Да ладно тебе скромничать. — Она снова улыбнулась и легко ударила меня по колену.

— Слушай, ты ведь столько сделала хорошего для меня, а я даже твоего имени не знаю.

— Кинзи. Кинзи Эймис. — Она протянула мне свой кулак, чтобы я ударил по нему, в знак знакомства. И я с удовольствием сделал это.

— Кинзи, расскажи мне, что со мной случилось?

— Ты про тот день, как ты попал сюда?

— Именно.

— Ну, попал ты сюда в ужасном состоянии. Столько крови я видела второй раз в жизни. Очень много, ну о-о-о-очень много. Просто невероятное количество, представляешь? Ты забрызгал ею всю скорую, халаты врачей и носилки, у-ужас. — Я видел, как она издевается надо мной, говоря о том, сколько же людей я измазал своей кровью. Она еле сдерживала улыбку.

— Ну, это я уже понял, а дальше что?

— Насколько мне известно от врачей, тебя сбила машина на большой скорости. Привезли тебя сюда с переломанным черепом, твоя челюсть свисала вместе с языком, а сам ты...

— Был полностью в крови?

— О да. — Она просмеялась.

— Как же ты, такая молодая, маленькая девушка и не боишься крови и прочего медицинского хаоса?

— Сам ты маленький! — Она с милой агрессией толкнула меня и нахмурила свои брови. — Я не для того училась в медицинском, чтобы теперь меня так называли.

Я подумал, что обидел её, либо же задел.

— Прости, если обидел.

Она снова улыбнулась и еле сдерживала смех.

— Ну, я ведь шучу.

— Мисс Эймис, Тайлер!

На горизонте показался главврач, который прервал нашу беседу. В тот момент я понял, что сейчас нам перепадёт по самые...

— Тайлер, ты же знаешь, что тебе нельзя находиться здесь. В чем проблема, и как ты прошел мимо диспетчера? Мисс Эймис? А вы почему не отвели пациента обратно? Что это ещё за новости?

— Простите, это моя вина, я вылез из кровати и сбежал с палаты, Кинзи тут не при чем. — Начал защищать я медсестру.

Главврач посмотрел на нас и подозвал Кинзи в сторону, чтобы переговорить с ней. Сначала она виновато смотрела вниз, после чего подняла голову и с испугом смотрела на доктора. Он со спокойным выражением лица говорил ей что-то, что приводило её в ужас. После этого она вернулась ко мне.

— Влетело из-за меня?

— Д..да.

— Прости, Кинзи, я все объясню доктору, тебе ничего не будет.

— Не страшно, давай я проведу тебя в палату, пора ужинать.

Весь оставшийся вечер она молчала и была без настроения. Я не мог понять, что же с ней такое случилось, почему она так резко изменила свое поведение и что такого страшного сказал ей доктор? Она принесла мне ужин: овсянку с черникой и сок. Я спокойно ел на подоконнике и наблюдал за её действиями. Обычно, когда она находилась в моей палате, она вечно что-то напевала, эти мелодии были похожими на какие-то акустические версии более тяжёлой музыки. Но сегодня она просто молчала. Это волновало меня как нельзя сильнее.

— Кинзи. — Я оторвался от ужина, делая глоток сока, после чего обратился к ней.

Она лишь смотрела вперёд себя стеклянным взглядом и дальше протирала пыль в сотый раз на одном и том же месте. Я позвал её снова:

— Кинзи, ты трёшь это место уже около сотни раз.

— Что? А... — Она убрала руку от стола и наконец обратила на меня внимание.

— Что с тобой? Что случилось? Ты совершенно не похожа на себя.

— Да... просто мысли лишние в голове. Как ужин?

— Все очень вкусно. Ты точно в порядке?

— Не беспокойся обо мне. Она начала собираться и уходить из палаты, но я остановил её:

— Кинзи...

— Да, Тайлер?

— У тебя очень красивые глаза. — Не знаю, зачем я это сказал, мне просто хотелось сделать ей приятное.

Кинзи улыбнулась, поблагодарила меня и скрылась за дверью, пожелав доброй ночи.

Этот день я запомню навсегда. Ненавидел понедельники с рождения, но теперь стал их ненавидеть ещё больше. В этот день я понял, почему Кинзи была такой угрюмой вчера. Ну да ладно, начну с самого начала.

Я проснулся утром, часов в восемь. Погода была отвратительной, шел холодный дождь, гроза с молнией. Всех пациентов и меня в том числе, посчитали нужным оставить в палатах, лишив прогулки по столь дерьмовой погоде. В палату вошла Кинзи со столь же угрюмым лицом.

— Привет, Кинзи, как твои дела?

— Хорошо, у меня все хорошо.

— Ты со вчера не в себе? Может, расскажешь?

— В любом случае рассказала бы.

— Не совсем понял тебя.

Она подошла ко мне и села рядом, всегда смотрела вниз и не давала мне наслаждаться её глазами.

— В общем, я не знаю, как сказать тебе, первый раз такое на моём опыте, и я не знаю даже, как себя вести.

— Если тебе есть что сказать, и ты ведёшь себя так серьёзно, то вперёд. Ненавижу томление. Кинзи, скажи, как есть.

— Понимаешь, так принято, что все новости для пациента должен говорить лечащий врач, или тот, кто закреплён за больным.

— Это более, чем логично. Что ты хочешь сказать мне? Кто-то приходил?

— Да, к тебе приходили.

— Родители? Друзья? Ну же, давай говори, кто это был.

— Тайлер...

— Кинзи! — Я аккуратно поднял её голову руками и убрал волосы с лица. На её прекрасных глазах проскакивали капли слёз, которые она пыталась сдержать всеми силами. — Эй, эй, ты чего? Она вытерла рукой свои глаза и взяла мою руку:

Тайлер, приходил нотариус.

— Нотариус? Как он ко мне относится?

— Тайлер, твои родители... Их больше нет...

В этот момент я не совсем понял, о чём она, я даже не понял значение этих слов.

— То есть? Я не понимаю тебя.

— Они умерли, Тайлер. Прости.

И здесь меня окутала боль. Я не мог так просто поверить в это, но никогда ранее я не видел Кинзи столь расстроенной. Это сыграло свою роль. Она протянула мне два документа, которые являлись заключением о смерти. Я ознакомился с обоими листами бумаги и удостоверился с их подлинностью. Причиной смерти была указана остановка сердца у матери и черепно-мозговая травма у отца. Как выяснилось позже, мама узнала, что я нахожусь здесь и у нее случился инфаркт. Отец же, от такого положения событий пытался отвезти мать сразу в больницу, но, видимо, был на очень большом эмоциональном подрыве. Не справился с управлением.

Я не смог сказать ни слова, я лишь пытался воспринять это, пытался сдержать свои чувства и не впасть в истерику. Я встал с кровати и медленным шагом пошел к двери. На секунду меня остановил голос Кинзи:

— Прости, я должна была передать тебе эту информацию.

Я прошел дальше, держа свой путь мимо пропускного пункта, меня попытались словесно остановить, сообщив то, что все прогулки запрещены, и больные должны находиться в своих палатах. Я лишь положил на стол два листа бумаги в виде свидетельства о смерти и прошел дальше, не обращая внимания ни на кого.

На улице и вправду была гроза, лил просто сумасшедший дождь, но я не придавал значения ничему. Впервые за столько лет я снова заплакал не так, как в детстве. Всё внутри сжалось до минимальных размеров, сердце просто вылетало из груди, а всё тело продрогло до мурашек. Я положил локти на колени, а ладонями сжимал голову. Теперь полностью промок от дождя, но сейчас его будто не существовало.

Спустя пятнадцать минут вышла Кинзи и села со мной рядом. Я посмотрел на нее и произнес:

— Ты ведь промокнешь, зайди обратно.

— Ты думаешь, это самое плохое?

На этом наш диалог и был окончен, она лишь обняла мою руку и положила голову мне на плечо. Ужасный день. Чуть позже я зашел с Кинзи обратно, она провела меня до самой палаты, перед дверью я повернулся к ней:

— Кинзи, я побуду один сегодня, ладно?

— Да, я понимаю. — Она крепко обняла меня, носом уткнулась в грудь и посмотрела в глаза. Я лишь стоял, даже не обняв её в ответ. После чего она скрылась за угол, а я допоздна сидел в своей палате. Теперь же я остался один, совершенно.

Ночь была тяжёлой, у меня не вышло поспать даже пару часов. В четыре часа утра был обход, и главврач заметил то, что я не сплю. Он достоверно рассказал мне, как умерли мои родители, и где сейчас их могилы. Я решил отправиться туда, но он запретил мне и сказал, что ни за что не отпустит, даже с распиской или санитарями, ссылаясь на то, что мой организм все ещё слаб. На что я откровенно плевал и принял решение увидеть место, где покоятся мои родные.

Как только я убедился в том, что главврач покинул больницу после ночного обхода, я принялся воплощать свой план побега. Но стоило мне вылезти из окна и спуститься по решётке вниз, я увидел не свою тень, которая отображалась на стене.

— Далеко собрался?

Это был голос Кинзи.

— Я поеду на могилу к родителям.

— О да, и кто же тебя отпустит? Доктор запретил выпускать тебя за границы госпиталя.

— Лично тебе? Ну тогда останови меня. — Ответил я с невероятно грубой интонацией.

Кинзи выдержала паузу в несколько секунд и ответила:

— Если бы я хотела этого, то ты бы уже сидел в палате под присмотром санитаров, умник.

— Как знаешь, тебе решать.

Я был на взводе тогда, зол, взбешён и толкнул её плечом. После чего сбежал с больницы и отправился на местное кладбище. По прибытию я нашел могилы родителей. Подошел, стал на колени и обнял оба памятника.

«Простите, что не успел попрощаться с вами, у меня даже не было времени, чтобы сказать вам все те слова благодарности, которые не сказал ранее. Я даже не возместил те чувства, которые вы давали мне. Я люблю вас»

Примерно так выглядела моя прощальная фраза, после чего я упал на колени и с моих глаз полились слёзы. Теперь же я понимал, что больше никогда их не увижу, не обниму и не поговорю, не услышу голос.

Как только я понял, что за мной приехала скорая, во главе с врачом, то сразу же встал с колен и повернулся к этой гвардии лицом.

— Тайлер, я же говорил тебе.

— Простите, доктор, но я должен был попрощаться с ними.

— Понимаю тебя, как никто другой. И да, зря ты так с Кинзи, она прикрывала тебя до последнего, а ты так грубо обошёл с ней. Только вот ваша затея орать под окнами моего кабинета была не самой наилучшей.

Я же ничего не ответил в тот момент, а только опустил взгляд вниз и прошел в кабину машины. Всю дорогу доктор рассказывал мне свою историю, как он лишился родителей, как попал работать в больницу. Скорее всего, делал он это для того, дабы отвлечь меня. Хреново вышло, скажу я тебе, Док. Я всё думал о том, что всё это реальность и мне уже не удастся проснуться.

По приезду обратно в госпиталь нас встретила Кинзи. Я вышел и сразу же подошёл к ней.

— Кинзи...

— Вернулся, мистер «я делаю что хочу, не мешай мне»? — Злостно ответила она мне.

— Прости меня, Кинзи.

Я сделал шаг ещё ближе и обнял ее.

Впервые обнимал вот так кого-то. Был вечер, на улице заметно потемнело, а видел я только ее. Сначала она не понимала, что происходит, но потом обняла меня в ответ. Подняв свою голову, я смотрел в её глаза и произнес:

— Не обижайся.

Она лишь уткнулась мне в грудь и сжала в объятьях ещё больше.

— Тайлер, мне домой нужно.

— Я проведу тебя, можно?

— Ты сможешь провести меня только до ворот госпиталя, это тебя устроит? — С ухмылкой произнесла Кинзи.

— Не совсем, конечно, но если других вариантов нет.

И тут случилось то, чего я не ожидал наблюдать. Свой голос подал главврач:

— Тайлер, подойди.

Я попросил Кинзи подождать и сделал несколько шагов на встречу к доктору.

— Да, доктор?

— Тебе можно доверять?

— В каком смысле? Не могу понять.

— Я разрешу провести тебе Кинзи, но ты вернешься до десяти вечера, идет?

Тогда же моему удивлению не было предела, я согласился и поблагодарил доктора. Подошёл обратно к Кинзи, и мы отправились в наше путешествие. По пути она рассказывала мне о своей жизни, как выучилась в медицинском университете и сейчас проходит практику в этой больнице, где лечусь я. Мы шутили, бегали, дурачились, я во всю визуально вкушал её улыбку, наслаждаясь каждым изгибом её губ. Она каталась на мне, уцепившись крепко за спину, а я со всей силы несся по дороге не замечая прохожих. Для меня в тот вечер была только она и никого другого. И когда она своей ладонью специально закрывала мои глаза, то я не боялся упасть или споткнуться, я лишь чувствовал её тепло, хоть и её руки были невероятно холодны в тот вечер.

Мне кажется, и врач, и она делали все эти поступки специально, чтобы я смог отвлечься от того, что меня так сильно волнует. От самой дикой потери в своей жизни, словно от тела вживую был оторван кусок плоти. Но это я понял только вернувшись обратно. А пока что:

— Стой, стой!

— Что? Зачем?

— Да ты мой дом пробежал! — Через смех сказала Кинзи.

Я отпустил её, и мы подошли чуть ближе ко входу в дом.

— Огромное спасибо, что провёл меня, так весело домой я ещё не возвращалась. — Через свою фирменную улыбку произносила она.

После чего, она сделала шаг ко мне на встречу и обняла. Теперь же я ответил ей взаимностью и аккуратно сжал её спину. Я чувствовал её дыхание, и тогда она подняла на меня свой взгляд:

— Тебе правда нравятся мои глаза? — Тихим, спокойным, нехарактерным для неё голосом опрокинула она.

— Да, это так.

— Знаешь, обычно их считают странными, как минимум, и мало кому нравятся они. Только не моему папе, он без ума от них.

— Что я могу сказать, твой папа знает толк в красоте.

— Возможно.

Она даже не давала мне намёка на то, что хочет отпустить меня. Кинзи лишь опустила голову вниз и щекой прилегла на мою грудь. Я положил одну руку ей на щеку, словно обнимая её голову и заметил, как она прикрыла глаза. Не знаю, что произошло в моей дырявой, в прямом смысле этого слова, голове, но...

— Кинзи. — Позвал её я.

— Хм? — Удивленно посмотрела она.

И я без слов позволил себе поцеловать её, положив ладонь на её щеку. Она лишь обняла меня за шею и привстала на носочки, чтобы дотянуться ко мне. После этого, я

слегка отодвинулся от неё и посмотрел в глаза. От света ночного фонаря они светили настолько, что я видел блеск в них, правда только одной половины — карей.

— Мне. Это. Домой пора.

— Да, я знаю. Она пошла ко входу, а я провожал её взглядом до того самого момента, как она стала открывать дверь.

— Знаешь, этот вечер настолько хорош для меня, что я хочу остаться в нем навсегда. — Произнесла она свои последние слова и улыбнулась.

Я улыбнулся в ответ и пожелал доброй ночи. После чего вернулся в больницу. В этот день я наконец-то уснул.

Знаешь, Док, я понимаю, что всё хорошо, когда ложусь спать без мыслей. Когда мне не приходится чистить свою голову от всего лишнего. Панацея. Вчера Кинзи стала для меня чем-то вроде бесплатного обезболивающего в невероятно красивой упаковке. Несмотря на то, что я потерял самое дорогое, что только имел в своей жизни — своих родителей, я приобрёл то, что поможет мне это пережить, хотя бы первое время. Вчерашний вечер был переполнен эмоциями и весельем, красотой и заботой, и ее глазами. Я везде их видел, они всегда были со мной.

Всего лишь десять дней, Док, и я стал в этой больнице своим. Меня знали все, от местных уборщиц до главврача, от медсестер до санитаров и так далее. Больной, который стал своим, похоже на рассказ отреченного, что-то типа зомби, которого приняли люди или же вампир, который помогает оборотням, забавное сочетание, но это так. Выписывать меня ещё было слишком рано, ведь та травма, которую я получил, расценивается, как крайне тяжелая. Если до полного выздоровления я снова получу удар по тому же месту, то последствия могут быть куда хуже, нежели просто смерть. Мне так сказали, и я привык этому верить.

Я помогал каждому в больнице, и все воспринимали меня положительно, дружелюбно. Главврач понимал, что идти мне некуда, дом у меня есть, но никто не сможет следить за мной, дать должный уход, менять повязки, готовить черничную овсянку. Я и сам умел готовить её, но такую, как у Кинзи, я не пробовал и до сих пор. Особенно мне нравилось находиться на дежурстве у миссис Лауры Феррелл. Эта веселая женщина, лет шестидесяти, просто заставляла тебя проникнуться собой. У неё было настолько чуткое сердце, добрая душа и отличное чувство юмора, что каждый раз мы с ней находили с чего смеяться на дежурстве.

Картотека длиною в десятки метров, куча бумаг, списков, данных, архивов, это утомляло к концу дня и со всем этим мне приходилось работать в некоторые дни. Это утомляло, не спорю, но не скажу, что было скучно. Данные о болезнях, истории возникновения, прогрессии, регрессии, деградации, расстройства, больше, больше, больше! С этого самого дня я начал просто обожать читать подобную литературу, а миссис Феррелл помогала мне с этим как нельзя лучше. Всю свою жизнь она посвятила медицине: школа с биологическим и химическим профилем, медицинское училище, университет, интернатура, практика в роли медсестры, фармацевта, полноценная работа детским педиатром и... дальше я не запомнил. Теперь же она на пенсии, якобы, и подрабатывает в дежурной картотеке, но уровень её знаний — это просто нечто. Кстати, стоит учесть, что у меня

всегда был технический склад ума, я не был предрасположен к медицине, но именно сейчас меня это все заинтересовало. Не теми заумными определениями, которые мне приходилось читать каждый вечер, а предметом их представления, примерами, наглядными ситуациями. Мне нравилось в некотором понимании «развивать» болезни. Я любил представлять и думать, как себя чувствуют люди при заболевании тем или иным видом недуга. Странный, да?

Бывали у нас с миссис Феррелл и ламповые вечера. Назывались они так оттого, что после смены мы садились за общий стол комнаты, заваривали дорогой чай с клубникой, которым она всегда была богата, ставили в центр керосиновую лампу и беседовали на тему болезней. Я спрашивал те вопросы, которые интересовали меня и которые накопились за день, а Миссис Феррелл любезно на них отвечала, иногда я даже спрашивал её, не слишком ли я доставуч, на что всегда получал отрицательный ответ.

— Ну-с, что сегодня ты там накопил? Мне кажется, скоро ты мне будешь задавать такие вопросы, на которые ответы будем искать вдвоем. — Раздалось очередное начало нашего вечера.

— До этого ещё очень далеко, миссис Феррелл. Смотрите, я дошел до раздела психических заболеваний.

— Ух ты, помню нашего преподавателя по столь изошрённому предмету.

— Он был психом?

— Ну не так прям, как ты сказал, но казался нам странноватым. Правда ты бы ему понравился.

— Почему?

— Понимаешь, он ставил оценки только тем студентам, в которых видел желание и интерес, и порой интерес был далеко выше наголову. Он легко мог отличить заученный материал, от «понятого» материала. И всегда портил зачётные книги нашим отличникам.

— Даже так? Он был психом-гением?

— Хватит уже с этими твоими психами. — С улыбкой произнесла она.

— Ладно. В общем, меня тут один вопрос интересует.

— Жду-с. — Она любила добавлять в своей речи окончание частицы «-с». Не знаю, либо из уважения ко мне, либо, чтобы добавить иронии в наш разговор, но мне нравилось.

— Шизофрения. — Показательно-ораторски начал я, словно приготовил доклад.

В принципе, так оно и было, я наматывал круги перед миссис Феррелл, рассказывая то, что усвоил за день, она внимательно слушала и попивала чай.

— Вчера я понял, какое состояние признано за норму и рамки принятия тоже, как бы подходя к этой теме. Все, что выходит за их пределы — является отклонением и, соответственно, болезнью.

— Верно, но это тебе скажут и на первом курсе училища.

— Это не все. Шизофрения является болезнью, так как это некое отклонение от статистически определенной нормы, ну, как пример, содержания гемоглобина в крови. Можно сделать вывод, что есть некие стадии, как почти у всех болезней. Верно?

— Продолжай. — Она сделала глоток чая и внимательно слушала мой рассказ.

— Понятно, что есть разные ее стадии, даже самые тяжелые, о которых я читал, но вот вопрос: помнит ли человек в таком состоянии другого человека?

Теперь же, полностью выслушав меня, миссис Феррелл пододвинула мою чашку с чаем и жестом указала на то, чтобы я угощался печеньем, которое она сама испекла.

— Хм, интересный вопрос. Смотри: бесспорно, шизофрения является сложной болезнью. Проявления бывают как лёгких, так и сложных форм. Лёгкие люди переносят в быту, работая, заводя семью, имея интересы и так далее, не без своих проблем, как ты понимаешь.

— А сложные? То есть... Тяжелые?

— Ты это, чай пей.

Я сделал глоток чая и далее продолжал слушать столь захватывающий рассказ.

— В тяжёлых случаях, несомненно, требуется вмешательство врачей, госпитализация и тому подобное. Уход за больным, предоставление лечащих препаратов, развитие и так далее. Что на счёт твоего вопроса: в легких случаях, бесспорно, это невозможно, с памятью человека абсолютно всё отлично, а уж если речь идёт о каком-то конкретном человеке из жизни, к примеру, родителе, то уж тем более. Что на счет запущенных случаев, то тут все тоже довольно спорно. У некоторых развивается синдром гения, и они начинают творить, при этом не забывая абсолютно никого из своей жизни. Но, если я правильно тебя поняла, то вопрос о том, сможет ли вспомнить кого-то больной шизофренией при самом запущенном её случае?

— Верно. Именно так.

— Знаешь, сложно ответить.

И вот здесь я удивился. Обычно она давала мне ответ на каждый мой вопрос. Не всегда развернуто, но приводила примеры, дабы я понимал и представлял себе всё это, а сейчас? Что сейчас?

— То есть?

— Просто, самый запущенный случай шизофрении, на мой взгляд — это апатия, то есть полное безразличие ко всему. А теперь представь такого человека, который не идёт на контакт ни с кем, и даже при самых страшных пытках не выдаст звука.

— Именно поэтому сложно определить уровень памяти такого человека, ведь он банально не отреагирует на личность, которая перед ним?

— Как-то так.

— А лично вы склоняетесь к какому решению?

— Все зависит от состояния мозга такого человека, если память не нарушена, то он всё прекрасно помнит. А вот для объяснения своей забывчивости имеет название другая болезнь.

— Это какая же? — С диким удивлением произнес я.

— Здравствуй-с, про амнезию мы ничего не слышали?

— Точно, как я забыл.

— Да у вас амнезия, голубчик.

Вот примерно так, душевно и тихо проходили наши вечера. Кинзи отправили на неделю в другой город для прохождения практики, так что мне приходилось занимать себя чем-то, и целую неделю я скитался по больнице в поисках чего-то забавного и интересного. Так и прошла моя неделя, без тех самых глаз.

Описывать каждый мой день, проведенный в больнице, нет смысла. Поэтому, я буду описывать только самое интересное или делать записи только тогда, когда посчитаю нужным.

Итак, утро вторника. Нет, чудесное утро вторника. Сегодня солнечные лучи заполняют мою комнату сполна, обдавая её теплом. Через пятнадцать минут я должен быть в кабинете у главврача. Меня вызвали на беседу, правда, не знаю, зачем. Пока ещё не знаю.

Постучав в просторный, огромный кабинет доктора, я приоткрыл дверь и попросил разрешения войти.

— Да, конечно, заходи, Тайлер. Главврач тут же встал с кресла и подошёл ко мне, чтобы пожать руку. Я с удовольствием сделал то же самое, ощущая невероятное чувство доверия и уважения.

— Доктор, если не секрет, зачем вы меня вызвали, что-то серьёзное?

— Можешь называть меня мистер Спарк.

— Так будет куда лучше, но все же. — Сгорал я от любопытства.

— Тебя всё устраивает? Ну, дают ли должный уход, средства?

— Да, всё отлично, на высшем уровне. Скажите, а когда меня выпишут?

— Хм, это была одна из тем, на которые я бы хотел с тобой поговорить. Тяжело сказать, очень тяжело, Тайлер.

— Почему? Я ведь отлично чувствую себя. Да, иногда бывают головные боли, но для этого у меня есть лёгкое обезболивающее, которое никак не навредит моему здоровью.

— Так-то оно так. Только всё намного глубже и сложнее, чем кажется.

— Почему же?

— Здесь мы можем дать тебе кое-какую защиту от влияния неких негативных качеств на твою рану. Поверь, ты довольно серьёзно повредил свою голову и то, что ты выжил, делает тебя счастливым.

— Хорошо. И как долго мне ещё находиться здесь?

— Пока мы не можем точно определить это. Рана затягивается плохо, но она заживает и это хорошо. Не нужно спешить с этим, ладно?

— Не буду спорить, вам явно виднее будет.

— Вот здесь ты прав.

— А на какие ещё темы вы хотели поговорить? — Мистер Спарк снова встал на ноги и сел боком на стол, чтобы лицом находится ко мне.

— Слышал я, что ты увлекаешься медициной. По крайней мере, твои прорывы в познаниях просто удивляют миссис Феррелл. И вот кому-кому, а ей я верю.

— Вряд ли мои увлечения можно назвать прорывом, но да, она учит меня практически, рассказывая на деле, что представляет из себя та или иная болезнь, что дает мне некое представление и превосходство над обычными учащимися, правильно?

— Именно.

— Кстати, вы не против, что мы остаемся там после закрытия и беседуем на разные темы?

— Ничего страшного, это даже хорошо.

Доктор Спарк тёр ладони друг о друга, смотрел на них и, мне казалось, что нервничал.

— Доктор, вас что-то беспокоит?

— А? Нет-нет.

— Если вам есть что сказать, лучше говорите сразу. Мне кажется, самое страшное я уже пережил.

— Честно говоря, для этого я и позвал тебя. Не очень приятная тема, но все же.

Я закинул ногу на ногу, выпрямил спину и опёрся на спинку дивана, делая вид непоколебимого, переполненного апатией человека, который готов все воспринять лоб в лоб.

— Если считаете, что нужно — прошу вас.

— Мы проверили, Тайлер, у тебя нет родных больше, верно?

— Это было так необходимо?

— Поверь, мы это делали не для собственного интереса, как только ты сюда попал, необходимо было сообщить всем, вот так и получилось выяснить.

— Ладно, что дальше?

— Именно этот вопрос хотел задать тебе я, что ты думаешь делать дальше?

Ранее я не задумывался над этим, но сейчас данный вопрос полностью окутал меня. Действительно, что дальше? Мне некуда идти, негде работать, не на что жить. И если я

получу выписку сейчас, как этого хочу я, то для меня настанут времена не из лёгких. Я стал выкручиваться, как мог.

— Я не думал над этим. Наверняка найду работу, буду выживать, как-нибудь, в любом случае, постараюсь стать на ноги.

— Тайлер, одно дело стать на ноги финансово, даже физически. Что на счет психического здоровья? Поддержка, теплота, забота?

— Мне явно будет не до этого.

— Зря ты не придаешь этому внимания, немаловажный аспект, как ни крути.

— Возможно, но не самый главный.

— Тут уж все зависит от приоритетов и разница между ними минимальна.

— Доктор, я не могу понять, к чему вы ведёте.

Он вёл издалика. Пытался подготовить меня к чему-то, только я сам не понимал к чему.

— У меня есть предложение к тебе. Возможно, оно способно тебя заинтересовать.

— Как минимум вы меня уже заинтриговали. Что ж, я готов выслушать.

— В некоей больнице сейчас открывается ещё один штат для лечения больных, грубо говоря — расширение штата. Так как это государственное заведение, нанимать высококлассных специалистов им не по карману, намного проще обучать молодых.

Я немного недопонимал, о чём он говорит, вернее, зачем. Как мне может быть интересна какая-либо информация о неизвестной мне больнице? Тогда это казалось странным.

— Этот штат занимается анализом и реабилитацией больных. — Продолжал дальше свой монолог доктор. — Подмечу, моральной реабилитацией. Что-то похожее на службу поддержки, только непосредственно с пациентом. Что в себя будет включать данный отдел: это анализ состояния пациента, его психологическое и психическое состояние, возможность реабилитации и непосредственно работа с самим пациентом.

— Это всё очень интересно, но зачем вы мне это рассказываете? Как меня могут заинтересовать дела какой-то там больницы?

— Все просто, Тайлер, я предлагаю тебе работу.

— Работу?

— Ну, сначала тебе придется пройти обучение, а только потом уже приступить к своей работе.

Я замолчал и стал рассуждать над всем этим, принимать такое же спонтанное решение, как и это предложение — будет довольно глупо. Спустя несколько секунд я выронил:

— Можете озвучить причины, почему мне стоит согласиться с этим предложением?

— У тебя будет работа, тебе ведь нравится медицина? Вот, теперь ты сполна будешь вкушать практические знания. У тебя появятся коллеги, возможно, друзья, деньги за работу.

— Минусы?

— Даже не знаю...

— В любой работе есть минусы, верно? Давайте не будем с вами вдаваться в подробности, ведь будет крайне неприятно, если я их обнаружу во время работы, так?

— Ну если уже так прямо.

Доктор слез со стола и стал на ноги, подошел ко мне, сел рядом.

— Так как это психиатрический госпиталь, большинство пациентов там — психически больны, понимаешь, да?

— Допустим.

— Но не стоит бояться этого, ведь большая часть из них совершенно безобидны, а особо буйные заключены в смирительные камеры.

— Я говорю о минусах, которые способны заставить меня подумать о том, стоит ли соглашаться.

— Пожалуй, ещё одним минусом является то, что тебе придется жить в самом госпитале в отдельной комнате.

— Это как же так?

— Нет-нет. Несомненно, ты сможешь покидать в выходные его, правда под расписку и разрешение, но не думаю, что это будет проблемой, я договорюсь, если что.

— То есть, я единственный, кто будет вот так жить, вместе с больными?

— Нет, что ты. Ты будешь не единственный. Для всего вашего нового штата будут выделены отдельные комнаты, такое вот условие для нового подразделения больницы. Вы не можете разглашать то, что было в кабинете между вами и больным.

— У меня есть время подумать?

— Конечно, я не заставляю тебя давать мне ответ именно сегодня. Даю тебе неделю на рассуждения, хватит этого?

— Вполне хватит.

— Ну, именно об этом я и хотел поговорить с тобой. Теперь же снова жду тебя в кабинете уже с ответом. И да, если что-то будет нужно, можешь просто заходить, не стесняйся.

— Доктор встал, подошел обратно к своему столу и сел в кожаное кресло. Я же только начал уходить, как только вспомнил кое-что.

— Мистер Спарк, сегодня ведь Кинзи возвращается обратно, можно мне провести с ней вечер?

— Чтобы я видел свет в твоей палате в десять.

Огромное спасибо.

Стоит и вправду подумать над таким стоящим предложением, ведь других вариантов у меня нет. Что меня ждало бы в ином случае? Я вернусь в пустой дом, где полный бардак, нет ни еды и ни намёка на уборку, нет уюта и тепла. К тому же, я смогу продать дом и исполнить свою мечту — купить жильё на берегу реки, наслаждаясь вечными пейзажами природы. А в отпускные моменты я смогу продолжить писать. Это ли не замечательно? Но подумать, действительно, есть над чем. Вечер обещал быть для меня довольно хорошим, поэтому на сегодня рассуждений хватит.

Мне казалось, что я был неотразим, правда до того момента, пока не встретил Кинзи. Тогда я вырядился в черные штаны, рубашку и галстук, хотелось сделать что-то особенное для неё и выглядеть презентабельно. Благо одежду мою мне уже подвезли из дому. Я ждал её у арочного памятника, возле которого мы привыкли всегда встречаться и расставаться. Она опаздывала на пять минут, что было ей не свойственно, я даже начинал волноваться по этому поводу. Как вдруг мне в спину влетел человек на дикой скорости, я с трудом удержался на ногах и только, повернувшись лицом, я увидел, что это была Кинзи. Она вцепилась мне в объятия настолько сильно, что пальцами сжимала мой торс до такой степени, будто через секунду должны были начать хрустеть рёбра. Но мне это нравилось.

Мы простояли так пару минут, просто обнимая друг друга, не обращая внимания на людей, которые проходят мимо, после чего Кинзи подняла голову и посмотрела на меня. Я снова видел перед собой эти глаза, столько нежно-красивые и переполненные игривостью. После минуты молчания и любования друг другом, она наконец произнесла:

— Ты сегодня нарядный такой, какой-то праздник?

— Да, тебя встретил.

— Тоже мне праздник. А что, что с твоими волосами? Она провела по моей голове, на которой теперь были короткие волосы. Обычно я носил небольшую чёлку на правую сторону.

— Тебе не нравится?

— Просто, это так непривычно и забавно.

После этого мы пошли в местный ресторан. Я чувствовал себя так, будто нам по тридцать лет, и мы уже сложившаяся пара, правда вели мы себя так, будто нам по шестнадцать. Мы сели за столик, заказали еду, а дальше... дальше я вкушал каждую секунду, я наслаждался её поведением, её лицом, её голосом и манерами. Она рассказывала о том, как проходила практику в другом городе, все смешные моменты, я следил за её глазами, как они забавно бегают из стороны в сторону, добавляя рассказу некую изюминку. Господи, как же я обожал её глаза и улыбку.

— Не смотри, как я ем.

— Почему? — Удивленно ответил я.

— Потому что я неряшливо ем и стесняюсь этого. А когда на меня смотрят, я ещё больше смущаюсь.

— Хорошо, я не буду, обещаю. — Я отвернулся на момент, а она преподнесла к своему рту ролл с рисом и лососем, я резко повернулся, чтобы посмотреть на нее. От моего движения Кинзи резко сжала палочки, которыми держала ролл, и рис разлетелся по столу и подставке, попадая в мой имбирный чай. На её лице теперь были капли соевого соуса. Я же не стал сдерживаться и начал смеяться с произошедшего.

— Тебе смешно, да? То есть смешно ему, вы посмотрите. — Она начала ворчать и убирать разлетевшийся рис со стола.

— Разве что совсем немного.

— Я же говорила, не смотри на меня, когда я ем. — Она пыталась сделать вид, будто невероятно разозлилась на меня, но все, что ей удалось достать из меня таким образом — это ещё одну волну смеха, я лишь пытался не засмеяться на весь ресторан.

После окончания нашего ужина, хочу подметить, что Кинзи всё-таки удалость поесть, мы решили пройтись по парку, дойдя до чёртового колеса. Впервые я держал кого-то за руку, чувствуя себя кому-то нужным. Это, действительно, хорошее чувство, самое приятное, что я испытывал за всю жизнь. Казалось, что мы были такими отличными от всех людей, такие нарядные, одеты на праздник, что ли, но именно это и делало нас особенными. Мы оба были от другими для всех вокруг, но такими одинаковыми друг для друга, как же она была прекрасна в тот вечер. Мне редко приходилось видеть её в платье, но эти моменты я пытался запоминать сполна. Она... она была так красива, пыталась все время смотреть в пол и скрывать свои прекрасные глаза. Она думала, что ей не идёт эта одежда, а я в это время думал, как же мне чертовски повезло.

Дойдя до чёртового колеса, конечно же, у нас появилась мысль посетить столь чудную конструкцию. Тогда мы собирались на вечерний сеанс фильма и нам нужно было убить время. Что ж, колесо было внушаемых размеров, казалось, что с самой верхушки можно рассмотреть город. Только мне было не до этого. Как только мы сели рядом, всё моё внимание было приковано к лицу Кинзи. Она же осматривала окрестности вечернего города, пытаясь обратить моё внимание на них. Я был полностью поглощен окрестностями черт её лица, это было невероятно. Свет от нежно-ярких фонариков освещал её лицо так, что пятна ярких свечений блестели на ее волосах, а глаза лишь наполовину отблескивали янтарным огнем, придавая им мой любимый оттенок, а на другую половину — пленили глубоко-голубым, акварельно-чистым цветом, заставляя меня влюбляться в них каждую секунду все больше и больше.

— Кинзи.

— Даа? — Игриво протянула она.

— Что ты любишь больше, день или ночь?

— Ну, сложный вопрос. Вообще, я люблю день за то, что обычно принято творить и что-либо делать именно днем. Ну, лично я сплю ночью. Много чего происходит днём. А ночь люблю за вот такие вот пейзажи, когда, действительно, нечего скрывать и всё идет напоказ. Смотри, разве не прекрасно? Но и тут есть свои моменты, есть то, чего нельзя

увидеть днём и то, что нельзя ночью. Но если ты поставил вопрос так конкретно..., наверное, больше я люблю именно день. Питать солнечную энергию, а какое чудесное утро летом. Определенно день.

— Видимо, тебя ночь любит больше, чем ты её.— Произнес в тот момент я. Просто хотел подметить, насколько невероятна она сегодня и насколько ночь делает её прекрасней. Блеск её глаз усиливался в разы, если было и вправду темно. Она освещала не только всё вокруг, но и мое существование.

— Что? Это почему?

Я же молчал и не говорил ни слова. Я просто. Просто поглощал её взгляд своими глазами серо-голубого оттенка, которые казались мне просто никчёмными на её фоне.

— Обожаю, когда ты молчишь в эти моменты. Ты выглядишь смешно и так мило. — Она притулилась ко мне и легла на плечо.

Ничего теплее, чем это, я ещё не чувствовал. Я всегда удивлялся тому, как она, столь активная, веселая, можно даже сказать, — шило в заднице, мигом превращалась в такую смирную и милую девушку, которая согревала лишь своим одним прикосновением. Это я находил прекрасным.

Ах да, фильм, вечерний сеанс. Не знаю на счет фильма, но сам сеанс мне понравился. На счёт Кинзи не уверен, да и вообще, с ней я не запомнил ни одного фильма на котором был. Повторюсь, ни одного фильма.

Что ж, расставания с ней я не любил больше всего. Но приходилось, ведь у меня был режим.

— Тайлер, ты меня так долго держишь, будто мы с тобой больше не увидимся.

— Я знаю, но не отпущу.

— Я знаю, что делать в таком случае. Закрой глаза.

Я закрыл глаза, а она положила свои ладони мне на щеки и еле-еле поцеловала, так, что я чувствовал ее дыхание.

— Теперь я с уверенностью могу идти обратно.

— Видишь, какая я молодец.

И я снова проводил ее взглядом до полного исчезновения за дверь. А я? Я вернулся обратно в госпиталь, главврач проверил наличие моего брэнного тела в камере, после чего кинул апельсин, якобы «красочно завершить» мой и без того переполненный красками вечер. Я уже говорил, что когда я ложусь спать без задней мысли, то понимаю, что все, действительно, хорошо? Обожаю это чувство. Не устал, но склонен ко сну.

О да, Док. Эти пять дней были для меня слишком продуктивны в плане продвижения моего обучения. Мистер Спарк сказал мне, что необходимо развивать свой разум, чтобы восстановиться. Я вполне окреп, но нужно прогрессировать, в каком-то понимании развивать мышление, укреплять психику, вырабатывать хладнокровность и апатию к раздражительным факторам. В общем и целом, за четыре дня и четыре ночи я

проштудировал столько медицинских трактатов, столько информации из психиатрии и психологии, сколько не смог бы получить любой студент-медик за все его годы обучения в университете. То чувство, когда твоя голова переполнена информацией настолько, что тебе приходится отрубаться периодически, дабы хоть как-то восстанавливать свой неокрепший ум. Хотя, у большего процента населения он всегда в таком состоянии, живут же.

Кинзи подкармливала меня своей невероятной черничной овсянкой, апельсинами и соком. Вечно ругала меня за то, что кроме такой вот пищи я ничего не ел. Просто мне не хотелось. Зачем менять то, что тебя вполне устраивает?

Ближе к делу. Именно этот день стал для меня, в каком-то плане, переломным. Ведь именно сегодня я остаточно принял предложение доктора на эту работу. Хотя и работой, пока что, это тяжело назвать. Что ж, понемногу превращаюсь в некоего заучку-калеку. Как обычно, плотно перебинтованная голова и вечно скитающаяся рядом Кинзи. Она знала о предложении врача и всячески поддерживала меня в данном направлении, ведь и сама хотела работать кем-то выше по значимости, нежели просто медсестрой-практиканткой, пускай и в этом госпитале, с неплохой репутацией. Кинзи обожала доставать меня с расспросами о том, что же такое интересное я целыми днями читаю, на что я всегда охотно давал ей ответ. Она же всегда с охотой слушала меня, вникая в каждую фразу, произнесенную из моих уст, ей нравилось слушать меня, это было видно по её глазам.

— А что сегодня ты начал изучать? — Кинзи пододвинула ко мне тарелку со свежей черникой и апельсиновым соком.

— Трактат по психиатрии. — Я отложил книгу и принялся поедать ягоды одну за одной, ведя диалог с Кинзи и наслаждаясь апельсиновым соком.

— Ого, довольно интересно, а что именно?

Да-да, она всегда была такой любопытной, но, наверное, именно этот фактор был среди тех, которые можно отнести к причинам, почему она мне так нравится.

— Остановился на классификации психических расстройств, а там посмотрим.

— Ты ведь потом расскажешь мне, что нового узнал, я хочу черпать полезную мне информацию.

— Конечно. Куда мне от тебя деваться.

— Это верно.

— Она сделала паузу и смотрела на то, как жадно я поедаю ягоды.

— Тайлер.

— Да?

— Скажи, почему ты так любишь чернику?

— Начнем с того, что она, действительно, вкусная.

— Зная тебя, ты не можешь отделаться таким простым ответом.

— Ч...что? Неужели я настолько предсказуем?

— Б-о-о-о-лее, чем ты можешь себе представить.

Обидно. Но она права.

— Насколько известно, в чернике содержится гликозид, что предотвращает появлению глаукомы и катаракты. В добавок ко всему, в ней полно природного железа, а я ведь восстанавливаюсь после потери такого количества крови. Условно считается, что я предрасположен к анемии.

— Допустим, но ведь есть железо и других видов, да в аптеке полно препаратов, почему тебе не пропишут их?

— Железо в этих ягодках куда лучше усваивается, нежели аптечное дерьмо.

— Ладно, с этим разобрались. А апельсин почему? Почему не мандарины, лимоны, грейпфруты?

Я посмотрел из стороны в сторону, создав атмосферу секретности, подлез к уху Кинзи и тихо произнес:

— Потому что они вкусные.

Она закатила глаза, улыбнулась и сказала, что я дурак. Я закончил трапезу, через двадцать минут нужно было идти к врачу, дабы вынести свое решение. Уже не терпится приступить к делу и начать полноценно работать. Хотя, знал бы, к чему стремился.

Я помню, как вошел в кабинет врача для оглашения своего решения. Тогда его не было у себя, и мне пришлось ожидать в приёмной. Секретарь вечно болтала по телефону, все двадцать четыре минуты и восемь секунд, которые я провёл в ожидании, я слышал лишь её разговор НИ О ЧЕМ. Я даже удивлялся, как люди могут нести столь подобный бред тоннами слов, абсолютно не щадя свой словарный запас, который и без того не так уж и велик. Работник больницы, дипломированный специалист, а распускает сплетни, как дворовая подстилка. Хотя, может, она работала в «две смены»? Ей на вид было лет тридцать, а всё, что её интересует — это личная жизнь кого угодно, но не её самой. Её донимают чужие неудачи больше, чем собственные, а повод поглумиться над кем-то — как вдох препарата из баллончика для астматиков, снова давая смысл жизни до наступления каждого последующего такого момента. Ей нет никакого дела до самой себя, зато готова упрекнуть каждого, если тот допустит ошибку. Меня тошнило от этого человека, и продолжалось бы это ещё минут пять, я бы не стерпел. Но в самые последние тики метронома моего нервоза вошел главврач:

— Тайлер, здравствуй. Ко мне?

Я кивнул и с облегчением встал на ноги, следуя за доктором в его кабинет.

— Присаживайся, выпьешь чего-нибудь? Есть черничный сок, ты ведь любишь чернику?

— Откуда вы знаете?

— Только ленивый не знает в нашей больнице основного потребителя данной ягоды.

— Тогда не откажусь.

Врач достал из небольшого холодильника бутылку, заполненную соком, взял два стакана и наполнил их соком до верха. Один пододвинул мне, а другой оставил на месте.

— Угощайся. Что ж, Тайлер, с чем пришел? Подумал над предложением?

— Именно поэтому я здесь.

— Полностью готов выслушать тебя.

Я сделал глоток сока, отставил стакан в сторону и сел в кресло удобнее.

— Я не прочь попробовать себя в столь интересном деле.

— Рад слышать это. Можно принять это решение, как положительный ответ?

— Только я хочу кое-что выяснить.

— Слушаю тебя.

— Смогу ли я в любое время отказаться от того или иного пациента, если мне вдруг станет не по себе?

— Думаю, в первое время у тебя будет такая возможность, но только если ты обоснуешь свое требование.

— Что ж, не вижу причин для отказа, когда можно будет приступить?

— Завтра мы доставим тебя в клинику, проведем экскурсию и поможем обустроиться.

— Я могу быть свободен?

— Конечно, можешь собирать вещи, завтра в двенадцать отправляемся.

Я допил свой сок, пожал руку врачу, попрощался и покинул его кабинет. И знаешь, что, Док? Эта барышня в приемной до сих пор трепала своим языком. Сколько же в этом человеке гнили и зла, ужас. При выходе я задел ногой шнур телефона, чтобы отключить его, и мигом выскочил из приемной.

Весь вечер я посвятил тому, чтобы собрать свои вещи. Кинзи помогала мне с этим, но была жутко недовольна происходящим. Она молча, спокойно, без эмоций упаковывала вещи в сумку и лишь изредка кашляла.

— Тебя что-то терзает? — Спросил я.

Кинзи остановилась и замерла ко мне спиной. После чего тихо произнесла:

— Я не хочу, чтобы ты уезжал.

— Ты чего? Это ведь работа, мы с тобой будем видеться так же, у меня будут выходные и всё тому подобное.

— Понимаешь, я привыкла видеть тебя каждый день почти, проводить с тобой каждую минуту и мне это нравилось.

— Поверь мне, это не повод для грусти.

Док, ты не согласишься, каких усилий стоило мне убедить её в том, что все останется прежним, просто я буду работать на другом конце города. Ничего критичного ведь, но попробуй докажи это. Спустя полчаса нашей беседы мне удалось ее успокоить. Её глазам не свойственна грусть.

Машина скорой помощи. Они решили доставить меня в госпиталь на машине скорой помощи? Я думал, что это глупая шутка и меня разыгрывают, но нет же. Сколько можно?

В тот первый день мне провели экскурсию по госпиталю, показали достопримечательности, где находятся больные, столовую, хирургические и прочее, прочее, прочее... Я не запомнил имя ни одного сотрудника, кроме твоего, Док. Какая разница, ведь всё равно мне не придется с ними работать. Мне нет никакого дела до их имен, равным счетом, как и им до моего. Никаких имен.

Именно тогда я познакомился с тобой, Док. Хотя, тогда я ещё тебя так не называл. Главврач познакомил нас, помнишь?

— Вот, это тот самый Тайлер, о котором я говорил тебе, Фрэнк.

— Что ж, здравствуй, некий Тайлер.

— Здравствуйте, некий мужчина в халате.

— Ох, что же это я, меня зовут Фрэнк Гринн. Именно я буду заведующим этого отделения и все результаты нужно будет сообщать мне. — Ты протянул свою руку, чтобы пожать мою.

— Тайлер. Тайлер Квинн. — Я протянул руку навстречу и сжал ее.

В тот день ты провел меня в комнату и показал, где я буду обитать ближайшее время. Честно говоря, первое впечатление от моих апартаментов было просто ужасающим. Комната с двумя кроватями, письменным столом, тусклым светом, и светильником. Пожалуй, это всё. В тот момент я просто впал в ступор от увиденного. Но ты меня успокоил, ведь был бесплатный бар, который каждые выходные набивали доверху черничным шоколадом. О да, самое дорогое в моей камере — это тот самый холодильник с безумно вкусным шоколадом.

На следующий день ты пригласил меня на беседу в свой кабинет, который был ничуть не лучше моей камеры.

— Что ж, Тайлер, расскажи о себе.

— Сперва Вы.

— Зачем тебе знать обо мне?

— Мне ведь работать с Вами, я хочу знать всё.

— Это похвально, нужно будет направить твоё стремление к познаниям в правильное русло.

— Я сам в силах это сделать, просто хочу узнать о своём руководителе больше.

Ты усмехнулся и подошел к своему холодильнику, достал виски, лед, два стакана и наполнил их на треть, вкинул два кубика льда и один из стаканов пододвинул ко мне.

— Угощайся, предстоит долгий разговор.

Я бережно пододвинул стакан и отодвинул его по левую сторону от себя, ведь не употреблял спиртного, да и мне это было противопоказанно.

— Зовут меня Фрэнк Гринн, родился тридцать пять лет назад в городе Кларксвилл, штат Теннесси. Отца не знал, ушел от нас с матерью, когда мне было три, а мама работала фельдшером в местном госпитале. Почти всё время проводил с бабушкой, можно сказать, что и вырос под её чутким руководством. Окончил школу на тройки, с огромными усилиями поступил в технический университет, после чего, на третьем курсе, бросил учебу и поступил на первый курс в Бостон.

— Медицина?

— Именно. Проучился там пять лет, после чего прошел практику на скорой, практику медбратом, даже работал в местном реабилитационном центре. А потом меня направили сюда. Ну я так подумал: неплохая оплата, питание, жильё, да и нравится мне здесь. Особо никто не следит за твоими действиями, делай, как считаешь нужным. Да и всегда мечтал побывать кем-то важным, занять хорошую должность, и не упущу этого момента. По полной буду следить за каждым действием подчиненных, вести учет и слежку за вами.

Актёрище, правда мне удалось тогда раскрыть тебя, помнишь?

— Странно, почему Вы пытаетесь казаться грозным руководителем, если ведёте себя иначе.

— То есть?

— Вы говорите, что будете относиться к делу с совестью, следить за подчиненными и вести учёт каждого действия, но ведь Вы не сторонник такого метода.

— С чего ты взял, почему так думаешь?

— Вы ни разу не пригубили виски, а лишь согревали его в руке, создавая вид опытного доктора, который повидал в своей жизни многое, хотя это не так. Вам всего тридцать пять. Вы слегка выдумываете, когда говорите, запинаетесь не нарочно. Ваш образ строгого доктора — обман.

— Смотри какой, правда так думаешь?

— Да. Тем более, я знаю, насколько важен для руководителя авторитет, и Вы попытались показать себя строгим, дабы особо не задумываться над тем, как держать нас всех в ершовых рукавицах.

— Ладно-ладно, один ноль в твою пользу. У меня и правда нет опыта руководства, но я буду прикладывать все усилия для качественной работы с моей стороны.

— А вот это уже правда.

— Что на счет тебя, юный детектив?

— Совсем не детектив, просто это очевидно. Что ж, меня зовут Тайлер Квинн, родился в городе Денвер, штат Колорадо. Учился в обычной школе, окончил колледж без каких-либо отличий и поступил в местный технический университет. Совсем недавно попал в аварию, получив серьезную травму головы, но врачи сказали, что я иду на поправку огромными шагами. Несколько дней назад умерли родители, теперь я здесь по предложению главврача.

— Совсем уж сжато.

— Пока что этого хватит.

После этого момента ты будешь ещё долго считать меня каким-то отдаленным от мира сего. Но я всегда был замкнутым в себе, не особо находил желание общаться и прочее. Но здесь я обрел дом. Настоящую заботу и товарищей. Да, Док?

— Ну, хватит, так хватит. Не тащить же из тебя силком всю информацию.

— Это верно. Всё равно Вы всё узнаете, рано или поздно.

— И я так думаю. Просто не хочется, чтобы между мною и моими подчиненными была какая-то тираническая атмосфера. Понимаешь?

— Более чем. Этого тяжело будет добиться. Хотя, как знать.

— Тебя ввели в курс дела? — Ты откинулся на спинку кожаного стула и закинул руки за голову. Если честно, тогда ты выглядел, как беззаботный подросток.

— Лишь поверхностно. Можно подробнее?

— Смотри, наш отдел будет заниматься отдельным видом реабилитации пациентов.

— В больнице ведь есть специальный центр.

— Да. Но мы будем отличаться тем, что не только помогаем людям встать на ноги, но и узнаём, что с ними произошло.

— А неужели это сложно? — С диким недоумением спросил я тогда.

— Понимаешь, люди, поступающие к нам, будут с психическими расстройствами. Некоторые из них даже не говорят.

— Ч...что? А как мне тогда вытаскивать из них информацию? Как я узнаю, что с ними произошло?

— Этому тебе и следует научиться. Не зря ведь тебя будут учить, правильно?

В тот день мы с тобой разговаривали ещё долго. Не помню до конца, какого было содержание нашего диалога, но тогда ты показался мне неплохим парнем. Во всяком случае, внутри ты не выглядел на свои года. Тебе было максимум лет двадцать. Как мне, в общем.

Именно в этот день началось мое обучение. Не совсем то, чего я ожидал.

Когда я проснулся утром в своей комнате, позавтракал, оделся, то сразу отправился на этаж выше, в выделенную нам лекционную. В ней были прозрачные двери, новые парты,

куча стульев, прекрасное освещение и много людей. Пришел я одним из самых первых и сел на одну из первых парт, чтобы вникать каждому слову, которое произносит лектор. Его имени я до сих пор не помню... Профессор... а, ну и фиг с ним.

Должен только сказать, что он был, действительно, умным человеком и преданным наставником. Стоило только мне задать на лекции какой-то вопрос, то он тут же начинал разжевывать всю суть проблемы. Он даже оставлял меня после лекций, чтобы насладиться тем, что хоть кто-то интересовал его. Пожилой дяденька. Что ещё нужно таким? Общение. Много общения.

Лекции быстро мне наскучили. Хотя я и любил такую тематику, но жутко ненавидел форму занятий. Индивидуально он рассказывал мне куда больше практической информации. Вскоре я перестал посещать лекции и ходил только к профессору на личные встречи.

Те тонны информации, которые я получал, просто ничто, по сравнению с учебниками и книжками. Целый месяц изо дня в день я не видел белого света, практически. Только иногда созванивался с Кинзи и делал перерыв на сон и еду.

Через два дня после начала обучения я, наконец-то, снова увидел Кинзи. Целых два дня я был просто отстранён от всего мира. Нужно было войти в курс дела, вкусить все обязанности, ну и всё тому подобное. Ведь дальше я не увижу её ещё больше, я это знал. Знала и она.

Я вышел на улицу в этот день. Было тепло, как-то даже по-летнему, что ли. Солнечные лучи бережно окутывали каждую частицу кожи, аккуратно согревая их. Пахло расцветающими деревьями вишен и абрикос. Мне оставалось только наслаждаться происходящим, на секунду я даже забыл, что должен был увидеть Кинзи.

Спустившись с подъема, который вел ко входу в клинику, я отправился в центр двора, и смотрел на главный вход. Где, по моему мнению, должна была появиться она.

Как только я решил вдохнуть воздух на полную грудь, и подумав, что я уже не дождусь её, то понял, что ко мне кто-то приближается с бешеной скоростью. Как только я обернулся в соответственную сторону, то через мгновение меня сбила на газон Кинзи, обняв меня и уткнувшись в шею. Сначала мы просто лежали на газоне, и я совсем не понимал, что же происходит. Спустя только минуту наших объятий я посмотрел в лицо своей девушки. Ну как девушки... мне так казалось. На её изумительных глазах проступали капельки слёз, а её руки до сих пор держали меня за плечи.

— Ты чего плакать вздумала? — С улыбкой произнес я.

— Нет-нет. Я.. я просто скучала.

Она застенчиво улыбнулась, отвела свой взгляд и снова уткнулась мне в грудь. Я же руками поднял её голову и наслаждался её глазами. Не знаю, почему, но это прекрасное лицо завораживало меня. Я мог смотреть в него вечно, забывая обо всех проблемах, обо всем, что происходит вокруг. Мой фокус был наведен строго на образ Кинзи, а всё вокруг — было размытым до неузнаваемости.

Я начал подниматься и держал Кинзи на руках. Она так же и продолжала держать меня за плечи. Потом к нам подошел ты, Док. Помнишь?

— Тайлер. Выходной сегодня?

— Как видите.

— А это... — Ты показал на Кинзи. Кинзи отпустила меня и спустилась на землю.

— Меня Кинзи зовут.

Она протянула руку. Ты аккуратно взял её руку и представился.

— Так, Тайлер, какие планы?

— Я думал пойти прогуляться с Кинзи. Мы не виделись давно, хочу провести этот вечер с ней.

Кинзи заметно засмушалась.

— Отлично. Но помни, завтра у тебя будет твой первый пациент. Без задержек давай, идет?

— Понял, доктор Гринн.

— Просто Док. Солиднее звучит.

Мы засмеялись.

— Хорошо, Док.

— Хорошего вечера вам.

Вот именно тот момент, когда я стал называть тебя доком. Ты тогда выглядел так смешно. Знаешь, как выглядит ребенок лет восьми, когда он говорит, что уже взрослый. Его щёки похожи на духовые пирожки, и серьезность лица вызывает только смех. Ты был похож на пирожок, Док. Без обид, просто выглядело забавно.

После нашей встречи мы направились на прогулку. Кинзи не отпускала меня ни на секунду от себя, держа крепко за руку.

— Кинзи, ты мне сейчас пальцы переломаешь.

— Иди спокойно уже. Не поломаю.

— Как грубо.

Она двинула меня в плечо своим кулачком и сделала серьезное выражение лица.

— Да ладно тебе, чего ты?

— Чего? Ты два дня не давал о себе знать.

— Но ведь я был занят. Учился, обустроивался на новом месте.

— А до меня тебе нет никакого дела выходит?

— Ты чего, не глупи. Не говори так никогда.

— А как же это выходит тогда?

Я остановился. Как бы она не злилась на меня — она не отпускала моей руки, а только крепче сжимала её. После того, как я остановился, она сделала ещё пару шагов и тоже остановилась. От того, что наши руки не смогли разжаться.

— Ну, чего стал? — С упреком спросила она.

Я молчал. Смотрел на нее.

— Дырку сейчас просверлишь своим взглядом. — Она дёрнула рукой, чтобы я пошёл за ней. Но я крепко уцепился в ее ладонь и дальше продолжал стоять.

После минуты её попыток заставить меня идти, я дернул её за руку и притянул к себе. Обнял её и наклонился так, чтобы моя щека касалась её щеки. Я заметил, как она стала успокаиваться и положила свою голову мне на плечо. Теперь она отпустила мою руку и крепко ухватилась двумя руками за мою шею. Я же чувствовал запах её духов и тепло тела так близко, что хотел поглотить данное чувство собой.

— Ну ладно-ладно, не злюсь я. — Спокойным тоном произнесла Кинзи.

Лишь тогда я её полностью отпустил, напоследок укусив за кончик носа, отчего она засмеялась и запрыгнула мне на спину. Я начал бежать вдоль аллеи с большой скоростью, но она только громко смеялась и размахивала руками. Счастливые глаза Кинзи.

Далее мы отправились в наше любимое место. Это парк. Да-да, Док. Это не клуб, не ресторан, кафе, бла...бла...бла. Это самый обычный парк. Под огромным дубом, который уже успел распустить свои зелёные ветви, сияла зеленая, похожая на ворс, трава. Вот на этом месте мы всегда и любили проводить время. Впереди фонтан, который вчера начал свою работу. Ведь, действительно, тепло. Мы купили фруктов, сэндвичей, напитков и сели в том самом месте.

— Тайлер, ну как тебе новое место? — Очищая апельсин от кожицы произнесла моя прекрасноглазая леди

— Пока ещё не знаю. Завтра вот будет первый пациент и тогда уже будет видно. — Сказал я в ответ, попивая сок со льдом

— В госпитале все скучают по тебе. Ты успел им понравиться. Особенно тебя не хватает миссис Феррел, она каждую смену спрашивает о тебе.

— Ну ты ведь не ревнуешь? — Сказал я, сдерживая смех.

— Ч...Что? — С лицом, полным недоумения, спросила меня Кинзи.

— А что, это только с виду она пожилая женщина, которая ответственно занимается своей работой. А на самом деле, она ничего так. И характер у неё хороший, добрая.

Наступила пауза. Кинзи перестала чистить апельсин и смотрела на меня с ошарашенным взглядом. И только через минуту вот такого недопонимания я начал смеяться от всей души. Она и вправду поверила, что ли?

— ПРИДУРОК! — Кинзи кинула в меня не почищенный апельсин, и прыгнула на меня, колотя своими кулачками по моему телу.

Я только лежал на траве и смеялся, смеялся и ещё раз смеялся. Она пыталась сделать мне больно, а я только наслаждался тем, что теперь у меня есть человек, который всегда со мной. По крайней мере сейчас. И я дорожу этим моментом.

Через несколько минут мы успокоились. Кинзи сидела на мне сверху и смотрела прямо в лицо. Её глаза снова заворожили меня и заставили заткнуться. Да что же это за мистика-то такая? Они всего лишь разного цвета, но... Но какого хрена? Какого хрена они настолько чудесны?

Кинзи пододвинулась ко мне чуть ближе. Я стал чувствовать, как приближаются её губы. Она поцеловала меня. Её тёплое дыхание находилось в нескольких сантиметрах от моего лица. Я закрыл глаза, чтобы полностью насладиться этим мгновением. Для меня не было «вчера» или «завтра». Для меня было сейчас. Будущее и прошлое в несколько секунд. Остальное настолько всё неважно, что не стоит и капли воспоминаний. Интересно, как это называется?

После произошедшего, она начала понемногу отводить свою голову и открывать глаза. Когда Кинзи счастлива, то цвет её радужных оболочек становится в тысячу раз ярче. Соответственно, я становлюсь марионеткой. Да это какой-то Сатана! Когда-то эти глаза меня убьют, вот серьёзно.

— Твои гла... — Я пытался произнести, что её глаза прекрасны, но она взяла тот самый апельсин и закрыла мне им рот. После чего начала смеяться с дикой игрой в сердце. Тот вечер был великолепен. Как и каждый последующий с ней.

Длинный слабоосвещенный коридор больницы, по которому быстрым шагом продвигаемся я и Док. Я дико волновался по тому поводу, что сегодня мой первый настоящий рабочий день. Если я не смогу записывать произошедшее каждый день, то не стоит ругаться. Работа куда важнее. Что же, длинный коридор и наша беседа:

— Имя? — Начал я.

— Мизери Уолл.

— Мизери?

— Родители из Франции.

— Очень интересно. Что с ней?

— Она не говорит уже три месяца.

— Немая?

— Нет. Была обычным подростком до некоторого времени. Три месяца назад случилось что-то непонятное и девочка перестала говорить. Совсем. Сначала думали, что это депрессия. Ну, знаешь, подростковый максимализм и все тому подобное.

— Сколько ей лет?

— Пятнадцать.

— Проходила какую-то терапию? Лечение?

— Психологи, психиатры, врачи. Скажу больше — полиция.

— Полиция?

— Именно. Никто не смог разобраться, что же случилось с ней. Она ведет себя, как человек, у которого вырезали мозг. У нее нет эмоций, она лишь может смотреть перед собой, изредка кивать, то есть отвечать «да» и «нет». На этом все.

— Живет с родителями?

— Да, они тоже сегодня здесь. Мы — их последняя надежда. Хотели с тобой поговорить, но я предупредил, что только после сеанса.

— Это правильно, Док.

Мы дошли до того кабинета, в котором я проведу свой первый... сеанс? Я не знаю, как это назвать.

Сердце бешено колотило, словно было готово выпрыгнуть из груди. Ты, Док, давал мне последние наставления. Половину я не воспринимал даже, потому что был полностью замкнут наедине со своими мыслями. В тот момент я уже был готов отказаться от всего. Но только вот что-то внутри меня говорило совсем иное. За меня ручались, меня посоветовали, я не должен был упасть лицом в грязь. Тем более сейчас, когда наш отдел — единственная помощь для этой девушки. Струсить сейчас — означает больше никогда не перебороть свои страхи и то, что тебя сковывает. Отказаться от дела — подвести, как минимум, четверо человек.

— Тайлер, всё понял?

— Да, Док. Я постараюсь.

— Главное не волнуйся, возьми себя в руки, нельзя делать вид, что тебе не по себе от этого всего.

— Я буду пытаться.

— И еще. Не повышай на неё тон. Никогда не нужно перечить пациентам и спорить с ними. Или соглашайся, или молчи. Нельзя довести их до ещё одного срыва.

— Что ещё должен знать?

— Ни в коем случае не приближайся к ней на расстоянии ближе, чем три шага. Нельзя лишать её пространства. Мы не знаем, чем она больна. И больна ли вообще. Если тебе нужно будет подышать, то есть покинуть комнату, обязательно извинись перед ней и скажи, что ты вернешься через мгновение.

— Понял, Док. Всё понял.

— Удачи, Тайлер. В первый раз всегда сложно. Все через это прошли.

Ты ушел. Я остался один с папкой перед дверью, которая вела в кабинет. Я сделал пару глубоких вдохов, чтобы привести свою нервную систему в покой. Вдох. Выдох. Мои ладони перестали потеть, а пальцы перестали трястись. ещё вдох и ещё выдох. Я выпрямил спину и положил руку на дверную ручку. Повернул вниз и приоткрыл дверь.

Я вошел в кабинет, в котором был приглушен свет. Впереди меня стоял стол с двумя стульями, на одном из которых сидела эта девушка. Как положено, я был в белом халате. Хоть и не врач. Так нужно было, по распоряжению от управления нашего госпиталя. Зная, на сколько подростки «любят» врачей, я сразу же снял халат и повесил его на вешалку в углу.

Девочка... девочка была довольно симпатичной, на вид скромной и хорошо одетой. Светло-каштановый цвет волос, ярко-зеленые глаза, милое платье мятного цвета, которое не было ни капли развращенным, как обычно любят надевать девушки в таком возрасте. Она выглядела довольно скромной, на удивление. Но симпатичной. Кхм.

Сначала, как это было принято и толковано нашими профессорами, нужно визуально оценить пациента. Именно поэтому я так пристально всматривался в каждую ее черту. Как внешности, так и характера. Должен подметить, девочка была бледна на вид.

Что же, я снял халат, прошел далее к стулу и оперся на него руками.

— Здравствуй, Мизери. — Начал диалог первым я, что вполне логично.

Девушка только посмотрела на меня и снова отвела свой взгляд в пол.

— Прежде, чем мы с тобой начнем разговаривать, я хочу предупредить тебя кое о чем.

Мизери снова посмотрела на меня своим усталым, уже ставшим привычным для меня взглядом. Я продолжил:

— Я не думаю, что у нас сразу выйдет вести диалог, ведь я наслышан о твоей истории. Но я хочу, чтобы ты знала, что я не врач, как только мы остаемся наедине. Да и на самом деле-то я не особо являюсь врачом. Мое желание – помочь тебе. Самое что ни на есть человеческое желание помочь. Если ты вдруг захочешь чем-либо поделиться со мной, я буду только рад. Идет?

Мизери кивнула.

Лед тронулся. Но потом я вспомнил, что ты предупреждал меня о том, что она может кивать и отвечать на вопросы мимикой. Скудной, но, все-таки, мимикой. Оказывается, тронулся я, а не лед.

Я позволил себе сесть на стул, но с осторожностью отсел на несколько сантиметров от стола. Достал блокнот, в который буду записывать каждое продвижение. Надеюсь, он не останется пустым. Мое решение было таковым, что просто доставать Мизери вопросами будет хреновой идеей. Подростковый максимализм, все такое. Нужно вести беседу. Точно. Ненавязчивую беседу. Особенно обращать внимание на ее реакцию, но ни в коем случае не делать каких-то резких выводов и не психовать самому. Пока что так.

— Меня зовут Тайлер. Тебя, я знаю, – Мизери. Верно?

Она кивнула.

— Так как ты не будешь отвечать словесно на мои вопросы ни под каким предлогом, я попытаюсь ставить тебе наводящие вопросы. Если ты не против, конечно.

Снова кивнула.

— Устраивает тебя твоя жизнь? — Отлично, Тайлер, и это первое, что пришло мне на ум тогда?

Мизери отрицательно затрясла головой

— Окей. Устраивала ли тебя жизнь ранее?

Положительно кивнула.

Есть! Теперь было понятно, что с девочкой что-то приключилось. Это какое-то эмоциональное сотрясение, ведь что ещё может так свести психику человека на ноль? Вот именно.

— Скажи, Мизери, ты конфликтный человек? Вспыльчивый?

Отрицательный ответ.

— Это хорошо, значит я могу тебе доверять и открыться. Ты, если захочешь, можешь обращаться ко мне на «ты».

Никакой реакции.

Будет сложно. Очень сложно. И тут меня осенило. А не дохрена ли тяжелое задание именно для меня? То есть, с ней работали психологи, психиатры, полиция, а тут бах, появился некий Тайлер с проломленной башкой и быстренько решит эту проблемку. На какое-то мгновение в комнате царила абсолютная тишина. Я рассуждал про себя, какие вопросы ставить далее, а Мизери... что Мизери? Молчит.

— Мизери, тебе не кажется, что твое имя такое прекрасное на слух, но ужасное по значению?

Девочка только пожала плечами.

Я предположил, что она читала Кинга, ведь название одного из его романов звучало именно так. Я сам опустил голову вниз и произнес:

— Да уж, когда ты заглядываешь в бездну, сама бездна заглядывает в тебя.

Мизери сразу же подняла голову и посмотрела мне в глаза.

— Не правда ли? — Снова задал вопрос я.

Девочка пожала плечами.

— Ну да не важно. Скажи, у тебя нет проблем с родителями? Отвечая на этот вопрос, помни, что никакая информация, произнесенная здесь, не покинет стены этого кабинета.

Мизери закивала в стороны.

— Ты вполне довольна ими? Любишь их?

Она закивала положительно.

Задавая этот вопрос, мне самому стало неприятно. Что-то внутри сильно закололо. Я вспомнил маму. Её чудесную выпечку. Её улыбку и смех, опеку. Вспомнил, как она заставляла меня учить предметы, которые я совсем не понимал, а я злился, будучи

маленьким обалдуем. Какой же я был глупый мелкий. Вспомнил папу, его чувство юмора, как мы строили баню, как я помогал рубить ему дрова, как он учил меня ездить на велосипеде. Имея, не ценим, а теряя — плачем.

— Береги родителей, Мизери. На сегодня все, встретимся в следующий раз.

Я не выдержал. Как же я себя ненавидел в тот день. Я не совладал со своими собственными эмоциями, а попытался добиться чужих. Какой из меня нахрен психоаналитик, или кем меня там считают? Вдруг мне стало так зябко, холодно, жарко. Не знаю. К горлу подошел ком непонятно чего и напроць закрыл мне доступ кислорода. Стало дико обидно. И дико больно. Тогда я вернулся в свою комнату и думал о данном происшествии. Тяжело. Невероятно проклинал себя за то, что не справился с заданием. Мне стало так хреново, как в тот первый день, когда я очнулся в больнице. Тогда же я решил набрать Кинзи, ведь это был единственный значащий человек в моей жизни.

— Кинзи.

— Да, привет, Тайлер. Как ты? Все хорошо? Как твой первый день?

— Кинзи, придешь ко мне?

— Что-то случилось?

— Пожалуйста.

Теперь я дошел до того самого **дня**, как буду записывать все, как что-либо происходит, а не по памяти. Начну по порядку:

Утро началось с того, что я встречал рассвет в парке, недалеко от госпиталя. Было прохладно. Пожалуй, именно сегодня было самое прохладное утро за то время, что я скитаюсь по больницам. Но мне нравится такая погода. Как бы странно сейчас это я не преподнёс.

Я лежал на сухом газоне. Слушал песни группы Our Last Night, уплетал злаковое печенье, запивая все свежесжатым черничным соком. Знаешь, Док, а рассвет чертовски привлекателен. Ты хотя бы раз видел или слышал, чтобы рассвет встречали с шумом и весельем? Э-э-э нет. Всегда тишина, все замолкают. Даже самая громкая компания начинает угомонять свой пыл, укрываться пледами и спокойно допивать свои напитки, глядя на то, как поверхность планеты медленно освещается прекрасным свечением. Так вот и я, пристально наблюдая за восходящим солнцем, смиренно молчал, давая дополнить наш немой диалог самой природе. Из наушников доносилось: «You can make it to the sunrise». Поспал я всего несколько часов, но чувствовал себя великолепно. Лучше всяких медикаментов.

Доедая остатки своего завтрака, я отправился обратно в комнату. Пару дней будут выходными у меня. Ну как выходными, я не буду встречаться с Мизери, а работы мне оставалось все больше и больше. Нужно было как следует подготовиться к нашей следующей встрече. Нужно постараться не допускать более подобных выбросов эмоций. Я должен руководить логикой, разумом и знаниями, а не пониманием, чувствами и пустыми стараниями.

Ближе к обеду ко мне пришла Кинзи и принесла мне обед. Вообще-то, я сам умею готовить, но её паста и сыр тофу в кляре — это просто нечто.

Осознание того, что у меня ещё нераскрытое дельце — заставляло меня чувствовать себя некомфортно. Кинзи пристально следила за тем, как я уплетаю приготовленную ею, но так любимую мною, пасту. Она сидела в метре от меня и смотрела прямо в глаза, окутывая своим взглядом меня как можно больше и больше, полностью пожирая меня. Мне пришлось остановить трапезу, дабы прервать столь томительное недопонимание.

— Кинзи?

Пережевывая порцию капустного листа, пробормотал я.

— М? — Почти не реагируя на мое обращение, промычала Кинзи.

— Ты, может, тоже хочешь? Ты ела с утра?

— А? Что?

— Говорю, ты есть хочешь?

— Нет-нет, я поела дома, спасибо.

— Тогда почему ты на меня так смотришь?

— Мне просто нравится наблюдать за тем, как кто-то наслаждается моей едой. Ну, приготовленной мною.

— Хм. Это странно.

— Ты никогда никому не готовил?

— Себе.

— Какой же ты эгоистичный. — Кинзи улыбнулась.

— Неправда.

— Я знаю. Ты ешь. Не отвлекайся.

Я доедал остатки обеда, а Кинзи начала осматривать мое жилище. Пересматривала справочники, документацию, личное дело Мизери, мои записи и все в этом духе.

— Это про эту Мизери ты мне говорил?

Кинзи повернула ко мне разворот папки с личным делом, в котором находилась фотография Мизери.

— Именно.

— Симпатичная. Расскажешь мне о ней?

— Нечего рассказывать даже. Она слишком замкнута, даже не говорит.

— Не говорит? Она нема?

— В том то и дело, что нет. Видимо, что-то случилось в жизни, что перевернуло жизнь с ног на голову.

— В таком раннем возрасте?

— Ну а что, все может случиться. Это жизнь, и все не так уж и просто, как кажется.

— У тебя еще был с ней сеанс?

— Да, вчера.

— Расскажи, мне интересно. Очень интересно. — Кинзи тут же прыгнула на мою кровать, скрестила под себя ноги и всем своим видом показывала, что она готова слушать.

— Мало, что могу рассказать. Было тяжело, ведь это первый опыт и сразу же столь тяжелое задание. Мне было неловко, и... я не справился, Кинзи.

— Что? Почему? С чего ты это взял?

— Потому что меня окутала какая-то непонятная волна чувств. Я, почему-то, вспомнил о родителях. Вспомнил всё то, что заставляет меня чувствовать, да ещё и в такой неподходящий момент. Наше «общение», — Я показал кавычки двумя пальцами на обеих руках, разгибая и сгибая их, как бы подчеркивая переносное значение данного слова —, продлилось от силы минут пятнадцать, возможно, двадцать. И ничего полезного для нее или для меня я не смог приобрести.

— Именно поэтому у тебя столь хмурое настроение сегодня?

— Именно поэтому.

— Что ты думаешь делать дальше, каковы твои действия? — Она подседа чуть ближе к краю кровати, а я начал шевелить мозгами и рассказывать свои идеи, которые успел накидать за утро.

— У девочки полная апатия ко всему. Возможно, она не настоящая, но Мизери не подает виду, что её что-либо волнует. И это затормаживает весь процесс.

— Дальше. — Кинзи схватила тарелку с черникой и уплетала ягодки, слушая мой рассказ. Ее глаза светились.

— Мне нет смысла общаться с друзьями, близкими, ведь все это уже было проделано до меня настоящими профессионалами: полицией, психиатрами, психологами и так далее. Я считаю, что меня называют «последней надеждой» — снова взмахнул руками и показал кавычки — только потому, что я ещё достаточно молод и мой ветер в голове сможет получше узнать и понять Мизери.

— Это... логично. А что думаешь делать ты, со своей стороны?

— Нужно поговорить с родителями. Не думаю, что это будет чем-то мне полезным, но это необходимо. А далее... Далее мне нужно задеть ее чем-то.

— Задеть? — Кинзи перестала жевать и приподняла бровь, что было признаком удивления.

— Да, нужно пытаться задавать ей вопросы разного характера. Вплоть до абсурдных. И смотреть на реакцию. Если же вопрос, по типу: «Сколько тебе лет?» вызовет у нее хоть какую-то эмоцию, то необходимо будет пытаться разобраться, что именно затрагивает ее. Ну, я это обобщаю, конечно, на счет вопроса, но суть ты поняла, думаю.

— Хм, это хорошая идея. Но у меня есть одно «но».

— Какое же?

— Что ты будешь делать, если ни один из поставленных тобою вопросов не будет движущей силой для твоего корабля?

— То есть?

— Я к тому, — Кинзи отставила вбок тарелку с ягодами и встала на ноги, сделав шаг навстречу мне. Я в это время стоял у стены. — Каковыми будут твои действия, если ты ошибешься, и никакой из поставленных тобою вопросов не вызовет эмоций у Мизери?

— Я... — пытаюсь тут же найти ответ на данный вопрос, я понял, что не смогу ответить на него — я не знаю.

Меня окутало бездействие, атрофия тут же напала на все участки мозга и титановой цепью окутала мою опорную систему, приковав к стене толстыми кандалами. Этот момент, когда я понял, что у меня нет права на ошибку. Если я допущу просчет сейчас, то мне это выльется в ещё одну головную боль, которую я буду расхлебывать ещё долго, зная свою предрасположенность к паническому оцепенению. Неизвестно, сколько бы ещё я так простоял, если бы не...

— Не думай об этом. — Кинзи обняла меня, снова уткнувшись носом мне в грудь и крепко обхватывая руками.

— Твоя идея правильна, и я так скажу, что она более, чем логична. У тебя все получится.

Она сняла оковы. Каждый раз я понимаю, что именно она станет для меня спасательным жилетом в любые моменты моей жизни. Я произнес тихо ее имя, прервав идеальную тишину в комнате и самые теплые объятия в моей жизни.

— М? — Кинзи подняла голову, подарив мне красоту ее глаз сполна.

— Спасибо тебе. — Я прижал её к себе и крепко обнял.

Уснул. Вчера я даже не удосужился вечером дописать начатое, так сильно мне хотелось спать. И действительно, после того как Кинзи уладила меня, мне стало спокойно. Стало хорошо. Легко. Хотя, проблемы-то и никуда не делись. Даже так скажу: они ещё даже не начали решаться. Не сами по себе, конечно, это моя вина, но всё же.

Могу смело сказать, что ничего не потеряно за вчерашний вечер. Ничего особо не происходило. Я провел Кинзи домой, вернулся обратно, немного заполнил документы, принял душ и уснул прямо за столом. А вот сегодня мне есть, что рассказать.

Сегодня вечером мы решили прогуляться с Кинзи. Я стал понимать, что с работой стал уделять ей меньше внимания. И это отображается на мне самом. Дерьмовое чувство, ведь это человек, который вытаскивал из самой задницы.

Головные боли участились, Док. Ночью встаю по пару раз, чтобы принять по несколько таблеток болеутоляющего. Хотя недавно ведь было обследование. Маргарет, ну, та медсестра, которая перевязку делает мне, сказала, что уже все зажило и болей быть не

должно. Может, мне необходимо пропить какие-то витамины или сделать снимок? Не дело это. Не дело.

Итак, я закрыл глаза Кинзи повязкой и вел через темные дебри воображаемого мною архитектурного пейзажа:

— Вот тут голову ниже, давай.

— Да куда ты меня ведешь, Тайлер? Я же не вижу ни черта.

— Ещё немного осталось, потерпи.

— Мы и так идем уже около двадцати минут.

— Терпи, если хочешь дойти целой.

— Да ты прям мастер в романтических вечерах...

Еще несколько минут и мы достигли точки назначения. Я открыл дверь, вошел первый и подал руку Кинзи. Она вошла следом.

— Ну что, пришли?

— Пришли. — С чувством легкости и радости произнес я.

Я стал развязывать повязку на глазах у моей девушки. Ведь я могу ее так называть, правда? Когда ее прекрасные глаза полностью прозрели от нахождения в темноте, и она сполна разглядела, где находится, то ее удивлению не было предела.

— Т...Тайлер. Это...

Это было чудесно. Мы находились на крыше какого-то высотного дома. Вид оттуда был невероятно чудесным. Знаешь, вечерело, солнце ярко-красным закатом обжигало городской пейзаж, согревая наши глазницы условным теплом. Здесь было прохладно, но, казалось, что такой вид, такая погода, просто неразделима с легким ветром и приятной прохладой. Огни от фонарей освещали крышу, наше место, только наше. Казалось, что в этом мире на несколько часов все умерли. В такие моменты мне хотелось жить, потому что ценность жизни возрастала в разы.

— Пройдем?

Я взял Кинзи за руку и провел к огромному пледу, который был расстелен на полу крыши. Края ограждений были усеяны свечами, куча еды, напитков и только мы вдвоем.

— Я... я даже и не думала, что ты способен на такое.

— Неужели я настолько плох? — С ухмылкой произнес я.

— Эй! — Кинзи взяла кусок пиццы и целиком засунула мне в рот. — Не говори глупостей. Глупый немного.

Она заулыбалась. Снова заулыбалась. Я обожал её улыбку. В комбинации с её глазами это была просто невероятная смесь. Настолько гремучая, что хотелось выпить целиком и без остатка. Но мои рассуждения о её красоте тогда прервала сама Кинзи:

— Тайлер... я хочу сказать тебе...

— Что-то случилось?

Я заметил, что она мяла в руке салфетку, создавая некую накаленную атмосферу. Она стала приближаться ближе, смотря в пол, не давая мне полностью оценить ситуацию по ее глазам. Как только она пододвинулась своим лицом к моему на расстоянии нескольких сантиметров, то резко двинулась вперед и облизала всю щеку, после чего сразу же метнулась на утек от меня, бегая по всей крыше и громко смеясь. Я пытался догнать ее, что, собственно, и сделал. После чего мы рухнули снова на плед. Я лег на спину, а под голову подложил пустую корзину. Кинзи же положила свою голову мне на грудь, и спустя несколько секунд мы успокоились.

— Здесь так тихо и спокойно.

— Ты не привыкла такой быть?

— Не знаю. Вообще, я довольно энергична по жизни, но такие места всегда мне нравились. Мне нравится становиться другой, при этом быть собой.

— И это чудесно, как по мне.

— Тайлер...

— Да?

— Я хочу вопрос тебе задать кое-какой.

— Говори.

— Только честно отвечай.

— Сейчас я даже и не думал врать. Место какое-то...

— Замолчи. Итак, у тебя был кто-то до меня?

— Ты имеешь в виду девушка?

— Нет, парень. Конечно, Тайлер.

— Нет. Не было.

— Почему?

— Я негативно отношусь к спонтанным отношениям или знакомствам.

— Почему так отрицательно?

— Собственные убеждения.

— Расскажи, мне интересно.

— Я считаю, что после того, как у человека были отношения и он с ними покончил, вторые будут – второсортными.

— Это с чего ты так подумал?

— Потому что первые чувства должны быть обдуманными. Чтобы не жалеть потом. А если человек каждый месяц меняет напарника, то какова ценность его чувств? Да и вообще, какова ценность самого человека?

— Хм. Ведь у нас тоже было спонтанное знакомство, ты тоже относился ко мне негативно?

— Сперва никак не относился, но твои глаза меня охмурили.

— Дурак.

Кинзи засмушалась, перевернулась на бок и приобняла меня.

— Значит, второсортными?

— Ну, возможно, с сортом отношений я перегнул, но то, что сам человек становится всё менее и менее качественен — это точно.

— Я поняла тебя.

— Но и во всем есть свои плюсы.

— Какие?

— Человек становится опытнее, и, возможно, больше не допустит ошибок, которые совершал.

— Далеко не все.

— Это да, исключения найдутся всегда.

Мы замолчали, я чувствовал, что мой ответ не совсем устроил Кинзи, но ведь обещал говорить правду. Я чувствовал её дыхание, гладил по голове и смотрел строго вперед. В уходящее солнце.

— То есть ты думаешь, что человек уже более не способен почувствовать то самое, что почувствовал впервые?

— Да. Именно так я и считаю.

— Объясни.

— Когда все происходит впервые, ты особенно запоминаешь какие-то микромоменты и всегда будешь вспоминать. В будущем ты будешь сравнивать что-то происходящее в настоящем с произошедшим в прошлом. Это закономерность, так всегда будет. Человек устроен так, дабы воспоминания терзали его изнутри. Без этого мы не способны существовать. Вот так вот: как бы тебе хорошо не было в настоящем, все равно будет что-то из прошлого, что может посоревноваться с наступившим.

— Первый раз слышу такое вот мнение человека по поводу отношений.

— Ну, я не претендую на то, что я прав. Это просто моя точка зрения.

— Тебе не интересно, был ли кто-то у меня?

— Это неважно.

— Почему это? — Кинзи подняла голову, окутав меня своим «разноцветным» удивленным взглядом.

— Зачем же мне терзать себя догадками, если сейчас мне так хорошо? И что самое главное – тебе хорошо. Почему мы должны поддаваться воспоминаниям, когда мы рядом? Мы рядом, чтобы создавать новые. Наши. Общие.

Кинзи улыбнулась. После этого она закрыла рукой мои глаза, и я почувствовал, что она начинает приближаться ко мне. Спустя мгновение я почувствовал тепло ее губ, которое крепко заполнило мое сознание. Сполна. Она снова легла мне на грудь, я приобнял ее рукой.

— Теперь твоя очередь, Кинзи.

— Что «моя очередь»?

— Отвечать на мои вопросы.

— Допустим — улыбнулась Кинзи. — какого они будут характера?

— Марсель Пруст, читала?

— Нет.

— Тем лучше для меня.

— Я просто чувствую, что ты что-то задумал. — Кинзи снова посмотрела на меня и прищурилась, словно пыталась узнать какую-то несуществующую правду.

— Не отвлекайся. Попытайся отвечать быстро и первое, что тебе покажется подходящим. И так, когда и где ты была более всего счастлива?

— Хм, наверное, когда мама вылечилась от рака.

— Что ты считаешь своим главным достижением?

— То, что мне удалось самой поступить в медицинский университет, сейчас я не плачу денег за обучение и подписала контракт на получение стипендии. К тому же, работаю в этой сфере. Но на этот вопрос ещё тяжело ответить осознанно, ведь мне ещё нет даже сорока, чтобы говорить на полном серьезе.

— Что тебе больше всего не нравится в твоей внешности?

— Глаза.

Я на секунду остановился, пристально посмотрев в них. Глупая Кинзи. Очень глупая.

— Как бы ты хотела умереть?

— Да, наверное, как и большинство: во сне, без мучений, боли и так далее.

— О чем ты больше всего сожалеешь?

— Стараюсь не жалеть ни о чем, ведь в некоторые моменты мы делаем то, что хотим.

— Какую добродетель ты ценишь больше всего?

— Хм, только одну выбрать?

— Только одну.

— Искренность. Ко всему и во всем.

— Я знал, что сделал правильный выбор.

Если ты не знаешь еще, Док, то это – Анкета Пруста. Так как условием было то, чтобы Кинзи отвечала первое, что придет в голову, чаще всего, человек говорит то, что действительно будет правдой. Или искренним ответом. Знаешь, хороший способ оценить внутреннее состояние человека и сделать для себя какой-то вывод - сложить общее, целостное мнение о нём.

— В каком смысле?

— Да так, ни в каком.

— Эй!

— Что «эй»?

— Говори!

— Нет.

Кинзи согнула пальцы в виде воображаемого пистолета, «зарядила его» и приставила мне ко лбу.

— Если ты сейчас не ответишь, я пристрелю тебя. А потом и себя.

— НЕТ! — Я скрутил ей руки так, чтобы теперь она обнимала себя своими же руками накрест. Я же, в свою очередь, полностью обнял ее тело своими руками, она долго смеялась, пыталась вырваться, а я кусал ее за шею. Минут двадцать мы страдали подобным бредом влюбленных, что приносило мне дикое удовольствие, как не странно. Спустя полчаса нам удалось успокоиться, и мы сели на краю обрыва, чтобы наши ноги свисали вниз многоэтажного дома. Уже заметно потемнело, солнце полностью скрылось, и мы довольствовались освещением лишь одних фонарей. Не отрывая взгляда от высоты, Кинзи спросила меня:

— Если я прыгну вниз, ты спрыгнешь за мной?

— Если ты надумаешь прыгать, я сделаю это раньше тебя.

— Тайлер?

— Да?

— А когда ты был больше всего счастлив?

Пауза в несколько секунд.

— Когда меня сбила машина и проломила череп.

— Что? Как это?

— Ведь теперь у меня есть возможность держать тебя за руку.

Кинзи улыбнулась и положила свою голову мне на плечо. Пора было уходить, уже достаточно стемнело, а мне ещё необходимо было провести Кинзи домой и вернуться к себе.

Мы возвращались домой через мост, под которым была железная дорога. Он был высотой, примерно, тридцать метров. Кинзи впечатлено делилась со мной разными идеями насчет того, куда мы поедem с ней отдыхать.

— А ещё можно поехать к моей тётке в Альбукерке. Тайлер, это же известные полеты на воздушных шарах. Я никогда не летала на шарах, огромных таких. Или в Россию! Ты был в России когда-то? Говорят, что там невыносимые холода. Людям даже не нужно ездить на горнолыжные курорты, представляешь?

Я молчал, не отвечал ни на один вопрос, поставленный моей спутницей. Я находился глубоко в себе, так глубоко, что достучаться до меня становилось тяжело. Я подошел к краю моста, и смотрел строго вниз, на пути. По некоторым проезжали товарные поезда, дул сильный ветер. Мои волосы развивались на ветру, что я так ненавидел. То, что я остановился, заметила Кинзи:

— Эй, ты чего там стал? — Она стала подходить ко мне.

Выдержав паузу в несколько секунд и дождавшись, пока Кинзи подойдет достаточно близко, я выронил:

— Тебе когда-нибудь хотелось прыгнуть вниз?

— Туда? — Удивленно показывала вниз Кинзи.

— Именно.

— Это ведь верная смерть.

— Я знаю. Но что-то постоянно тянет меня туда. Как только я ступаю на высокие мосты, мне хочется прыгнуть вниз. Меня даже начинает клонить в бок обрыва. Я становлюсь будто замороженным и хочется лишь одного. Не знаю, как это случается. ещё и эти поезда внизу, они настолько громко проезжают, полностью оглушая тебя. Кажется, что прыгнешь – и никто даже не услышит.

— Да ты прям, как Анна Каренина. — Кинзи стояла рядом и начала громко смеяться.

Я же не промолвил ни слова. Я был серьезен, как никогда. Меня манила эта высота. Манила своей опасностью, втягивала в себя, а я каждый раз боялся такого вот вызова судьбы. Каждый раз. Сильнее и сильнее. Я отвернулся от Кинзи с лицом полным апатии и смотрел строго вниз, на пути.

— Погоди, Тайлер. Ты что, серьезно это сейчас?

Она прекратила смеяться и взяла меня за руку, так крепко, чтобы я не смог прыгнуть вниз. Я заметил, как она испугалась за меня.

— Вполне. У меня сердце замирает, когда я прохожу здесь. Это не страх, просто я чувствую, что все тело желает прыгнуть туда. А здравый разум останавливает меня,

сдерживает. Громкий шум и стук от проезжающих поездов просто окутывает разум и, кажется, ещё немного и я готов переступить это гребанное ограждение.

Кинзи прижалась к моей руке и медленно отодвигала меня от ограждения. Спустя ещё секунд десять, я и сам отошел. Первую минуту мы молчали, а она держала мою руку и, на всякий случай, шла со стороны обрыва. Но я даже не думал прыгать вниз, по крайней мере с ней. В ее присутствии.

Как только мы прошли мост и ступили на землю, Кинзи задала вопрос:

— О чем ты сейчас думаешь, Тайлер?

— О том, как громко хрустели бы мои «милые кости», если бы они рухнули под поезд с такой высоты.

Вчера был невероятно прекрасный день. Сегодня – началось мучение, ведь сегодня снова сеанс с той самой Мизери, не забыл, Док? Сейчас 23:44, я сижу в своей комнате за письменным столиком с тусклым светом и заполняю пространство безмерно пустых страниц этого журнала, который мне выдали в качестве реабилитации. Что же, сегодня был день, когда мое сознание застыло в том состоянии, что я особо не понимал: радоваться мне или снова вгонять себя в раздумья. Итак, что же произошло?

В той самой комнате уже находилась Мизери, перед входом стояли ее родители: мужчина лет тридцати пяти с серьезным лицом, крепким телосложением и высоким ростом, примерно метр и девяносто пять сантиметров. Молодая мама, чуть ниже меня ростом с каштановыми волосами и голубыми глазами. Я их заметил ещё когда спускался по лестнице. Какого хрена они пришли раньше назначенного времени? Не знаю, зачем, но вид этого высоченного мужика меня явно устрасал. Хоть бы кости мне не переломал все.

— День добрый — произнес мне глубоким басом отец Мизери — Вы Тайлер Квинн?

— Именно, с кем имею честь вести беседу? — Зачем я спросил? Вот идиот, я ведь и так знаю.

— Мы родители Мизери, хотели бы узнать, как проходят дела с нашим лечением?

Нужно было показать, что, несмотря на мой юный возраст, я вполне примерный, опытный, и знающий человек своего дела. Хоть это и не так. Но я должен блефовать! Пусть даже с наилучшей комбинацией карт на руках.

— Во-первых, почему вы пришли раньше назначенного времени? Во-вторых, прошел только один сеанс, а вы просите у меня результатов?

Я готов был получить по лицу от отца, после своего ответа. Но...

— Простите, просто мы очень переживаем. Поймите, нервов уже не хватает на все это, и Вы – наша последняя надежда.

Его жена стояла за спиной и крепко держала мужа за руку. На ее лице читалась усталость, недосыпание, кожа побледнела, нехватка витаминов на лицо. И отдыха, хорошего отдыха.

Я уже говорил, что я сделаю все, что в моих силах и даже больше. Это задание неизмеримо интересно для меня. И жутко ответственное. Не в моих интересах подводить вас, Дока, госпиталь и самое главное – Мизери.

— Майк. — Он протянул руку.

— Приятно. А Вас? — Я обратил внимание на мать Мизери.

— Хлоя. — Холодно и протянуто сказала она.

— Не переживайте. Я смогу. Если не решить проблему, то вывести ее из этого состояния.

— С...спасибо. — Без капли эмоций услышал я в ответ.

БЕЖАТЬ!

Стоп. Некуда бежать. Я прошел в комнату к Мизери, где она сидела в такой же позе, на том же стуле и с той же стороны.

— Здравствуй, Мизери.

Кивок.

— Познакомился сейчас с твоими родителями, чудесные люди.

Кивок.

Сел на стул, но снова с осторожностью отсел на несколько сантиметров от стола. Достал блокнот и начал пытаться воплощать свой план.

— Скажи, тебе будет проще отвечать на мои вопросы, если я буду давать тебе варианты ответа «да» и «нет»?

Кивок.

— Идет. Ну, для начала, как прошел твой день, все хорошо? Ничего необычного не случилось?

Кивок.

— Славно. Скажи, ты когда-нибудь водила машину?

Отрицательно махает головой.

— А любишь природу?

Кивок.

— Я так и знал. Почему-то все, у кого такие же зеленые глаза, как у тебя, очень любят природу.

Пожала плечами.

Все это время у нее взгляд был опущен вниз. Я задавал кучу вопросов. И не мог оценить ее реакцию. ДА ОНА ПРОСТО СИДИТ И КИВАЕТ! «Не обидели?», «я тебя смущаю?», «ты любишь быть в центре внимания?», «тебе нравится музыка?», «любишь

учиться, узнавать что-то новое?», «были попытки суицида?». Ничего из этого и ещё из, примерно, пятидесяти вопросов не вызвало никакой реакции у нее. Ей не было никакого дела до меня. Хоть бы сказала, что я достал её. Но вот пока не наступил этот момент.

— Очень хорошо, — я тяжело вздохнул, протер глаза — а есть ли у тебя друзья по переписке, ну там facebook, twitter?

Мизери подняла голову и посмотрела на меня тяжелым, тревожным взглядом. Но не отвечала. Я не понимал, что же происходит, но ее глаза вскоре начали наливаться слезами. Она начала плакать, без звука. Так тихо, что я был обеспокоен больше ее.

— Все в порядке? Воды?

Ее руки тряслись, лицо полное апатии вдруг покраснело и превратилось в то, что действительно стало меня беспокоить.

— Мизери, я выйду на секунду, а ты приведи себя в порядок.

Я мигом вышел из комнаты, захлопнул дверь и припал к стене. Снова струсил, сейчас нужно было добить ее, достать из нее слова чувствами. Я даже забыл, какой вопрос задал. Слабак. Нужно было успокоиться. Вдох – я закрыл глаза. Выдох – тело расслабилось, я взял себя в руки. И снова вошел обратно.

Мизери сидела уже со спокойным лицом, я же не решался сначала говорить что-либо, или даже просто начать как-то «светиться». Я должен быть уверенным, что она успокоилась. Я сел на стул, снова расстояние от стола, забрал блокнот со стола и положил его в карман халата, который висел на вешалке. Это томление молчанием просто добивало меня. Было страшно, пока не случилось то, чего я никак не ожидал.

— Почему ты всегда садишься так далеко от стола?

Я закаменел. Мизери произнесла это. Сама. Теперь казалось, что я онемел, а она мой врач. Восстанавливает меня.

— То есть, ты можешь говорить? Почему же раньше этого не делала?

— Не было смысла. Вы все хотели слышать то, что вам нужно.

— Соглашусь, пожалуй. Чем же я особен?

— Ты слушал все, что даже тебе не нужно было.

Я ничего не понимал, совершенно ничего. С одной стороны, она заговорила. А с другой? Она ведь все равно не скажет мне, что с ней произошло. Как быть?

— Ты ведь не скажешь мне, что мне нужно?

Отрицательно кивает.

— Но погода сегодня отменная?

— Да, погода хороша.

Я понял эту игру. Мне нужно попытаться добиться ответа таким способом, чтобы не было прямых вопросов на данную тему. Нужно подумать, хорошенько подумать.

— Мизери, как ты себя чувствуешь?

— Я устала немного.

— Желаете перенести на следующий раз?

— Если возможно. Буду очень благодарна.

Я встал, попрощался с Мизери и отправился в свою комнату. Целых четыре часа я убил на то, чтобы заставить ее говорить, и это только сегодня. Плюс ещё те минуты на первой встрече и все то время, что из нее пытались вытянуть полиция, психологи и психиатры. Я невероятно продвинулся сегодня. Очень огромный шаг в моем продвижении. И это радует. Что делать дальше?

Ближе к вечеру я рассказал эту историю Кинзи, с которой встретился в тот вечер у госпиталя, в парке. Она всегда звала меня на прогулку в этот парк.

— Да ты что? Охренеть! — Не было предела восхищению Кинзи.

— Представляешь? Я сам был в недоумении. Даже испугался, когда она заговорила.

— Я ведь говорила, что у тебя выйдет. А каков был вопрос?

— «У тебя есть друзья по переписке?»

— И после этого она заплакала и заговорила?

— Да. Не знаю еще, как это связано.

— Я тоже не приложу ума. Возможно, она больше не общается с теми, с кем дружила по интернету?

— Не думаю, что это могло привести к таким последствиям.

— Почему?

— Потому что вопрос: «были ли у тебя попытки суицида?» не вызвал у нее никаких эмоций.

— Очень странно. Что теперь думаешь делать?

— Теперь наступает вторая фаза моего плана. Я знаю тему игры и знаю правила. Придется играть.

— Русская рулетка? — Кинзи приложила свой «пистолет» из пальцев к виску.

— Русская рулетка. — Подтвердил я, переводя «ствол» её «пистолета» на себя.

А-а-а, Док, прости, что не было отчетности. Я знаю, что мне необходимо делать записи здесь, чтобы голова работала чуть больше обычного, но у меня совершенно не было времени.

Целая неделя у меня ушла на нашу с Мизери «игру». Довольно сложную, необходимо подметить. Завтра у меня с ней будет ещё одна встреча, и я планирую довести эту игру до логического завершения. Мозговой штурм с Кинзи прошел очень продуктивно. Сейчас расскажу.

На следующее утро, после того как мы вернулись с прогулки, я, действительно, серьезно занялся данным делом. Мне стало очень интересно, что будет дальше. А самое интересное то, что никакие справочники тут не помогут, вот как человек развит в логическом и дедуктивном мышлении, таков и будет результат. Меня немного огорчило то, что столько времени я убивал на учебу.

Не суть, погрузимся детально к этому всему. Я и Кинзи в моей комнате перебираем возможные варианты. Более адекватные варианты я оставлял и записывал, с менее – дико смеялся. Ну, первые полчаса, потом мне просто надоело, и я осознал, что заниматься дурью сейчас не время.

— Что, если у нее умер друг по переписке? — Рассуждала Кинзи, размахивая моим карандашом.

— Не стоит задавать такие вопросы сразу же. Это провокация.

— Предательство?

— Не думаю, тогда бы она, скорее всего, ненавидела кого-то.

— Может, измена?

— Возможно, но есть информация, что ее еле вывели из истерики, когда это все только начало происходить.

— И что?

— Думаешь, измена может так сильно задеть?

— Конечно! Она ведь девушка, кто знает, насколько она сильна или слаба характером.

— Оставим этот вариант. — Я записывал в блокнот все возможные вопросы.

Прошло четыре с половиной часа, и мы заметно подустали. Я исписал половину своего блокнота, а Кинзи сгрызла половину моего карандаша. Я был подготовлен и истощен морально, поэтому просто лег на кровать и молча лежал. Кинзи легла рядом. Было заметно по ее взгляду, что она невероятно хочет спать.

— Прости, я совсем тебя сегодня замучил с этими вопросами, устала?

— Да, немного, но мне это нравится.

— Нравится, что?

— Говорить с тобой. Проводить время в такой обстановке, когда я могу слушать твои мысли, рассуждения. Так я узнаю тебя.

— Хм, я думал, что наоборот надоедаю.

— Нет, все хорошо.

Кинзи легла мне на плечо, и мы оба смотрели вверх с закрытыми глазами.

— Тайлер?

— Да?

— Важно ли делать добро?

Такого вопроса я не ожидал, он просто возник из неоткуда.

— Чего это ты такие вопросы задаешь?

— Ну, смотри, ты ведь не обязан помогать Мизери?

— Это моя работа сейчас, поэтому, обязан.

— А если бы не было работой – помог бы? Будь у тебя все возможности для этого и ты ее совершенно не знал.

— Не знаю, вряд ли.

— Вот поэтому и вопрос. Ну, знаешь пословицу: «Делай добро, и оно к тебе вернется».

— Сомневаюсь в этом.

— Почему же? Неужели быть добрым так плохо?

— Быть добрым и делать хорошие поступки в отношении к каждому – две разных вещи.

— Видимо, у нас снова расходятся взгляды.

— Считаешь, что это плохо?

— Нет, так мне ещё более интересно тебя слушать.

— Считаю, что делать добро кому попало – глупая затея. Ты ведь не Господь, чтобы творить прекрасное. Я сторонник того, чтобы оплачивать людям тем же.

— То есть в цепочку добра ты не веришь?

—Ещё как не верю. Все цепи рано или поздно обрываются или вовсе изначально не имеют решений, либо обратных движений.

— Это ещё почему?

— Я не раз попадал в такие ситуации, когда направление проделанного мною было только в одну сторону.

— Тогда, что ты предлагаешь?

— Я сторонник того, чтобы относиться к людям так, как они к тебе. Если ты сделал что-то хорошее, а тебе вернулось неприятное, то я считаю, что ты имеешь полное право отплатить тем же, только не переусердствовать. Карма, это все карма.

— Тебе неприятно делать добро просто так?

— Приятно, я так и делал раньше.

— Но?

— Но оно того не стоит. Всегда есть какой-то момент, от которого начинаешь понимать, что делал это зря.

— Тайлер, расскажи мне сказку.

— Сказку?

— Сказку.

Меня немного удивила просьба Кинзи, но ее чудесные глаза, милостивый взгляд и улыбка сыграли свою роль. Да и устала она за день со мной, нужно отплатить чем-то. Я начинал рассказывать то, что знал почти досконально:

— «Всё началось ещё много лет назад... Каждый день, в течение десяти лет, я задавался этим вопросом. Представляешь, как сказывается на человеке целое десятилетие в том месте, куда я попал?».

Как только я закончил свой рассказ, то заметил, что Кинзи уже спит, обняв меня руками. Я бережно встал с кровати, пытаюсь ее не разбудить, накрыл пледом, а сам сел рядом и смотрел на ее лицо.

Подумать только, как круто может повернуть тебя на повороте жизни, что только вчера ты был никем в этом мире, простым парнем, который лишь иногда любит писать что-то на листах бумаги в виде прозы, а сегодня – я пытаюсь помочь человеку, при этом имея возле себя того, кто, в свою очередь, помог мне. Иногда мне кажется, что когда Кинзи рядом, то моя комната становится для нас целым миром.

Нужно поспать, завтра важный день.

Утро было невероятно спокойным и запредельно чудесным. Это тот момент, когда ты балансируешь между скукой и приятным спокойствием. Такая атмосфера мне по душе. Я проснулся и понял, что уснул рядом с кроватью, где спала Кинзи. На мне был плед, которым я накрывал ее этой ночью. В комнате я был сам, поэтому не совсем понимал, что же происходит.

Через несколько минут я услышал шум на кухне и отправился туда спокойным шагом. На кухне была Кинзи, которая надела мою майку с вырезами по бокам. Ее волосы были растрепаны, а сама она что-то готовила, подтанцовывая тихо играющей музыке. Я оперся на дверной проход и наблюдал за происходящим с улыбкой. Не очень хотелось мешать.

Кинзи пыталась даже подпевать песням, исходящим из динамиков, в импровизированный микрофон в виде поварёшки.

— Can't get away, we all have to pay. We've seen it, we've seen it all...

— In our dreams. — Дополнил я слова песни, которые она забыла.

— Ой. — Она тут же прервала свой концерт и засмушалась.

— У тебя хорошо получается. — Я еле сдерживал свой смех, чтобы не смутить ее ещё больше.

— Я не заметила тебя просто. Поешь вот приготовила.

— А как же концерт?

— Дурак...

Обожал, когда она меня так называла. Она казалась мне такой домашней в это утро, такой хозяйственной. Моей, что ли.

После хорошего завтрака, я провел Кинзи домой, а сам отправился обратно в госпиталь. Если ты не забыл, Док, то сегодня у меня встреча с Мизери, а это значит, что сегодня придет конец нашей игре. Я так решил и буду до последнего с ней вести беседу, пока это не закончится.

Двенадцать часов дня. Все та же дверь, тот же кабинет. Вдох-выдох, сердцебиение приходит в норму, ещё раз, и я полностью готов.

— Здравствуй, Мизери.

Кивок.

Будет куда сложнее. Честно говоря, я удивлен, что она снова не говорит. Но не показал виду, чтобы не выдать себя.

— Как тебе погода сегодня, чудесно, правда?

Кивок.

И снова последовали вопросы «Да/нет». После такого штурма я решил немного сменить стиль общения. Что было, когда я стал задавать конкретные вопросы, на которые необходим ответ?

— Куда собираешься отправиться на ближайшие каникулы?

— Во Флориду.

— Теперь снова здравствуй, Мизери.

— Здравствуй.

Есть, мне удалось выловить её. Либо просто перейти на новый уровень общения. В любом случае игра только начиналась

— Коль ты снова решила озвучить свой голос, я хочу немного поиграть с тобой в Блиц.

— Что это?

— Я буду задавать тебе вопросы, а ты отвечай то, что первое приходит на ум, идет?

— Постараюсь.

— Какие добродетели ты ценишь больше всего?

— Лояльность, понимание.

— Качества, которые ты больше всего ценишь в мужчине?

— Искренность, отзывчивость.

— В женщине?

- Откровенность, любовь.
- Твое любимое занятие?
- Танцы, наверное.
- Твоя идея о счастье?
- Жить независимой от обстоятельств жизнью.
- О несчастье?

Мизери засуетилась и с тяжелым тоном произнесла:

- Окружение несправедливостью.
- Если не собой, то кем бы тебе хотелось быть?

Снова суэта читалась в глазах девушки.

- Кем угодно.
- Как бы ты хотела умереть?
- Поскорей.

Мало что можно сказать из ответов, которые я сегодня получил, но у меня вышло вывести одну небольшую цепочку. Да-да, им я не особо доверяю, но стоило проверить все варианты. И так: интернет, попытки суицида, плюс ко всему реакция на определенные поставленные вопросы. Сходится всё в несколько выплывающих последствий. Очень странных и нехарактерных, должен я подметить.

- Скажи, ты бы была счастлива без своих друзей?

Мизери широко раскрыла рот и тут же прикрыла его своими руками, она начала плакать и снова впадать в истерику. Я на правильном пути. Я знал, что это не совсем правильно, доводить ее до такого состояния, но иначе мне не добиться результата. Нужно рисковать и давить сверху. Мое сердце переполнялось эмоциями и захлебывалось от звуков, которые издавала Мизери. Это подобно тому, когда на твоих же глазах кого-то убивают. Она страдала, и я не чувствовал себя от этого лучше, я лишь пытался побороть свои чувства, дабы снова не выскочить из кабинета. Мне необходимо было повысить тон разговора, чтобы она слышала меня.

- Они виноваты в том, что случилось?
- ДА! — Жутким криком доносилось на всю комнату.
- Они заставляли тебя?!
- ДА!
- Они сделали это с помощью интернета?!
- ДА!
- Ты бы смогла убить их за это?!

— ДА! ДА! ДА! Черт возьми, да!

Мизери била по столу руками, а истерика переходила все нормы дозволенного.

— Ты ведь хочешь этого, скажи мне, и я вскрою их глотки! — Да, я знаю, переиграл.

— ЗАТКНИСЬ! ПОШЕЛ ВОН!

Я мигом вылетел из кабинета. Что ж, теперь мне остается только ждать. Ждать, как оказалось позже, тоже только две вещи: либо я получу конкретный ответ, путем догадок, либо я получу по своей наглой роже от отца Мизери. Оставалось только ждать ещё три мучительных дня, до следующего сеанса, и, видимо, последнего.

(запись на полях: купить боксерскую капу).

Вообще, я даже не думал записывать что-то в эти три дня своих выходных, если бы не произошедшее сегодня.

Честно говоря, я немного опасался того, что ко мне нагрянут родители Мизери, поэтому выходил из комнаты редко. Почему-то я больше верю в то, что мне снова пробьют голову, нежели в то, что я найду решение данной задачи.

Кинзи все узнала в тот же вечер, но ничем не смогла мне помочь, кроме как поддержкой по телефону, ведь как оказалось, она уехала с родителями к родственникам в Миннесоту. Мне оставалось самому решать эти проблемы.

Знаешь, вообще я люблю оставаться наедине, так даже лучше. Не всегда, конечно, но это порядком помогает сосредоточиться. Так, что же сегодня такого произошло? Что заставило меня сделать запись?

17:30. Я сидел в комнате за столом и перебирал все возможные пути решения. ещё раз изучил личное дело Мизери, пытался прийти к какому-то выводу. Ничего логичного в голову не влетало, пока я не услышал стук в дверь. Честно говоря, сразу же подходить и открывать у меня желания не было, по понятным причинам. Просто я не хотел, чтобы мне снова проломали голову.

Стук не прекращался, но был спокойным. Я предположил, что двухметровый отец девушки стучал бы иначе. Я рискнул и, все-таки, открыл двери. Поправка, приоткрыл.

Чему я удивился, так это тому, что за дверьми стояла Мизери. Только когда я убедился, что рядом нет ее отца с бейсбольной битой, я открыл двери чуть шире.

— Мизери?

— Привет. Можно войти?

— Думаю, да.

Мизери прошла в комнату и стала в центре комнаты. Видно было, что она жутко стесняется.

— Присаживайся, хочешь выпить чего-то?

— Спасибо. Если не тяжело, я бы чего-то прохладного выпила.

Я отправился к холодильнику, налил ей черничный сок и кинул несколько кусочков льда.

— Что ж, с чем пожаловала? Я могу как-то помочь?

— Я пришла впервые поделиться тем, что меня донимает.

— Почему именно мне?

В тот момент я, действительно, не понимал, почему лишь мне она решила открыть правду.

— Потому что все это время ты терпел то, как я, игнорируя все вопросы, просто кивала в разные стороны. Ты не пытался сразу же узнать, что со мной такое приключилось. Для примера: полиция две недели грузила меня доводами и расспросами о том, что же случилось. Психолог пыталась помочь мне, не понимая того, что ничего уже не исправить.

— А я?

— А ты слушал меня тогда, даже когда я не говорила. — Мизери сделала глоток сока и отставила стакан чуть левее от себя. — Очень вкусно.

— Угощайся, я ещё налью. Я слушаю тебя, располагайся, как тебе будет угодно.

Мизери сидела неподвижно. Она опустила голову вниз так, чтобы ее волосы свисали и начала говорить:

— История началась спонтанно для меня, я совершенно не понимала, куда вляпалась. Я учусь в школе, у меня, как у обычного человека, есть друзья, близкие люди. Я, конечно, общаюсь не со всеми, но ни с кем у меня не было конфликтных ситуаций. Пытаюсь всегда быть спокойной, сдержанной и это у меня выходит.

— Я заметил это.

— Вот. В нашей компании друзей есть парень, его зовут Майк...

Да ладно? Неужели Кинзи была права и это все из-за неразделенной любви? Господи, как же банально до тошноты.

— ... он всегда пытается «подцепить» меня. Все время клеится и будто невзначай подкатывает ко мне. И это так глупо выглядит, ты даже не представляешь. Но к этому все привыкли, без этого даже жить было бы скучно, до какого-то момента.

Я не совсем понимал, к чему она ведет. Возможно, это была просто предыстория, но мне становилось порядком скучно. Я наполнил стакан Мизери соком, и поставил стакан себе, вникая дальше.

— Я всегда помогала своим друзьям, и они относились ко мне хорошо. Я обычная девушка, Тайлер. Без всяких замашек, без синдрома принцессы, без высокомерных стандартов и так далее.

— Понимаю, Мизери. Что же было дальше?

Мизери пустила слезы. Мне казалось, что она больше плачет в жизни, чем делает что-либо иное. Уж слишком часто я наблюдал ее в таком состоянии. Но в этот раз она быстро успокоилась.

— Случилось то, чего я никак не ожидала. В один из выходных дней я сидела за компьютером и, как обычно, после проделанной работы для учёбы, я смотрела серию своего любимого сериала. Казалось, ничего необычного. Так я проводила почти каждые выходные. На вечеринки я ходила крайне редко, хоть их и устраивали довольно часто. Я... я просто не люблю большое скопление людей, я люблю спокойствие и тишину.

— Допустим, но что было дальше?

Меня, действительно, терзал интерес. Я и так умирал от томления днями ранее, а тут ещё и это. Господи, добейте меня.

— Мне позвонили, и это была Валери.

— Валери, это?

— Это одна из моих подруг. — Дополнила меня Мизери.

— Так, звонок. А что ей было нужно?

— Меня шокировало содержание звонка. Валери плакала. Нет, не просто плакала, у нее была истерика, еле говорила, ей было страшно. Это было понятно по манере общения. Я со всей силы пыталась успокоить ее, чтобы выяснить, что же произошло. Через десять минут Валери сама утихла и произнесла что-то типа: «Он идет, Мизери, он идет». Это всё напоминало мне фильм ужасов, я не знала, что мне нужно делать. Связь оборвалась. Я не на шутку забеспокоилась и сразу же позвонила родителям Валери, чтобы сообщить о произошедшем. Но из всех моих пяти попыток дозвониться – ни одна из них не увенчалась успехом. Несколькими минутами ранее я получила на почту электронное письмо от неизвестного контакта, который тут же был удален. К письму было вложено видео с надписью: «Просмотри». Содержание данного видео файла ввело меня в страх и панику. На черном полотне стоял парень в маске, который держал в одной руке нож, а в другой – чьи-то волосы. Камера стала опускаться ниже, я увидела, как внизу на коленях и вся в слезах стоит Дейзи. Моя хорошая знакомая. Её руки были в синяках, лицо – в слезах. Тот самый мужчина держал ее волосы, а нож приставил к шее. После недолгой паузы он произнес голосом робота: «Если через полчаса тебя не будет возле старой хижины на окраине – можешь попрощаться со своей подругой. Ах да, если надумаешь вызвать копов, то советую, чтобы ты была на месте первой». У меня замерло сердце. Я без мыслей тут же стала собираться и мигом вылетела из дома, чтобы спасти свою подругу. Как только я стала приближаться к месту назначения, меня осенила гениальная мысль: «что я сделаю сама, если вдруг на меня нападут?». Как жаль, что эта мысль не пришла мне в голову ранее. Как только я начала вызывать полицию, кто-то выдернул телефон у меня из рук, закрыл рот ладонью и отнес внутрь хижины. Внутри было около десяти людей. Я увидела Валери. Меня удивило то, что она была совершенно спокойна. Не плакала, не пыталась убежать. Меня положили на какой-то стол и двое ребят держали за руки и ноги. Когда же Валери подошла ко мне, то я пыталась спросить, что же происходит и как это понимать. На что она ответила мне: «Знаешь, подружка, ты достала быть такой неженкой и пай-девочкой.

Пора взрослеть, Мизери. Тем более, среди нас есть тот, кто поможет тебе». Из темноты вышел Майк.

О-о-о-у-у нет. Хоть бы это было не тем, что я подумал. Мизери продолжала:

— Он улыбнулся и произнес всего одну фразу: «Теперь ты не сможешь мне помешать». И... а дальше...

Мизери заплакала. Ее руки тряслись, она заметно побледнела. Я не из тех людей, которые умеют успокаивать или принимать какие-то правильные решения в столь экстренных ситуациях. Моей сообразительности хватило только на то, чтобы пододвинуть ей пачку с салфетками и долить ещё сока. А дальше.

Далее я рассуждал. Значит, это домогательство? Простая такая шутка друзей, которая обернулась в нечто ужасное. Я очень долго не принимался задать вопрос Мизери, но понимал, что это было необходимо. Как только она успокоилась, я собрался с мыслями и произнес.

— Что далее, Мизери?

Взяв её за руку, я пытался создать комфортную атмосферу для нее. Не знаю, правильно ли я делал в тот момент.

— Они изнасиловали меня...

Мизери затихла. Руки прятали её невинное лицо, звуков от плача я больше не слышал. Изнасиловали...

— «ли»? Их было несколько?

— Да, около десяти.

Выражаться матом я не хотел в её присутствии, поэтому просто промолчал.

— Почему ты не сообщила никому об этом?

— Ты в силах себе представить человека, который пережил такое? Сможешь почувствовать то, что чувствовала я? Да я первые дни и ходить не могла, я уже не говорю о том, что мне не хотелось вести ни с кем беседу. А все эти психологи и полиция только напоминали мне о случившемся.

И я поверил ей. Возможно, где-то была часть лжи, но я не пытался даже находить её. Не пытался рыться в ее голове, чтобы полностью убедиться в ее откровении. Это был слишком неоправданный риск и затраты на него были куда больше, чем возможный результат.

Я поблагодарил Мизери за её откровенность и провел до машины, в которой сидели ее родители. Открыл дверь – девушка села. Я стал возвращаться к себе домой. Закрыв дверь, оперся на неё, закрыл глаза и произнес: «Готово». Чувство выполненного долга успокаивало меня, ведь процент того, что отец Мизери разнесет мои мозги – заметно уменьшился.

Сдача отчета. Было забавно.

Я вышел с довольным лицом из дому и направлялся к тебе в кабинет, Док. Хотел спросить, правильно ли я делаю, что обращаюсь в личном дневнике к тебе? Обычно, общаются с самим дневником, в этом и есть замысел, вроде как. Ах, ладно, сейчас не о том.

Я направлялся в кабинет, чтобы рассказать всю ситуацию.

— Утро доброе, Тайлер.

— Утро? Док, уже час дня.

— Я только проснулся, а значит, что сейчас утро. — Логично, подумал я. — Слышал, что у тебя есть кое-какие продвижения? Слушаю тебя.

— Док, нужно досконально проверить компьютер Мизери.

— Мы не ФБР, кто нам даст на это разрешение? Да и вообще, зачем это тебе?

— Не мне, нам. Это нужно нам. Потому что решение кроется именно в компьютере. Ее электронная почта, все ответы на наши вопросы – там.

— Тайлер, твоей задачей было помочь девушке, вытащить ее из того состояния, в котором она сейчас, а не находить какие-то ответы, на какие-то там вопросы.

Сегодня Док был явно не в настроении. Но и я не сдавал позиций. Я в деталях рассказал ему все, что тогда рассказала Мизери мне. Через пять минут моего повествования, после окончания рассказа, Док заметно изменился в лице и призадумался:

— Хм, если это все правда, то ты нашел ответ на этот вопрос.

— Ну, а я о чем?

— Я тут же сообщу полиции, да и сам отправлюсь туда. Хорошая работа, Тайлер.

— Спасибо, как скоро мне ждать результата исследования?

— Дело не терпит ожидания, вечером я дам знать.

— Идет, я могу быть свободен?

— Да, отдыхай, ты хорошо поработал.

Давно я так не чувствовал себя. Так легко на душе и непринужденно. Ведь правда, когда ты с чувством выполненной работы, с чувством свободы начинаешь существовать, все кажется не таким уж и дерьмовым в этом цикле. Я должен был сообщить о своих успехах Кинзи, поэтому позвонил ей вечером.

— Кинзи, все закончилось!

— Что закончилось?

— Ну, это дело!

— Какое дело, Тайлер?

— Ну Мизери!

— ТАЙЛЕР!

Сообщать новости я не мастер. В такие моменты я хотел сказать все и сразу. Но у меня все же вышло.

— Кинзи, сходим сегодня куда-нибудь?

— Возможно, но у меня есть лучше идея.

— Идея? Какая?

— Через три дня мы отправляемся в Альбукерке.

— Откуда такая щедрость?

— Ну, ты закончил свою работу над заданием и ещё один повод тоже.

— Какой повод?

— Мы отправляемся туда с моими родителями.

— Родителями? Может, лучше, не надо? Ну, то есть, как-то рано, что ли.

— Ничего не знаю, завтра позвоню, целую. — И короткие сигналы из телефонной трубки. Кинзи...

Она часто так делала: сообщала новости и тут же обрывала наш диалог, чтобы я не смог отговориться. Иногда мне это казалось даже забавным, но порой это просто выводило меня. Но, как только я видел ее лицо, то тут же отходил от столь подорванного состояния. По сути, это настолько по-детски, что даже смешно порой. А вот посмотреть с другой стороны – она такими поступками добивается всего, что ей необходимо. Так и считай потом её ребенком. Хитрая, очень хитрая.

Завтра уже отправление. Кинзи во всю запланировала поездку, просчитывала всё до мельчайших деталей. Как только она находила в интернете какое-то необычное место, то тут же звонила мне и восхищенно описывала его. Но мне это даже нравилось. Вообще, я был всеми руками за такую поездку, если бы не одно «но» — родители Кинзи. Не то, чтобы я волновался, я просто боялся. Слегка. Совсем чуть-чуть.

Но необходимо было пересилить своё беспокойство. К тому же, целая поездка будет куда насыщенней, нежели просто знакомство.

Весь мой день перед отъездом состоял из звонков Кинзи, которая рассказывала мне о достопримечательностях города, каких-то маленьких, но безумно уютных мест. Чуть ближе к вечеру шторм звонками прекратился и мой назойливый, но чертовски милый собеседник отправился спать чуть раньше. Сам для себя я тоже составил независимый список мест, которые я обязан был посетить. Кто знает, когда у меня ещё будет возможность побывать в иных чудесных местах. Я люблю путешествовать, но редко являюсь движущей силой поездки. А жаль.

Поздним вечером, даже ближе к ночи, я вышел на крыльцо нашего госпиталя. Должен признать, что ночью он был невероятно красивым. Туристы бы с восхищением засматривались на светящиеся окна здания, а фонтан только добавлял прекрасности всей картине. Если бы здесь не было госпиталя, то здесь было бы прекрасное место для влюблённых парочек.

На крыльце стоял курящий сигарету Док. И только сейчас я вспомнил, что он мне не рассказал исход дела Мизери.

— Док?

— А, Тайлер. Привет. Неправда ли прекрасное небо?

Док смотрел вверх и, прищуриваясь, делал затяжку сигаретой и выдувал дым в мою сторону. Я же просто ненавидел это.

— Д-да, небо очень красивое. — Я отмахнул от себя клуб дыма, даже не посмотрев на то самое небо. — Док, а почему ты не сообщил мне исход дела?

— А, да всё нормально. — Абсолютно спокойным голосом и без всякого интереса услышал я в ответ. Честно говоря, я немного впал в ступор.

— То есть? Мне ведь интересно, что за загадки?

— Да нормально всё, Тайлер. Расслабься. Приехал наряд, приехала группа с нашего госпиталя, посмотрели все доказательства по твоим доводам. Ты был прав, всё сошлось. Теперь этим делом занимается полиция округа. А мы – молодцы.

— И всё? Молодцы?

— Ну а как же, всегда так было. Ещё привыкнешь.

— Звучит так себе.

— Везде есть свои положительные стороны. Держи.

— Он протянул мне свёрток бумаги.

— Что это?

— А ты посмотри, просили передать.

Я начал разворачивать свёрток. Внутри был ещё один лист, и я начал ознакомляться с содержимым:

Сначала же я прочёл слова благодарности от родителей Мизери, которые в каждой последующей строке писали слово «спасибо» в стольких разных формулировках, что я даже не знал об их существовании. Но, было очень приятно. Вторым же листом был чек на тысячу восемьсот долларов. И подпись сверху: «Я уверена, что из тебя будет отличный врач. Потому что человек ты – прекрасный. Мизери».

— Это очень трогательно. А чек?

— Они полностью оплатили наши услуги. Могу предположить, что это твои чаевые.

— Док, у тебя всё нормально?

— Да, просто наслаждаюсь пейзажем. А ты куда собрался на ночь глядя? Я слышал, ты завтра уезжаешь на выходные?

— А я вот решил подняться на крышу, послушать музыку, провести время за ночной пеленой и звёздным покровом. И да, завтра отъезжаю в Альбукерке.

— Хм, хорошее место. Я как-то был там проездом. Есть на что посмотреть. Ладно, не буду тебя задерживать, хорошего вечера.

Я попрощался с Доком и отправился на место назначения. На крыше этого дома я любил находиться. Перед тобой открывался ночной город. Настолько богатый на красоты, щедрый на визуальную теплоту. Теряешься, находясь здесь. Забываешься обо всём. Обожаю сидеть здесь глубокими ночами, с включённой музыкой, бутылкой какого-нибудь крика или яблочного сидра. Да-да, мне нельзя пить алкоголь, но в такие моменты он предавал какого-то приторно-дурманящего оттенка. Это мне и нравилось. У меня даже стул здесь стоит, по-тихому вынес из госпиталя. А мимо консьержки уже давно научился проходить. Плитка швейцарского шоколада с орехами, — и это самый добрый человек в мире. И ей приятно, и мне польза.

Откинувшись на спинку стула, ногой зацепившись за край крыши, я вкушал прекрасное. Морально насыщался видами столь чудного города. Знаешь, иногда серость тоже бывает прекрасной. Даже в самых тёмных и тусклых уголках твоего самого узкого в мире коридора есть невероятное. Только рассмотреть способен не каждый. В такие моменты я жалею, что не курю. Почему же такое одиночество настолько чудесно? Такого вида одиночество – лучшее, что только можно придумать. Здесь не достают тебя мысли о прошлом или плохом. Здесь даже нет места чему-то лишнему. Здесь есть только:

«I'm still the kid I used to be, dreaming is right up my street. I don't need air when something takes my breath away».

День отъезда. Я довольно пунктуален и всегда прихожу раньше назначенного времени. Чувствую себя очень дискомфортно, если опаздываю даже на несколько минут. И вот, в семь утра я получил сообщение от Кинзи с местом встречи. Волнение не покидало меня всё утро.

Перед тем, как наступит самый волнительный момент в моей жизни, я решил зайти в цветочную лавку и прикупить пару букетов цветов: для Кинзи и её мамы. Никогда не разбирался во флоре, поэтому доверился выбору симпатичной продавщицы. Она с широчайшей улыбкой выбрала мне пару цветочных подарков, подобрав их только по описанию девушек, ну, Кинзи и её мамы.

Я шёл по центральной улице и заметил, что с самого начала моего пути за мной следовал какой-то парень, наряженный во всё чёрное и с капюшоном на голове. Я даже не мог лица увидеть его. Что мне сразу показалось странным – на его руках были надеты чёрные кожаные перчатки. Согласен, сегодня не совсем тепло, погода заставила меня надеть красную клетчатую рубашку, чёрные штаны. Но перчатки были надеты явно не по погоде. Иногда я посматривал на него, оборачиваясь на девяносто градусов. Но мои подозрения развеялись, когда эта особь свернула в местный паб. Я сразу понял, что это очередной разгильдяй, который просиживает свой день за кружкой спиртного.

Я пришёл на договорённое место за пять минут до назначенного времени. Спустя считанные секунды я почувствовал какой-то шорох сзади меня, но не придал этому особого смысла. Как вдруг, меня со спины обняла Кинзи и крепко сжала руки на животе.

— Тайлееер! — С радостным криком произнесла Кинзи.

Я же с трудом развернулся к ней лицом и попытался обнять руками, в которых были букеты. Через несколько секунд Кинзи подняла голову, чтобы посмотреть на меня, и я снова узрел ее чудесные глаза. Я сразу улыбнулся от этого и опустил голову к её так, чтобы мы столкнулись лбами.

— Я скучал.

— Оу, это так мило. И цветы такие красивые, это ведь мне, да?

— Совсем скромно. Но, да. — Я протянул один из букетов ей.

Кинзи вдохнула аромат цветов и крепко обняла букет и покружилась с ним. Сегодня она была особенно очаровательна. Она была обута в кеды Converse, и одета в мятного цвета платье с джинсовой рубашкой. Хотя, это рубашкой особо нельзя было назвать. Только для вида. Но мне безумно нравилось, что ее глаза так сильно выделялись на спокойном фоне мятного полотна. Квинтэссенция чудесности. Живое великолепие.

— А ты сама?

— А кого ты ещё здесь ждал?

— Ты ведь говорила, что твои родители отвезут нас.

— Ах, то есть вот кому второй букет. Ишь какой, ещё не познакомился, а уже подлизывается.

— Я не подлизываюсь, я просто истинный джентльмен.

Кинзи начала смеяться. А мне это доставляло только больше удовольствия.

— Джентльмен. Пытаешься вернуть былые времена принцессок и принцев? — Сквозь ухмылку произносила она.

— Конечно. Разрешите, миледи. — Я подал своей спутнице руку, попросив её разрешения взять ладонь.

— Ох, сударь, конечно. — Еле сдерживая улыбку, Кинзи положила свою ладонь поверх моей. — А куда пойдём?

А действительно, куда мне нужно было вести её? Я ничего не ответил, начал раздумывать, как выкручиваться из такой ситуации, не запятнав честь джентльмена.

— Да ладно тебе, вот мои родители идут.

И вот, спереди нас, в метрах пятидесяти, шагала пара. Женщина держала мужчину под руку, что-то рьяно рассказывая. Мужчина только слушал, иногда улыбался и отвечал парой слов, не более. Женщина была одета в красивое зелёное платье и обута в туфли на каблуках, которые как нельзя лучше шли её стилю. Отец Кинзи – в тёмно-синие узкие штаны, чёрную рубашку с красным тонким галстуком. Он был в довольно-таки прекрасной физической форме.

Чем ближе они становились к нам, тем больше я нервничал. Кинзи понимала это по моему выражению лица. Я почувствовал, как она обхватила мою ладонь обеими руками и прижалась к плечу:

— Не волнуйся, я тебе говорю. Ты ведь ничего такого страшного не сделал, всё в порядке.

И только благодаря этому мне удалось взять себя в руки хотя бы настолько, чтобы связать пару слов в предложение.

Родители Кинзи не сводили с меня глаз. Я же не знал, куда деть свой взгляд: либо смотреть тупо вниз на промокший, после вчерашнего небольшого дождя, асфальт, либо же чередовать его между пока неизвестными мне людьми.

— Здравствуйте. — Первым, сквозь ком в горле, произнёс я.

— Привет. Вот ты какой. Тайлер. — Осмотрев меня с ног до головы опрокинула мама Кинзи. — Меня зовут Дейзи. — Она мило улыбнулась и протянула мне руку.

— Очень рад. — Я аккуратно взял её за руку, после чего протянул букет. — Это Вам.

— Это так мило с твоей стороны. Он очень красивый. — Восхищенно оценивала букет Дейзи.

— Мы очень много слышали о тебе, даже не представляешь насколько много. — С ноткой ухмылки произнес серьёзного вида мужчина.

— Тайлер Квинн. — Снова произнеся своё имя, я протянул руку уже к отцу Кинзи.

— Том. Можно просто Том. — Он пожал мне руку в ответ.

Должен признать, на вид он казался куда строже, нежели представлял себя в общении. В целом, знакомство прошло неплохо. Кинзи всё это время не отпускала моей руки, что как нельзя сильнее придавало мне уверенности. С другой же стороны, я чувствовал себя несколько неловко, держа за руку Мизери.

Возможно, я преувеличиваю, но в этот момент я думал, что лучше бы даже не прикасался к ней.

Спустя несколько минут разговора, нам предложили пойти выпить кофе в местную кофейню. Кинзи отказалась от предложения, мотивируя это тем, что хочется быстрее добраться до места назначения. А я. А что я? Я и соображать после этого не мог полноценно, не то, чтобы делать какие-то решения.

— Ну, если не хотите ничего выпить или поесть, тогда пойдём на парковку, к машине, и сразу же отправляемся. — Том указал рукой в сторону парковки, и мы все вместе двинулись к машине.

Я с Кинзи шли впереди, родители - чуть отставали. Я иногда осматривался на них, чтобы убедиться, что мы правильно держим путь. Они не переставали болтать о чём-то своём. Ну, в основном, говорила только Дейзи, а Том только коротко отвечал ей, либо же улыбался.

— Видишь же, всё хорошо прошло. Мои родители не тираны ведь какие-то, всего лишь люди, как и ты.

— Слава Богу, что всё прошло. — Я показательно вытер импровизированный пот со лба.

— Дурак. — Кинзи ударила меня в плечо.

Шли мы около пяти минут. Не могу понять, зачем было назначать встречу так далеко от парковки. Всю дорогу мне приходилось смотреть за Кинзи, потому что она вечно отвлекалась на какие-то мелочи, либо просто заговаривалась. На нескольких переходах чуть не попала под машину. Благо я удачно оттаскивал её от опасности. Пару раз спотыкалась на ровном месте — я благополучно подлавливал ее за руку. А дальше, взял за руку и шёл с ней так до конца, пока не посадил в машину.

— Это совсем необязательно, я и сама дошла бы.

— Возможно, но кто знает, куда бы ты дошла. Только точно не к машине.

— Грр. — Она мило прорычала мне в ответ.

То, что ждало нас на парковке - было моей давней мечтой. Во всех смыслах этого слова. Передо мной предстал Chevrolet Camaro тёмнофиолетового цвета. Я обожал эту модель всем сердцем.

— Ого, это ваша машина?

— Да, наша лошадка. Нравится? — Очень глупый вопрос задала Кинзи.

— Нравится? Да это ведь самое прекрасное творение на Земле.

Кинзи подняла вверх одну из бровей и посмотрела на меня.

— После тебя, конечно же. — Добавил я к своей предыдущей фразе, тем самым спасая своё положение.

Кинзи лишь засмеялась мне в ответ и немного приобняла. Мы дождались родителей и сели в кузов автомобиля.

— Ну что, поехали навстречу приключениям? — Ободряюще позвала нас Дейзи.

Все радостно закричали, и мы сдвинулись с места.

Путь нам предстоял не малый, по пути мы иногда делали какие-то остановки, либо для того, чтобы поесть или попить, либо для того, чтобы насладиться какими-то прекрасными пейзажами, где вокруг не было ни души.

Мы пытались общаться, но я всё ещё чувствовал себя неловко. Спустя какое-то время, я, всё-таки, привык к новой компании. В любом случае, не было ещё поводов волноваться о том, понравился ли я им или нет. Если я ещё жив и меня не вывезли в лес — все куда лучше, чем могло быть.

Прекрасного цвета вечер. Призрачно нескончаемая дорога, кажется, только придаёт какой-то души в мой день. Начинало темнеть, красного цвета солнце дотрагивалось до земной коры своими пронзающими лучами. В такие моменты можно было переосмыслить многое. Мой взгляд был жёстко прикован к автомобильному окну заднего сиденья. Не знаю, почему, но стало тихо. Том спокойно вёл автомобиль, вечно говорящая Дейзи — молча смотрела перед собой.

Облака пытались закрывать доступ лучей, но от этого становилось только прекраснее. Это был «горящий» вечер, и он был, действительно, чудесен. В моих руках этот дневник, и прямо сейчас я делаю запись в него. Голова Кинзи лежит на моей груди так, что одной рукой я приобнял её. Ее лицо было слишком милым, особенно, когда она спала. Через несколько минут она перевернулась на бок и обняла меня обеими руками. Сейчас я хочу, чтобы это мгновение продолжалось как можно дольше. Теперь я уже не чувствовал себя лишним.

Место назначения. Альбукерке. Мы въехали со стороны Коронадо Фриуэй. Честно говоря, изначально город был похож, как по мне, на застроенную пустыню. Эдакую выбравшуюся из вечных бурь песчаную бездну. Но к этому привыкаешь быстро. Не знаю, почему, но к этому городу я привык буквально за несколько часов.

По приезду мы сразу заселились в одну из местных гостиниц. Родители Кинзи забронировали два номера: себе и нам двоим. После поселения я подошёл к Тому и спросил, сколько с меня за жильё. Он же только улыбнулся, положил руку мне на плечо и произнёс: «Наслаждайтесь. Эта поездка – подарок вам». Очень приятно. Хотя я и мог себе позволить оплату номера, но сам факт был, действительно, приятен. Невероятно хорошие люди.

Поездка действительно утомила нас, и необходим был отдых. Но желание побывать везде и сразу – было превыше всего. Грех было приехать в новый город и не пройти несколько кварталов по нему.

Всё новое – невероятно интересно. Каждая тропа, каждая улица, каждое из заведений казались нам абсолютно отличными от тех, что есть в нашем городе. Даже если учитывать то, что аналогичные сети всяких закусовых были и у нас. Но всё же, иное расположение формировало иллюзию того, что это что-то другое.

Наш выбор пал на Owl Café. Ну, как «наш», скорее, это был выбор Кинзи. Впереди нас стояло здание, на крыше которого виднелась голова совы. Отсюда и название. Уже был вечер и включили подсветку здания. Вот здесь город и начал раскрываться, оживать. Днём он спал, а под вечер открывает все свои прелести.

Внутри было, действительно, атмосферно. Даже я не пожалел, что Кинзи выбрала именно это место. В зале царил спокойная музыка, стена усеяна старыми чёрно-белыми фотографиями, выписками из старых газет. Двойная барная стойка с вежливыми официантами и забавным меню. Диваны были выполнены в стиле сидений старых автомобилей, годов так 50-х. Да и в целом атмосфера царил старых годов. Я обожаю такие заведения, они казались мне живыми. В них не только можно прийти и поесть, либо запить своё горе, в них можно пропитаться жизнью, узнать новое, пощупать, потрогать, оценить каждый метр заведения.

Мы сели за свободный столик и сделали заказ. Я не большой фанат фастфуда, поэтому заказал себе порцию банановых панкейков с вишнёвым сиропом и двойной латте с корицей. Кинзи взяла начос и какой-то бургер, выглядело вполне аппетитно. Том и Дейзи заказали себе по какому-то салату с говядиной, несколько порций начос и пиво. Дейзи не пила, поэтому отдала предпочтение молочному коктейлю.

Усталость читалась в каждом из нас. Мы лишь перебрасывались парой фраз за столом. А я считал себя вообще отчуждённым. Надеюсь, они не обижены на меня за это. Просто я был всеми мыслями где-то там, дома. Частично вспоминал о родителях, о прошлом. Это сжирало меня изнутри. Мои рассуждения перервала рука Кинзи:

— Хорошо, Тайлер?

— Что?

— Я с папой выйду наружу? Хочу сделать пару фото.

— Да, конечно.

Кинзи и Том покинули стол. Не знаю, почему именно они пошли делать фотографии. Я ведь тоже мог. Пускай я ненавижу фотографироваться, но ведь её лицемерье мне всегда приятно. Что-то здесь было не то. И я чувствовал это своей собственной задницей. И как же я чертовски был прав. В этот момент я как раз пытался прожевать кусочек блина, но вдруг услышал шорох со стороны Дейзи. Она сидела напротив и пододвинулась ко мне.

— Значит, любишь Кинзи?

Я тут же подавился блином и стал запивать его своим кофе. Такой вопрос застал меня врасплох, такого я не ждал ни в коем случае.

— Я? Ну. Я не знаю. Не знаю, как сказать. — Очень долго не знал, что ответить. Хоть ответ на этот вопрос напрашивался сам. Неужели мне действительно было так тяжело сказать? Скорее всего, это из-за эффекта неожиданности.

— Да видно, что любишь. Ну, если не любишь, то, по крайней мере, испытываешь чувства. Правда ведь? — Она посмотрела мне в глаза с каким-то игривым взглядом.

Я же не выходил из смущения, а неловкая ситуация не покидала наш диалог.

— Да, это так. Я действительно чувствую к Кинзи очень сильную тягу.

— А знаешь, как я поняла это?

— Интересно узнать.

— Идя по дороге, ты всегда беспокоишься о том, чтобы она никуда не вляпалась, не упала, чтобы её не сбила машина. Всегда смотришь, не грозит ли ей какая-нибудь опасность. Тебе нравятся её прикосновения, когда она тактильно поддерживает тебя. Тебе нравятся её глаза. Верно?

Не знаю, как, она всё описала как нельзя точно. Но я сам не замечал того, что заметила она. Это я о том, что вечно контролирую Кинзи и слежу, чтобы ей ничего не причинило вреда. Это машинально выходит, я даже не контролирую этот процесс. Это, как бессознательный инстинкт. Но на счёт описания того, как Кинзи относится ко мне, о её внешности, о её нахождении рядом со мной. Это действительно в точку.

— Да, всё верно.

— Я вижу это по твоим поступкам. И я действительно рада, что увидела рядом с ней вчера именно тебя.

— Спасибо большое, это очень приятные слова.

У нас было несколько минут, чтобы познакомиться поближе. Дейзи спрашивала меня, чем я занимаюсь, что меня интересует, какую музыку я слушаю. Мне было интересно. Кинзи очень похожа на свою маму, такая же игривая, любит засыпать вопросами. Ещё у них была особенность, которая надолго запала мне в душу. Всегда, когда Кинзи или Дейзи задавали мне какой-то вопрос, они всё время очень внимательно слушали меня, пристально всматриваясь в каждую черту моего лица. Мне не совсем было понятно это. С одной стороны, это очень приятно, что в тебе видят приятного и интересного собеседника. С другой же, меня это дико волновало. И я каждый раз чувствовал себя либо неловко, если вопрос задавала Дейзи, либо думал, что что-то идёт не так, когда в очередной раз за моим монологом застывала Кинзи.

— А о чём вы это здесь так мило беседуете? — Кинзи тихо подошла ко мне сзади, положила голову на плечо и съела кусочек моего бананового панкейка.

— Да так, просто общались. — Дейзи взяла свой напиток, отклонилась на спинку стула и мило смотрела на нас. — Да, Тайлер?

— Всё верно, именно так.

Том договорил по телефону и подошёл позже. Мы закончили наш скромный ужин и вышли из заведения. Усталость, казалось, напала ещё больше обычного. Но красоты нового города, нет, не так, нового ночного города, придавали дополнительные силы для возможности наслаждения всем неизведанным.

Мы договорились, что разойдёмся все по своим делам: я с Кинзи решили отправиться вглубь ночных красот Альбукерке, а Дейзи и Том отправились обратно в номер.

Красоты этого города захватывали меня всё больше и больше. Мы словно окунались с головой в него. В его пейзажи, которые будто сняли с картинной галереи и полностью «утопили» нас в них. Даже Кинзи, которая так любила комментировать каждую достопримечательность и с восхищенным возгласом описывать их, молча вкушала всю архитектурную кульминацию сего сияющего чуда.

Эти горы просто огромны! По крайней мере, самые большие, что я только видел. Но, Док, это правда невероятно. Днём – безумно пустой город, как по мне. Ночью — он сполна наполняется огнями. Те самые огни доверху заполняют твою душу. Какой бы она ни была. Заткнись и вкушай, человечиска.

Приключений на этот день нам не хватило, почему-то. Мы дошли до края сеточного ограждения, за которым ничего, кроме открытого мира и просто огромнейших гор, больше не было. Я помог Кинзи перебраться через забор, после чего сам перелез к ней. Мы забрались так высоко, как только смогли, чтобы быть как можно ближе к тёмному небесному полотну. Умостились возле пары булыжников, которые были удобными для расположения.

— Знаешь, Тайлер, это ведь было моей мечтой.

— Что именно?

— Побывать в столь прекрасном месте с любимым человеком.

— Именно в этом?

— Нет же. В подобном.

— Это и было твоей мечтой?

— Я ведь пару секунд назад это сказала.

— И как оно?

— Что «оно»?

— Что ты испытываешь сейчас, когда твоя мечта сбылась?

— Не знаю, как точнее описать это. Я чувствую спокойствие. Нет, не просто спокойствие. Мне кажется, что сейчас – это последний день нашего существования, а завтра и вовсе не наступит. Завтра не будет плохо или хорошо. Завтра не будет старых или новых проблем. Есть только сейчас и это «сейчас» – неумолимо прекрасно.

Её слова стали каким-то бальзамом на душу мне. Внезапно наступило чувство того, что я важен. Что не просто так родился на этот свет, если кто-то считает, что я в силах исполнить его мечту. Чтобы стать её частью. Это, в какой-то степени, даже льстило мне.

— Чего затих?

— Не люблю много разговаривать в такие моменты.

— А часто такое у тебя случалось?

— Впервые, но даже этих нескольких минут достаточно, чтобы это понять.

Мы лежали под открытым небом, держась за руки и сполна наслаждаясь звездопадом. Кинзи была права. Меня окутало чувство апатии. Приятной апатии. Это кажется бредом, но меня столь парализовало, что я чувствовал только хорошее. Мне хотелось только ждать. Ждать, надеясь на то, что это грёбанное время остановилось и мы навсегда застряли здесь вдвоём.

Кинзи стала подрагивать от холода. Я укутал ее своей рубашкой, оставшись в одной футболке.

— Ты не замёрзнешь?

— Возможно.

— Я не хочу снова видеть тебя на больничной койке.

— Неужели тебе так не нравилось лечить меня?

— Ну. Нет. Или да. Тайлер! Это вопрос с подвохом, я не буду отвечать!

— Да ладно тебе, просто спросил.

— А у тебя есть мечта?

— Наверное. Я не задумывался даже над этим.

— Почему? Я вот исполнила свою, видишь.

— Не знаю. Видимо, я и сам не знаю, что хочу. Такое бывает.

— Это как же так?

— Без понятия, правда. Это слишком сложный вопрос для меня.

Кинзи запрятала свои холодные руки мне под футболку, притулившись ещё ближе, таким образом укрывая нас моей же рубашкой.

— Ты какой-то странный сегодня.

— Наверное, слишком много произошло за последние два дня. Очень волнительные моменты плюс усталость даёт о себе знать.

— Ты прав. Мы все устали за сегодня. Тайлер?

— Да, принцесса. — Откликнулся я, не отводя глаз от усеянного звёздами неба.

— Расскажи мне что-нибудь.

— Что именно?

— Не знаю, какую-то историю. Или что-то научное. Или что ты интересное на работе узнал. Всё, что угодно.

Знаешь, Док. Иногда я задумывался над тем, что во мне нашла Кинзи. Просто не записывал это. Да-да, я знаю, что это сопливо и неинтересно. Но всё же. Мне кажется, в этот момент я понял, что же нас связывает. Нам нравится слушать друг друга. Мне чертовски нравится, как слегка вперед выпирают её губы при разговоре. Как она улыбается и вечно пытается спрятать свои глаза. Когда она увлечена рассказом, она вечно не находит себе места, всегда крутится, изворачивается, вьётся вокруг меня и застывает в неудобных позах. Я на всё начинаю обращать внимание. На каждое её движение и следить за смыслом каждого произнесённого слова. Это становится самым важным в данный момент.

Я же редко говорил. Я не умел красиво преподнести какую-то историю, добавить чего-то интересного в столь и без того мутные рассказы. Но ей нравилось, на удивление мне. Возможно, именно это и нравилось.

— Хм, есть одна история, но она не самая весёлая.

— Всё равно, расскажи.

— Я услышал её от мистера Беннингтона, он преподавал нам психотерапию. Не так давно, жила себе пара.

— Счастливая?

— Вполне. Не перебивай. Они жили вместе какое-то время, проводили каждую секунду и всё действительно было хорошо. Работали себе во благо, имели двухэтажный домик за городом. Случилось так, что в один из дней они попали в аварию. Оба оказались в больнице с тяжёлыми травмами. Девушку спасти не удалось, она скончалась почти сразу от полученных переломов и травм. Парню удалось выжить. Он прошёл через тяжёлую реабилитацию, ему не говорили ничего о его девушке до полного выздоровления.

— Что было дальше?

— Он быстро окреп. И в момент выписки, родные сообщили ему новость, что его возлюбленная умерла. Все ожидали того, что он придёт в бешенство, будет плакать и всё тому подобное. Но он не проявил ни капли чувств. Лишь хмуро повесил голову, пожал плечами и попросил отвести его домой.

— Вот ведь скотина.

— Да ты дослушай. Все переживали за него, спрашивали: «Все точно в порядке?». На что он всегда отвечал: «да, вполне». Так как после тяжелых травм он всё ещё посещал доктора какое-то время, для отчётности, за ним стали наблюдать что-то неладное. Он сильно потерял в весе, казался уставшим и вовсе не реагировал на происходящее. В итоге оказалось, что парень сошёл с ума настолько, что просто не поверил в смерть девушки и остался в своей собственной реальности. Он всё также уходил на работу и приходил вечером к ужину, который готовила ему невеста. Но никакого ужина не было. В свои выходные или свободное время он отвозил ей цветы на рабочее место в рекламной компании. Но её место навсегда будет пустым там. Сотрудники той самой фирмы поговаривают, что он вёл себя странно. Вечно говорил что-то под нос, улыбался и уходил. Опять же из рассказа известно, что её место было усеяно цветами, которые коллеги ставили в вазы, до конца ухаживая за ними.

Парень всегда спал только с одной стороны кровати. Готовил погибшей завтраки утром, которые так и остались нетронуты. И даже сделал ей предложение. После чего – погиб. Его нашли мёртвым, с обручальным кольцом в руке. Он не ел всё это время, редко пил воду и жил только тем, что посвящал себя ей. А как можно посвятить себя тому, кого нет? Вот он и ушёл за ней.

Кинзи сжала одну из рук в кулак. Я почувствовал это своей спиной.

— Это... Очень грустная история.

На её глазах появились скупые капли слёз, которые она вытирала о мою футболку.

Через какое-то время нам необходимо уже было возвращаться в отель. Мы шли молча, но крепко взявшись за руки. Мои руки продрогли от холода, тело было усеяно мурашками и тряслась челюсть. Кинзи засыпала на ходу. Поэтому, мне приходилось время от времени подхватывать её. В конце концов, мне пришлось закинуть ее себе на спину и нести до пункта назначения – кровати.

— Совсем необязательно, я дойду. — Протирая свои сонные глаза, произнесла Кинзи.

— Дай своим глазам отдохнуть.

И она тут же уснула.

Дома мы были уже под утро. Можно сказать, что я встретил рассвет даже. Я вошёл в комнату и уложил Кинзи в кровать. Снял с неё обувь и укрыл тёплым пледом. Жажда сна просто убивала меня. Но я продолжал смотреть на её глаза даже тогда, когда она спит. Она была такой милой в этот момент. Я лёг на соседнюю кровать, глядя в её сторону, произнёс: «Хороших снов». Это последнее, что я помню.

Следующее утро оказалось на удивление лёгким. По крайней мере, для меня. Я проспал всего шесть часов, но чувствовал себя потрясающе. Все остальные члены нашей поездки ещё досматривали свои сны. Я успел насладиться видом спящей Кинзи. Поправил плед и отправился в ванную. Принял душ, привёл себя в порядок и вышел на улицу. Должен сказать, что здесь довольно тихо. Возможно, этот район был настолько тихим, но я даже слышал, как через квартал отсюда срабатывали колокольчики на дверях магазина.

Я всегда удивлялся, что со мной не так. Даже сейчас, я просто просиживаю уже сорок минут на лавке с дневником на руках, наслаждаясь, казалось бы, ничем. И это приносит мне удовольствие. Сначала я как-то скептически относился к твоему заданию, Док. Ну, ведение дневника и всё в таком духе. Но сейчас я понимаю, что сам влился в данное занятие.

Утро стало для меня несколько волнительным. Не думаю, что все парни настолько переживают из-за таких моментов. Ведь большинству нравится отрываться, тратить деньги на девушек, выпивку, и так далее. Я же в свои года веду себя довольно спокойно. И странно то, что это мне нравится. Я и сам удивляюсь этому. Сложно объяснить. А ещё сложнее найти того, кто разделяет такие твои интересы.

Перейду к сути. Утро было на удивление тёплым. Я слушал музыку и вёл этот самый дневник, заполняя очередные пустые страницы произошедшим. Обычно, я не обращаю внимание на то, что происходит вокруг меня, когда я поглощён музыкой. В этот раз всё было бы неизменно, если бы не силуэт мужчины, который уместился рядом. Я повернул голову, чтобы посмотреть, кто решил составить мне компанию. Это был Том, отец Кинзи, если ты запомнил. Я сразу же захлопнул дневник и сбросил наушники, из которых доносилось:

«I found God clutching a razor blade. He said «Look at the fucking mess they've made They'd trade their hearts if they were made of gold. But they're as worthless as the souls they sold»

— Довольно громкие слова, не кажется? — Обратился он ко мне.

Я же поставил плеер на паузу и убрал телефон в карман.

— Не думаю. Отображение сущности современности. Песня, как нельзя лучше показывает это.

— Мне нравится, что у тебя есть своё мнение, на которое ничто не влияет.

Не знаю, что тогда он имел ввиду, но мне понравилось то, с каким тоном он произнёс это.

— Ты хороший парень. Моя дочь не выбрала бы себе какого-то случайного фрика. Ей бы не приглянулся самый обыкновенный парень, который дальше клуба и выпивки ничего не видит.

— Я даже не знаю, принимать мне это, как комплимент, или остерегаться этих слов.

— Не беспокойся, это должно даже льстить тебе. Я слышал, что ты работаешь в клинике. Кинзи все уши прожужжала о тебе, но не всегда рассказывает, чем ты

занимаешься, чем увлекаешься, как живёшь и так далее. Да и услышать из первоисточника информацию куда надёжнее. Так вот, расскажешь немного о себе?

Том достал две бутылки короны, одну из которых протянул мне.

— Я не особо люблю алкоголь. — Пытаюсь показать, что я холоден к выпивке, ответил я Тому.

Но тот продолжил в свою очередь:

— Я тоже не пью, но сейчас мы в отпуске, в другом городе, с другой бытностью и другими людьми. Поэтому, позволь себе расслабиться немного.

Он улыбнулся мне и протянул бутылку снова. В этот раз я согласился и кивнул, устно поблагодарив его.

— Расскажи о себе, Тайлер.

— Ну, то, что я работаю в клинике, вы уже знаете. Вероятно, как и то, как мы познакомились с Кинзи.

— Это верно. Но мне интересно, чем ты живёшь, чем увлекаешься. Всё в таком духе, понимаешь?

— Я много работаю, на самом деле. Не потому, что так нужно, а потому, что сфера, в которой я работаю, требует много знаний и много информации. Ведь каждый человек уникален. Поэтому, когда я не нахожусь с пациентом, я пытаюсь найти как можно больше информации о той или иной болезни, которая хоть поверхностно походит на случай, что достался мне. Но, порой и этого не хватает, ведь каждый человек – слишком индивидуален.

— Ты работаешь с людьми? Психология?

— Не совсем. Я занимаюсь психологической реабилитацией пациентов.

— Звучит, как одно и то же.

— Возможно. Но здесь присутствует доля психиатрии. Я пытаюсь проникнуться человеком, расписать все возможные варианты его действий, либо поведения. Я улавливаю каждый миллиметр его рассудка, чтобы попытаться «перепрограммировать» его сознание на то, что было до этого. Или, на крайний случай, сделать так, чтобы ему было спокойнее. Во всех смыслах этого предложения.

— Поговаривают, что люди, занимающиеся таким, могут и сами слететь с катушек. Это так?

— Возможно. Но на свой счёт я это не воспринимаю. Мне необходимы мозговые нагрузки, дабы развить свою голову чем-то интересным. Да и работаю я, скорее, потому, что мне интересно это, а не потому, что хочу помочь людям. Но, бывает всякое.

— Довольно интересно. Кинзи частенько рассказывала нам, за семейным ужином, о твоих достижениях.

— Всего один пациент, разве это можно назвать достижением?

— Зато первый и уже удачный опыт. Это многое значит.

— Возможно.

— Cheers

— Cheers.

— Слушай, ты можешь обращаться ко мне на «ты». Я ещё не на столько стар, чтобы ко мне было столько уважения.

— Я пытаюсь ко всем незнакомым людям относиться с максимальной вежливостью. Кто знает, что скрывается в его шкафу. Вдруг он какой-то серийный убийца.

— Я правда похож на убийцу? — С ухмылкой произнёс он.

— Все убийцы непохожи на убийц. Тавтология, но это так.

— Ты забавный парень.

— Спасибо. Приятно это слышать.

— Что-то ещё расскажешь?

— Не считаю себя интересной личностью для всех. Мне, как и всем, нравится смотреть фильмы, слушать музыку, наблюдать за красивыми пейзажами. Всё, что свойственно человеку, свойственно и мне. Я тоже ошибаюсь, тоже могу оступиться.

— Дейзи рассказывала мне вчера о вашем разговоре с ней в кафе. Честно говоря, я даже удивлён, что она так смогла поговорить с тобой.

— Мне самому было не по себе от её вопросов. Казалось бы, что ответ настолько очевиден, но я не мог собрать мысли в кучу.

— Это Дейзи. Она может любого ввести в тупик самыми простыми вопросами. Просто их наплывом.

— Тебе очень повезло с женой, Том.

— Ещё мне повезло с дочерью. И если всё, что рассказала мне вчера Дейзи – правда, то и тебе повезло с девушкой.

— Можешь быть уверенным.

В этот самый момент я сам себе дал окончательный ответ на все вопросы, которые задавал себе же.

— Как ты смотришь на то, чтобы приготовить завтрак нашим девушкам? Пока они ещё отдыхают, мы можем что-то придумать на кухне.

— Без проблем.

Мы отправились на кухню. Перед тем, как начать что-то готовить, я заглянул в нашу с Кинзи комнату. Она ещё сладко спала, крепко прижимая к себе плед. Это зрелище нравилось мне как нельзя больше.

Как только я вошёл на кухню, то сразу принялся готовить банановые блинчики для Кинзи. Том делал вафли, с каким-то джемом.

— Знаешь, Тайлер. Ты можешь спокойно обращаться к нам, если тебе нужна будет какая-то помощь. Мы теперь почти семья и должны помогать друг другу.

— Огромное спасибо, это многое значит для меня. То же самое я могу и тебе сказать, Том. Я не особо влиятельный человек, но в кое-каких вопросах смогу помочь.

— Идёт. — С улыбкой произнёс он.

Мы приготовили завтрак. Накрыли на стол и стали ждать девушек. Несмотря на то, что мы нашли общий язык, мы сидели молча, иногда перекинувшись парочкой фраз. Связано это, наверное, с тем, что я не особо люблю разговаривать. Особенно по телефону. Терпеть не могу.

Через какое-то время к нам вошли Кинзи и Дейзи.

Как только дамы вошли к нам, я встал из-за стола, чтобы поприветствовать их.

— Доброе утро.

— Доброе, Тайлер. — Первой пожелала мне Дейзи. — Настолько вкусные запахи, наверное, слышно на всю гостиницу.

Кинзи подошла ко мне и уткнулась лицом в плечо, приобняв меня за грудь. Видимо, ей не хватило времени на сон. По крайней мере, выглядела она так, будто не только что проснулась, а уже пару дней не спит. Знаю, что не совсем красиво так говорить о девушке, но я слишком прямолинейный.

— Совсем не выспалась, да?

— Угум.

Кажется, ещё несколько минут, и она уснет стоя, обнимая меня.

Мы все сели за стол и приступили к завтраку. Девушки поблагодарили нас за столь вкусное угощение. И сегодня впервые Кинзи поцеловала меня при родителях. Представь себе гробовую тишину. Представил? А теперь вообрази, будто все смотрят на тебя в этой тишине. Я думал, сквозь землю провалюсь, под таким надзором родителей Кинзи. Меня ввела в ступор эта ситуация, я даже не смог толком доесть своё яблоко. Это всё непривычно для меня, поэтому и чувствую себя столь странно. Рассуждать трезво умею, а вот импровизировать в незнакомых экстренных ситуациях – не очень.

Сегодня мы отправились на фестиваль воздушных шаров. Он здесь происходит каждый год, как раз в это время. И если уж мы решились поехать именно сюда, то будет большой потерей не посетить такого рода мероприятие.

Это, действительно, удивительное зрелище, когда окружающее тебя небо становится полностью усеянным тысячами воздушных шаров. На самом деле я и не знал их точное количество, но такая массовость скопления могла позволить обронить из уст даже цифру в несколько миллионов.

К моему счастью, погода была просто восхитительной. Ветра не было, солнце легким теплом обдавало земной шар, много людей проводили здесь свой досуг, отдыхая, расслабляясь и просто наслаждаясь моментом. Мы, наверное, были не исключением. Но кое-что с самого утра не давало мне покоя. Меня словно сжимало внутри что-то тяжёлое.

Словно, сковывая душу тяжёлыми цепями, не давало сил на то, чтобы расслабиться, чтобы насладиться моментом, чтобы на всю ощутить прекрасность этого дня.

Я везде ходил с Кинзи за руку и только то и делал, что следовал за её семьёй. В то время, как все с восхищением удивлялись каждому стенду с макетами шаров, с подарками и прочими интересными штуками, я же просто пялился под ноги себе, идя туда, куда ведут.

— Что с тобой? Весь день сам не свой.

Я толком не знал, что ответить. До определенного момента.

Сам понимаю, что все были не в восторге от моего настроения. Весь день я просто молчал, изредка опрокидывая в ответ какие-то фразы, дабы хоть как-то удовлетворить в диалоге собеседника. Я даже сам не думал, что я говорю.

Нам удалось прокатиться на шаре. Прокатиться? Даже не знаю, правильно ли я подобрал слово для этого занятия. С одной стороны – Кинзи с Томом и Дейзи. С другой – я. Между нами – инструктор. Я с диким интересом наблюдал за тем, как мы отдаляемся от земли. Какими мелкими становятся люди, здания, проблемы. Незаметно Том позвал меня, беззвучно спросив, чтобы никто не увидел. По губам я понял, что он произнёс:

— Everything fine?

Я лишь кивнул и хило улыбнулся. Он же посмотрел на меня ещё секунду и вернулся в компанию семьи. После приземления всё стало на свои места. Все восхищенно делились впечатлениями, я – задумчиво считал каждый свой шаг.

Под вечер мы с Кинзи отправились в Starbucks, чтобы довести до логического завершения наш вечер. Кофейня была переполнена в этот день. Ведь сегодня был выходной, да ещё и после фестиваля все норовят опрокинуть в себя несколько стаканов кофе. Поэтому, мы дождались своего заказа и отправились на улицу, чтобы найти место поспокойнее. Отправились в конец незнакомой нам улицы, зайдя за последний дом квартала. Здесь, как обычно, было спокойно и тихо. Да, грубо говоря, этот город был пустыней. Но как же здесь чертовски красива эта пустота в вечернее время. Мы уселись на самый край невысокого обрыва, наслаждаясь автомобильными огнями, которые сверкали вдоль дороги, что была в нескольких метрах от нас. Какое-то время мы просто сидели молча, выпивая кофе глоток за глотком. Потом Кинзи всё-таки произнесла.

— Что случилось?

— М?

Я сделал вид, что не услышал, что она сказала. Хотя слышал всё предельно точно. Не знаю, зачем я так сделал.

— Ты сегодня ведешь себя очень странно. Весь день я ждала, чтобы поговорить с тобой. Сначала думала, что ты смущаешься из-за ситуации утром. Но и со мной наедине ты тоже так себя ведешь. В чём проблема?

— Просто кое-что не даёт мне покоя.

— Ты всегда можешь поделиться со мной своим сокровенным. Если это не секрет, конечно.

Она была максимально серьёзна. Она была воплощением самого дорого психолога, которого ты можешь найти в своей стране. На мгновение я даже стал забывать, что это моя девушка. Та самая милая, добрая, веселая и неутомная девушка с гетерохромией.

Мы сидели рядом, но даже не смотрели друг на друга. Наш взгляд был направлен строго вперед, псевдоувлечены распитием кофе и наслаждением пейзажа.

— Это не секрет, конечно.

— Тогда, я всегда готова выслушать тебя. И даже помочь, если смогу.

— А если не сможешь?

— Тогда держать всё в себе – это выход?

— Не думаю. Но...

— Тебе стоит сказать, что тебя тревожит. Нам не так долго осталось находиться здесь, давай хотя бы день отъезда сделаем замечательнее этого дня. Я так не хочу ещё день ходить с тобой за руку и водить по местам, при этом молчать. Ладно?

— Я всё думаю о том, что случилось с моим прошлым.

— Это ты сейчас в каком плане?

— Попав в больницу, я словно обрёл новую жизнь. А что со старой? Почему меня не пытались найти друзья? Родственники. Да, их не так много, но неужели я не занимал в их жизни ни капли смысла? У меня не укладывается в голове, что я остался один, что моих родителей больше нет.

Наступила пауза. Я первым обернулся к Кинзи:

— Понимаешь? Нет ничего, всё заново. Внутри давит осознание того, что я был не нужен.

Кинзи забеспокоилась. Это было заметно по её взгляду.

— Ну. А ты не пытался выйти на связь с друзьями?

— Их телефоны всегда отключены. Адреса другие стали. У меня лишь вышло пообщаться с некоторыми родителями. Они говорят, что живут теперь в другой стране. Отсюда осталось забрать вещи и навсегда распрощаться с этим прошлым.

— Довольно странно это всё.

— Как оказалось, здесь нет ничего странного. Меня не было и до того, как я попал на больничную койку.

— Как это?

— Всё просто. Если человек особо и не нужен – ты его отсеиваешь. Если он пропадает из виду – тебе только проще. Ведь так?

— Ты преувеличиваешь.

— Не думаю так. Почему же тогда обо мне до сих пор никто ничего не спрашивал? Я ведь не покидал страну, не менял имени и всё в таком духе. Что же я сделал, дабы заслужить такое?

Наступила пауза. Ещё с большим отрезком времени. Я знал, что Кинзи сложно сейчас подобрать какие-то слова. Но я так ждал их. Мне, действительно, необходимо было сказать то, что я сказал ей. Ведь это очень сильно тревожило мою душу. Причём всегда, и только сейчас с новой силой сжало внутренние органы всё теми же тяжёлыми цепями.

— Почему ты так беспокоишься о прошлом? – Кинзи прервала этой фразой мои раздумья.

— Это ведь моя жизнь. Я беспокоюсь о своей жизни.

— Ты живёшь прошлым. Тебя беспокоит не жизнь, а прошлое. Больше всего тебя задевают какие-то резкие выводы того времени, что-то совершенно ужасное. Возможно, всё так и было. Каждый переживает что-то в меру ужасное в своей жизни. Я полностью уверена, что в твоём прошлом были моменты, которые вывели бы тебя из колеи. Но, – Кинзи взяла мою руку, – но ты здесь. Здесь и сейчас мы с тобой пьём кофе на каком-то обрыве в новом для нас городе. Сегодня мы испытали совершенно новые чувства, полетав на этом воздушном шаре, насмотревшись на красоты этого города, насладившись чем-то необычным. Мы с тобой нашли друг друга, пускай и так нелепо, по-дурацки. Неужели сейчас твоё настоящее не сможет перекрыть все потери прошлого? Почему ты так боишься отпустить то, что у тебя было?

Я не смог дать ответ на эти вопросы. По-моему, их и не ожидала Кинзи. После ещё одной небольшой паузы она продолжила:

— У тебя есть работа, которая тебе нравится. Док больше является тебе хорошим знакомым, приятелем, нежели начальником. И теперь, можешь быть уверен, у тебя есть семья. Я понимаю, что это совсем не то, мне очень жаль потерю твоих родителей. Но теперь мы – одно целое. Надеюсь, что надолго. И пока мы целое – я не позволю, чтобы воспоминания прошлого доминировали над прекрасным настоящим. Ведь в твоём настоящем есть я. Пока в нём буду я – тебе не за чем жить тем, что было. Ты не тот человек, что заслуживает такого. Я знаю.

Кинзи поставила кофе сбоку от себя и легла мне на плечо. Кажется, что я успокоился тогда. Её руки обнимали мой торс, нос упирался в шею. Она смотрела на меня несколько секунд, после чего добавила:

— А сейчас о чём ты думаешь?

— О том, как вкусно пахнет моё настоящее.

— Чем же?

— Ванильным кофе.

Мы вернулись домой спустя два часа. Уже заметно потемнело. Кинзи казалась уставшей ещё с самого утра. Её сил хватило лишь на прогулку со мной и на фестиваль. Мы вошли в номер, скинули вещи и просто легли на одну кровать. Весь мой день был переполнен молчанием. Немые беседы, тактильные диалоги – это всё, что сегодня мне

сопутствовало. Возможно, никто просто не хотел тревожить меня, дав время на раздумье. Возможно, обиделись из-за моего пассивного поведения. Кинзи дала понять, что необходимо отпустить прошлое, имея будущее впереди. Скорее всего, она права. Гений в юбке. Знаешь, в самостоятельной и одинокой жизни очень важно иметь кого-то близкого. Того, кто каждый раз будет с тобой, несмотря на твои проделки и твоё поведение. Кто будет твоей опорой в моменты слабости и помощью в любое время. Чтобы он не давал тебе времени на глупые мысли. Сойти с ума можно от того, что в твоей жизни ничего не происходит. Когда ты приходишь с работы и полностью окунаешься в пустоту – можешь спокойно отсчитывать время, когда слетишь с катушек. У меня же сейчас на груди засыпает мой человек. Часть меня. Наверное, уже уснул. Скорее всего, она думает, что является мне просто девушкой, к которой я испытываю симпатию. Вряд ли это можно так озвучить. Она заменяет мне буквально всё, что было у меня раньше, становясь при этом целым миром. Целой галактикой с двумя планетами разного цвета.

Как только Кинзи уснула, я тихонько переложил ее на кровать, укрыл пледом, закрыл окно, чтобы её не продул ветер, а сам отправился на улицу. Было довольно поздно, но ещё светили фонари вдоль дороги. На улице никого не было, я прошёл несколько метров от гостиницы и сел на тротуар. Наступил тот самый момент, когда особо ни о чём не думаешь и необходимо побыть наедине с самим собой. Просто поджав колени ближе к телу, я положил голову на руки и смотрел в темноту. Каша в голове, сама голова ещё и болит в придачу, кучу всего хочется сказать, а ещё о большем – промолчать.

— Тяжёлый день?

Я приподнял голову в сторону, откуда доносился голос. Это был Том, с двумя бутылками вишнёвого крика. Одну он протянул мне, на что я тут же взял её.

— Не то, чтобы тяжёлый. Просто мысли донимают.

Том сел рядом, мы почти одновременно открыли бутылку с напитком.

— Ты сегодня был взволнован чем-то?

— Да так, ничего сверх особенного.

— Мы все заметили это, решили не беспокоить тебя. Если уже прижмёт – сам бы всё рассказал. Ведь так?

— Да, всё правильно. Спасибо.

— Ты бы поговорил с Кинзи, она очень переживала за тебя, на самом деле.

— Мы уже поговорили и всё в норме. Мне жаль, что своей кислой рожей я испортил вам день.

— Не беспокойся, всё хорошо. Если что, всегда можешь рассчитывать на мою помощь.

— Да, я помню, спасибо огромное. Но здесь только я в силах себе помочь.

— Просто напоминаю, дружище.

Том работал архитектором. Чертовски талантливым архитектором. До глубокой ночи он показывал мне свои проекты, готовые макеты зданий, парков, площадок, торговых

центров. Я даже и представить себе не мог, что это настолько интересно. Замечаю, что когда узнаёшь о каких-то, с первого взгляда, скучных профессиях со стороны увлечённого человека, то тут же сам начинаешь понимать, насколько тонкости профессии могут удивлять своим интересом и разнообразием.

Он посмотрел на часы:

— Ух, утомил я тебя, наверное. Да?

— Ни капли. Даже приятно слушать настолько увлеченные рассказы о своей работе.

— Такой уж я. Пока нравится, нужно отдавать всего себя. Даже бывают простои в работе неделями, но необходимо собраться и делать мозговой штурм. Остановиться, значит сдать.

Я только улыбнулся в ответ. После чего Том посмотрел на уже бесконечно-чёрное небо, глубоко вдохнул и стал подниматься на ноги.

— Идём в номер?

— Я ещё посижу немного здесь.

— Сам?

— Да, хочу остаться ненадолго, посмотреть на ночное небо.

— Романтик. — С ухмылкой произнёс он. — Ладно, я пойду отдыхать, поздно уже. Завтра отъезд, не забудь.

— Я помню, доброй ночи.

— Не засиживайся там особо.

Том ушёл, я остался сидеть на тротуаре. Я хотел дождаться рассвета. Люди поговаривают, что в каждом городе свой рассвет. Если ты человек, который любит путешествовать, то ты обязательно должен хоть раз встретить рассвет в каждом новом городе, в котором ты будешь. Даже среди безумно тёмных, ужасно мрачных и чертовски непроглядных ночах есть минимальные различия. Одинаково прекрасны, одинаково обворожительны. До рассвета оставалось два часа. Я покорно ждал. Вокруг не было ни единой души. Сейчас это место казалось мне идеальным. Настолько, что имея свою историю, свои секреты, культуру, оно внезапно замолкало, преподнося тебе лишь свой уют и красоту.

Это утро для меня было не началом следующего дня, а, казалось, что началом какой-то новой жизни. Спал я всего около четырёх часов, но не чувствовал себя уставшим. Я лежал, глядя в потолок, словно пытался найти среди плотно уложенных досок какой-то смысл. Сегодня был день отъезда, а уже завтра – возвращение в обычный ритм жизни: рабочая смена, разбор проблемы больного, сон. Это все, что мне предстояло делать до следующего отъезда куда-либо, или же до завершения работы с определенным клиентом. Звучит не вдохновляюще, да?

Особо никаких планов на этот день у нас не было. Не считая нужды в прохождении по интересным магазинам и оставшимся достопримечательностям. Как итог: набитые

сумки с одеждой, сувенирами, экзотической кухней. Насколько я ненавижу шопинг, но сам втянулся. Тем более, ходить за покупками с Кинзи, это нечто иное, чем с типичной девушкой. Это было, по крайней мере, весело. Когда же мы все сели в авто для возвращения домой, перед самой посадкой мне позвонил Док.

— Тайлер, привет. Как отдых?

— Здравствуй, Док. Сейчас собираюсь обратно. Хорошо отдохнул.

— Это замечательно, как Альбукерке?

— Очень все понравилось. Есть на что посмотреть, но только в определенные отрезки дня.

— Ну, в любом случае, ты мне все расскажешь еще. Я вот по какому поводу звоню, у тебя будет новый пациент по приезду. Все документы, информацию и подробности я тебе скинул на почту, а печатная документация будет лежать у тебя на столе.

— Хорошо, я со всем ознакомлюсь в дороге и более детально – по приезду.

— Скучал по работе?

— Скорее, по самому процессу. Нужно навёрстывать упущенное.

— Это похвально. Передай Кинзи, что её тоже ждут в госпитале.

— Для чего?

— На её имя подготовлены документы. Повышение.

— Seriously?

— Да. Ей поэтому и дали выходные, чтобы она смогла приступить к новой должности с новыми силами. Но ты помнишь, ни слова.

— Да, конечно. Спасибо за хорошие новости.

— Без проблем. Кстати, зайдёшь потом ко мне, тебе нужно отметить о своем лечении, ты ведь ещё на учёте.

— Не вопрос. До завтра.

Отличные новости. Пускай не для меня, но всё же. Хочу увидеть реакцию Кинзи на то, что её повысили. Звучит, правда, как в армейском жаргоне, но я не могу представить это как-то иначе.

— Кто звонил? Чего грустишь? Будешь лакрицу?

Самым спонтанным в мире ураганом на меня взобралась Кинзи, оцепив голову руками и полностью упав на меня, чтобы я её держал.

— Я не грущу.

— Смотри, Тайлер, я без костей!

Кинзи полностью расслабила тело, чтобы создать эффект желейного человечка, размахивая палочками лакричных конфет. На самом деле, она ненавидела лакрицу, даже её

запах. Но она знала, что их люблю я. Поэтому себе она взяла малиновое мороженное, а мне лакричные палочки. Я же пытался поддерживать её, чтобы она и сама не упала, и не уронила своё мороженное. С ее уст доносился искренний смех, она притворялась «мёртвой» и пыталась выпутаться из моих рук. Скучно было бы жить без человека, у которого нет способности к сотворению весёлых и одновременно бессмысленных действий.

— Ну так кто звонил?

— Это Док. У меня новый пациент будет. Подробностей пока не знаю, но вскоре все будет известно.

— Ух, как захватывающе.

— Да просто работа, что такого.

— Зануда. Нужно относиться к вещам с большим темпераментом. И не заметишь, как они сами станут более интересны.

А ведь в её словах было что-то эдакое.

— Не зануда я.

— Конечно нет! Жуй. — Кинзи буквально запихнула мне конфету, сама закрыла мне рот и сжала щёки. После чего – поцеловала. — Теперь пора ехать.

Собственно, отъезд казался не столь приятным, как приезд сюда. Возможно, если бы мы задержались здесь надолго, то было бы немного легче. Когда приезжаешь в новый, хороший, уютный город на короткий срок времени, ты приживаешься в нём. Твоя душа просит дозу нового в отличных от привычного местах. Так устроен человек. В этот раз я наблюдаю картину с точностью до наоборот. Горящий закат, машина, человек, без которого я уже не представляю свою жизнь. От неё пахнет малиновым мороженым. Возвращение в город, к которому я так привык и который считаю домом. Немного словно, зато как точно всё описано. Я провожаю каждую милую своим взглядом:

«This is the first part of novel about my heart. Another sad story about What I've done and what I've got»

Мой отдых подошел к концу. Меня подвезли к госпиталю, чтобы я сразу отправился в комнату. Провести Кинзи у меня не вышло, само собой. Я лишь взглядом провожал фары отдаляющегося автомобиля. Возвращение в город, такой привычный и родной. Возвращение в место работы, в обыденность. Все снова становится на свои места.

Я поднимался ко входу в родной госпиталь, довольно странная формулировка, конечно, но пусть будет пока что так. На крыльце стоял Док и курил.

— Привет, Тайлер. Рад тебя видеть.

— Здравствуй, Док.

— Ну-с, как отдохнул?

— Все было чудно. Хороший город. Есть на что посмотреть, где провести время. Чудесные пейзажи.

— Это хорошо. У тебя будет сейчас время? Расскажу тебе напрямую о пациенте. Довольно интересная история у него, и сам парень довольно странный.

— Запущенный случай?

— Скорее непонятный.

— Уже интересно.

Мы прошли в кабинет. Док тут же прошел за свой стол и достал из сейфа стопку документов. Я сел напротив, скинув рюкзак и закинув ногу на ногу. Пододвинув документы ко мне, Док предложил выпить что-нибудь.

— Черничный сок.

Как только стакан оказался возле меня, я взял в руку папку и открыл ее, чтобы поверхностно ознакомиться с делом. То, что я увидел, заставило меня слегка содрогнуться. На фотографиях был мужчина, которому было, как по мне, лет под тридцать. Его лицо было покрыто ужасными ожогами, вплоть до неузнаваемости. Волос на голове совсем не было, это чертовски ужасное зрелище. Будто его сжигали каждый день, за что-то ужасно содеянное. На лице Дока не было ничего, пустая эмоция. Тут два варианта: либо же он сполна насмотрелся на вид моего следующего пациента, либо же и правда то, что врачей тяжело удивить состоянием больного.

— Это тебе ознакомиться на сегодняшний вечер. Справишься?

— Думаю, да. Можно немного поверхностной информации?

— Полное имя: Крис Вейн Атта. Родился в Милуоки, не судим, даже не притягивался. Двадцать семь лет. Последние 4 года он стоял на учёте в местной психбольнице. Но определенных отклонений не найдено. Мы дистанционно беседовали с докторами Криса, они говорили, что он вполне адекватен, и только некоторые дни вел себя подозрительно. У них не было повода держать его взаперти.

— Что насчет ожогов?

— Судя по медицинской карте и всем записям в ней у него было обожжено 30 процентов всего тела.

Я понимал, что 30% тела, это совершенно не то, что я видел на фотографиях. На них я видел полностью изуродованное лицо, переходящие в шею ожоги добавляли ещё больше ужаса в моем и так «идеальном» представлении.

— Всего 30?

— Ну, сейчас у него всё тело в ожогах. Если бы так можно было сказать, я бы сказал – 100%

— Каким образом это вышло? Абсолютный ожог тела, это ведь не просто так?

— В этом и заключается его история. Каждый раз его ожоги возрастают. Площадь покрывается все новыми и новыми ранами. Даже те, что вскоре заживают, каким-то внезапным образом снова появляются на его теле.

— Интересно. Возможно, у него буллезный эпидермолиз? Тогда это совершенно не мой уровень и уж тем более не моя специализация.

— Теперь самое интересное. Его кожа вполне нормальна к восприятию внешнего мира. Нет никаких раздражителей или же аллергий. Да и сам он вполне здоров.

— Тогда, возможно, он сам сжигает себя? И все делали правильно, закрывая его в психиатрии?

— Не думаю. Его закрывали в камере полностью без одежды, у него ничего не было в руках, либо вокруг. Это мягкие стены и голый человек, Тайлер.

— Я понял, понял. Дальше?

— И на следующий день, он лежал на полу, и тело его имело новые глубокие раны, новые ожоги.

— Окей, что за мистика?

— Отличный вопрос. Я надеюсь, что скоро ты мне на него ответишь.

Док выглядел очень серьезным. Даже слишком. Я кивнул ему в ответ, стал собираться, забрал документы с делом и уже стал уходить. Возле двери обернулся и спросил:

— Док, все хорошо?

Он улыбнулся и ответил:

— Да, Тайлер, все хорошо. Не беспокойся.

Я послушался, пожелал хорошего вечера и отправился в свой номер. Или дом. Я даже не знаю, как назвать свое жильё. По сути, это просто отдельный номер в госпитале. С другой же стороны, это моё единственное место жительства. Вот такая вот дилемма.

Открыв дверь своего «дома», я оказался все в той же комнате. Казалось, что как только я покидаю его, время внутри замирает. Только захожу – завожу заново свои часы существования. Сейчас около девяти часов вечера. Необходимо ещё было продумать план действий на завтрашнюю встречу с пациентом. Перед тем, как сесть за бумажную работу, я поговорил с Кинзи по телефону. Она рассказала мне о том, что её повысили. А я делал вид, будто впервые это слышу. Ну, актёрских данных у меня было немало и у меня вышло откровенно порадоваться за неё. Далее последовал мой рассказ о пациенте. Ты, наверное, помнишь, что рассказывать все в деталях я не мастак. Поэтому Кинзи не совсем понимала, что я пытаюсь до нее донести. Но я был уверен, что у нее будет ещё время узнать все подробнее, после моей беседы с тем самым Крисом.

Скажу так, какой-то определенной информации куча бумажек мне не дала. Это ведь биография просто. Зачем вообще предоставлять к делу какую-то биографию? Завтра будет встреча непосредственно уже с пациентом. Надеюсь, он будет чуть более разговорчив, чем мой первый опыт. Если быть откровенным, то я даже скучал по этой работе. Иногда голова забивается слишком большим количеством неправильных мыслей, лишних рассуждений. Такая работа, с мозговым штурмом и задачами, помогает отвлечься от негативного,

полностью сконцентрироваться на определенной задаче. На сегодня всё. Завтра будет непростой день. Что-то мне подсказывает.

Еще бы двадцать минут, и я бы проспал первую встречу с пациентом. Будильник предательски не прозвенел, тем самым прописав себе смертный приговор. Я же уснул на кровати, среди кучи бумаг и включенным светом. Не помню, как уснул, но сейчас нужно было спешить.

Я летел по коридору к кабинету, в котором мне предстоит встреча. На ходу надевая халат, я подошёл к двери, у которой уже стоял Док. Я слегка запыхался оттого, что пытался успеть прийти вовремя. Ненавижу опаздывать. Я могу приехать за час до запланированного времени, но никогда не прощу себе опоздание. Меня изнутри будет пожирать это чувство.

— Ты чего так дышишь тяжело?

— Да вот, пытаюсь не опаздывать. — Я положил руки на колени и согнулся, чтобы отдышаться.

— Вот странный. Давай, отдышись и заходи. Он там уже. Только не пугайся.

— В каком смысле?

— Фотографии – это одно. А сегодня я его видел. Поверь, это совсем другое.

Начало было так себе. Мне совершенно не нравился настрой Дока. Но я даже представить себе не мог, что сегодня мне предстоит увидеть, услышать и пережить.

Я вошёл в кабинет, в котором сидел тот самый Крис. Он был в черной кофте, с надетым капюшоном, стул наклонен к стене под 45 градусов. Он либо нервничал, либо просто привык так сидеть. На руках были белые перчатки.

Парень не обращал на меня никакого внимания, даже в тот момент, когда я вошёл. Поэтому, пару секунд в кабинете царила просто тишина и недопонимание. Не понимаю, он ведь точно знает, что я вошёл, почему же тогда он даже не обернется. Я решил же первым показать своё существование.

— Доброе утро.

К моему удивлению, парень опустил стул, поднялся на ноги и протянул мне руку:

— Здравствуйте, Доктор. Крис Атта.

Я протянул ему руку в ответ и пожал её. Он голову не подымал, поэтому я не мог видеть его лицо. Но на первый взгляд, он показался довольно-таки обычным парнем. Просто с неудавшейся судьбой. Мне предстояло узнать, что же именно привело его к такому виду, что происходит в его жизни и все в этом роде.

— Тайлер Квинн. Очень приятно. Присаживайтесь.

Мы оба сели. Я показательно разложил документы на стол, достал блокнот формата А4, слегка откинулся на спинку стула и продумывал, что говорить ему.

— Возможно, хотите что-то выпить?

— Нет, спасибо. Утром был завтрак. У вас в госпитале довольно неплохо кормят.

— Тогда, перейдем сразу к делу?

— Смотря что вы имеете под словом «дело».

— Хочу немного пообщаться с вами. Узнать, чем вы увлекаетесь, что нравится, как живёте. Ну и всё в этом плане.

— Зовут Крис, родился в Милуоки. Последние четыре года свободного времени у меня было не так уж и много для того, дабы рассказать что-то необычное.

— Можете начинать с того самого начала четырехлетнего «тура» по больницам.

— Мне нравится, что вы, доктор, не относитесь к этому серьезно.

Мы оба улыбнулись.

— Можете не называть меня «доктор», достаточно просто имени.

— Идёт. Что именно вам интересно?

— Мне интересно понять вас.

Крис выровнялся, сел ровно, расправил спину и скинул капюшон.

Ты был прав, Док. В жизни совершенно всё не так, как на фотографиях. Это было ужасно. Я знаю, что совсем некрасиво так говорить, тем более, будучи сотрудником госпиталя. Но это было правда страшно. Я много раз слышал и видел всякого рода ожоги на руках, ногах, и даже лице, но не до такой степени. У него не было лица. Попросту не было. Два глаза, цвет губ, полностью слившийся с общим цветом обожженной кожи, растительность на лице полностью отсутствует. Я не нашел ни одного куска живой кожи на его теле. Второй приём, и второй раз мне снова тяжело дышать. Я не думал, что всё будет настолько запущенно. Говорят, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать? Это не тот пример. Совершенно не тот.

— Вам ведь это интересно? Всем это интересно.

Мне необходимо было брать себя в руки максимально быстро. Я отвёл ошарашенный взгляд от его лица и сделал вид, что делаю запись в блокнот. На самом деле, я просто начеркал там пару линий. Махинации.

— Не буду скрывать, это тоже интересно. Но мне ещё нужно понять, чем вы живёте.

— Последнее время я не живу обычной жизнью. Для меня уже нет никаких людских норм.

Как воспринимать эти слова, я не до конца понимал. Поэтому, я продолжал расспрашивать его об обыденных вещах, присущих каждому человеку. Ну, знаешь же этот фокус, когда ты не расслышал человека, либо не хотел отвечать на вопрос – ты просто задаёшь свой.

— Людских норм? Ну, у Вас есть семья?

— Нет, я сирота.

— Может, увлечение?

— Я рисую.

— Ну вот, уже что-то.

— Перевернутые пентаграммы на стенах.

— Оу.

С этим парнем творилось что-то странное.

— То есть, Вы хотите сказать, что у Вас нет жизни?

— В точку.

— Даже мировоззрения?

— Мне абсолютно всё равно, что произойдёт со мной или с миром сегодня, завтра, через год, через 10 лет и так далее.

— Религия?

Крис стал тихо смеяться. Чем дальше заходил наш разговор, тем больше он мне напоминал неуравновешенного. Все эти высказывания, противоречия, припадки странного смеха. Мне чертовски было страшно. Видеть улыбку на сгоревшем лице – это ужасная картина, поверь.

— Какая религия, Тайлер?

— Ну, вера?

Он стал сбрасывать с себя кофту, показывая полностью своё тело, которое было укрыто ужасающими шрамами. Мне становилось страшно. Я сидел без движений, не подавал вида своему волнению. Но в любой момент я был готов просто вылететь из кабинета, сделай он одно резкое движение.

— Я грёбанный демон, Тайлер. Посмотри на моё тело. Я бываю в аду чаще, чем все люди ходят в туалет.

— Мы лишь хотим помочь тебе, Крис.

— Помочь? Вы все хотите помочь, но как только слышите то, что я вам говорю, все сразу думают, что я сумасшедший.

— Я так не думаю.

Черта с два. Я именно так и думал сейчас.

— Эти ожоги оттого, что я каждый день бываю в аду и испытываю такие муки за всё человечество, которые вы даже представить себе не можете. Моё тело изнывает от боли каждую ночь, я каждый грёбанный час слышу непонятные голоса. День изо дня я молил о смерти. Четыре года? Здесь, на земле, это всего четыре года, но там, в аду, это целая вечность. Никто не следит за временем. Там некуда спешить.

Это все звучало, как бред сумасшедшего. Как самый страшный бред сумасшедшего, который мне приходилось слышать. Я не верил ни слову. Наоборот, чем больше он рассказывал о потустороннем мире, тем более я уверялся в том, что он – психопат.

— Понимаешь? Некуда! — Продолжал он. — И как вы, люди, которые считают меня фриком, больным, психом и так далее, можете помочь мне? Как ты смоешь эти шрамы? Только прошедший сквозь ад сможет понять, что мне нужно.

Он приблизился ко мне ближе, упёрся руками в стол и говорил прямо мне в лицо. Я не знал, куда направить свой взгляд. Мне было, действительно, страшно. Мои руки тряслись, я прятал их под стол, чтобы скрыть свои эмоции. Дышать становилось тяжелее. Это была самая ужасная картина, которую я наблюдал в своей жизни. Как я не заорал тогда – я не знаю.

Спустя несколько секунд он успокоился и увалился обратно на стул. Приложил свои ладони к лицу, протёр глаза и продолжил:

— Я даже умереть не могу. Я молил их о смерти. Я просил прикончить меня, стереть моё существование из памяти всех. Я только хочу покоя. Понимаешь? Покоя!

— Я понимаю, Крис. Все хорошо, здесь ты в безопасности.

Он медленно надел кофту и вернулся на место.

— О какой безопасности идёт речь? Сейчас всё повторится. Наш разговор закончится, ты выйдешь из кабинета и расскажешь все врачам. Они снова запрут меня в психушку, обколют с ног до головы препаратами, которые никак не влияют на меня. И всё будет повторяться вновь и вновь. Эта цикличность убивает меня здесь, а вечные муки – терзают в аду. Даже смерть мне не страшна, потому что я видел её. Мне не передать эту боль, которая новыми следами остается на моём теле.

— Я могу пообещать, что не буду ничего говорить такого, что поспособствует твоему попаданию в психиатрическую клинику. Даже если это и случится, то моя причастность к этому будет минимальна.

— А почему я должен вам поверить? Почему я должен доверять кому-то из вас, смертных? Мне всё равно, что будет со мной, запомни. Сделать мне хуже – уже нереально. Я не боюсь ваших больниц, мне класть на ваши препараты, мне все равно, что вы сделаете с моим телом. Единственное, чего я боюсь больше всего, – оказываться там снова и снова.

Наш диалог подошёл к концу. Неофициально, наверное. Я попрощался с ним и покинул кабинет. Это закончилось. Наконец-то я смог спокойно выдохнуть. Как только я пришёл в себя, собрав мысли в кучу, я быстрым шагом отправился к Доку, чтобы доложить результаты. Эмоции преобладали надо мной. Я думал, что как только зайду в кабинет Дока, то тут же сообщу, что Крис – абсолютно неуравновешенный человек. Так бы и сделал, если бы не одно «но». Я пообещал, что не запру его снова в психушку.

— Проходи, Тайлер, присаживайся.

— Док, я только что закончил беседу с Крисом.

— Ну, что расскажешь?

— Ничего интересного, если честно. Мне необходимо ещё пообщаться с ним, дабы лучше узнать его. Пока что он мне кажется вполне обычным парнем, у которого полоса в жизни слишком чёрного цвета.

— Он тебе рассказал, откуда у него ожоги?

— Нет.

Да, я врал, но врал ради того, чтобы просто обезопасить Криса на время нашей с ним беседы. Как минимум, на те пару дней, которые нам ещё предстоит встретиться.

— То есть, тебе не кажется, что он слетел с катушек?

— Однозначного ответа я не могу дать. Мне нужно немного посидеть со своими результатами и собрать мысли в кучу.

— Знаешь, то, что сейчас у нас нет однозначного ответа, это, конечно, хреново.

— Но?

— Но то, что ты серьезно подходишь к этому делу, обдумываешь и не делаешь ничего поспешного – это очень хорошо. Ты можешь идти, но помни, что у нас не особо много времени. Иначе дело передадут дальше. Давай без застоев?

— Я тут же займусь всем.

Весь день я снова провёл за бумажной волокитой. Как мне стоило приступить к работе, если в моем блокноте было только несколько полос от ручки, напоминающие поле для игры в «tic-tac-toe»? Закончив с обязательными бланками для Криса, я принялся за рассуждения, что же происходит. Ничего не лезло в голову. Конечно, кроме того, чтобы отправить его в психушку и закрыть это дело. Наш госпиталь был предпоследним в выставлении решений для этого парня. После нас оставался ещё международный госпиталь, который выносит окончательное решение. Там никто, обычно, не смотрит на пациента более двух часов. Они решают, предварительно осмотрев результаты предыдущих врачей, таких же больниц, как наша. С внешним видом Криса ему светит навсегда застрять не в самых лучших местах. Это уж точно.

Ближе к вечеру ко мне пришла Кинзи. Я приготовил лазанью на ужин, мы вместе поели и смотрели какой-то фильм. Я не придавал ему совершенно никакого внимания. В моей голове до сих пор стояла картина с человеком, у которого тело обожжено на сто процентов. До сих пор в голове его слова, до жути страшный голос. Кинзи спрашивала меня о нём, и я отвечал на все её вопросы. Далее, уже сам не замечая того, я рассказывал ей сам о Крисе, лежав головой на ее ногах.

— Слушай, возможно, он просто псих? Ну, как все и считают.

— Я не знаю, пока что. Мне так не кажется.

— Почему? Он ведь такое вытворял, говорил что-то очень странное. И вообще, все эти демоны, истории про ад, муки, тебе не кажется, что он просто свихнувшийся религиозный фанатик?

— Мне не удалось сполна понять его. Мне было страшно, поэтому я слышал только странные вещи из его уст, не более того. Возможно, ему просто нужно было дать правильное сформулировать речь.

— Ты сомневаешься в чем-то?

— Мне кажется, что он что-то скрывает от всех. Очень сильно скрывает. И не хочет, чтобы кто-то знал о нём больше, чем он показывает.

— Зачем тогда он терпит всё происходящее?

— Он говорит, что ему всё равно на это. Он не даёт никакой отчётности тому, что происходит.

— Он слишком странный.

— Когда мне предлагали здесь работу, я думал, что это будет безобидная стажировка, после которой я смогу найти себе что-то более понятное.

— Типа окулиста? — Кинзи улыбнулась и положила руки мне на голову, поглаживая по ней.

— Что-то в этом стиле.

— Так сильно жалеешь о получении этой должности?

— Не знаю, пока всё очень сложно для моей головы. И это заставляет её болеть иногда.

— Сейчас ты хоть хорошо себя чувствуешь?

— Да, сейчас всё чудесно. Я образно это.

— Что думаешь дальше делать с Крисом?

— Пока всё будет стандартно. Я же говорил, что сегодня не выдам его Доку. Посмотрим, как завтра он отреагирует на то, что ошибался во мне. И отреагирует ли вообще. А там, будь, что будет. Правда от этого зависит моя зарплата. Посмотрим, в общем. Ты лучше скажи, как дела у тебя на новой должности?

— Всё хорошо. Отличная зарплата. Очень хорошие сотрудники. Правда я буду скучать по старому составу.

— Вы не видите, что ли?

— Видимся, конечно, но не так часто. А с каждым днём все меньше и меньше. Работа сейчас намного интереснее, чем просто уход за больными. Так что, всё чудесно, я довольна.

— Это и есть прекрасно.

— Тайлер, ты не против, если я останусь у тебя сегодня? Уже поздно, не хочу домой возвращаться. Родители уехали к родственникам, а я не захотела. Не хочется оставаться одной.

— Конечно, моя хорошая, оставайся.

Сейчас ночь. Я дописываю в этот дневник строки. Рядом лежит родной человек, которого я люблю. Впереди у меня множество проблем, сложностей. И что будет дальше, будем ли мы способны выдержать испытания вместе, либо же по отдельности, никто из нас не знает. Я знаю только одно, если из-за меня Кинзи будет грозить опасность, я тут же ограничу её от неё. Чего бы мне это не стоило.

Именно из-за таких мыслей люди не могут уснуть по ночам.

Я.

Я не знаю, что произошло.

Здесь пусто, невыносимо страшно.

Я не понимаю, что происходит сейчас. Сейчас я очнулся в каком-то городе, в котором преобладает только вечно горящий закат. Здесь ужасно жарко. Я очень сильно ушиб ногу, я даже встать не могу. Я с трудом дополз до какого-то огромного камня, чтобы спрятаться от всего и сейчас записываю это в книгу.

Мои руки трясутся, поэтому мне приходится выводить каждую букву, чтобы хоть как-то сделать слова читаемыми. Наверное, мне стоит начать излагать всё по порядку? Я начну сначала.

Утром я провёл Кинзи, она поблагодарила меня за ужин и завтрак, который я приготовил ей на следующий день. Потом я сразу отправился в госпиталь, у меня была встреча с Крисом. Как только я вошёл к нему в кабинет, он тут же поднялся, чтобы поздороваться и снова протянул мне руку.

— Здравствуйте, Доктор.

— Здравствуй, Крис. Присаживайся.

Он сел.

— Должен признаться, я удивлен, что вы не пожаловались.

— Откуда у вас такая информация?

— Во-первых, сегодня я не получал казни. А во-вторых, я ещё здесь, значит, ничего начальству пока неизвестно, верно?

— Хорошо подмечено. Да, всё верно.

Тогда я не понимал, о какой казни идёт речь.

— Скажи, Тайлер. Ты считаешь меня сумасшедшим?

Он переходил на разные темы разговоров раз за разом, обращаясь ко мне то на «вы» то на «ты». Я подстраивался под него.

— Не думаю. Разве сумасшедшие могут так здраво рассуждать, как ты?

— А если я скажу тебе, что могут, тогда будешь так думать?

— Я пока не хочу делать поспешных выводов.

— Сомневаешься в рассуждениях?

— Пытаюсь для начала найти хоть что-то, за что можно зацепиться. Я верю только своему мнению. И для меня моё слово будет важнее всего.

Сегодня я был уверен в себе. Я уже не боялся и был готов ко всем его выходкам. Крис откинулся на спинку стула и улыбнулся. Далее последовало обоюдное молчание, после которого он произнёс то, к чему это всё привело.

— Тайлер, ты ведь хочешь помочь мне?

— Это моя обязанность.

— Я знаю, как это сделать.

— Посвяти же меня в свои мысли.

— Ты должен пойти со мной.

— Пойти куда?

— В ад.

Это ведь была шутка. Правда, да? Шутка от безумца, который сидел напротив меня, выплескивая такие же безумные, как и он, идеи. Тогда я думал, что он идиот. Идиотом оказался я, в итоге.

— Крис, я хочу помочь тебе, а не идти в какой-то «ад».

— Только пройдя сквозь все то, что прошёл я, ты сможешь подарить мне покой и себе тоже, заодно. Чего это тебе стоит?

— Как можно попасть туда, куда попасть в принципе невозможно.

— Вот это правильный разговор.

Крис встал на ноги и подошёл ко мне. Он протянул мне руку:

— Я покажу тебе дорогу, если ты согласен.

Я решил сыграть с больным в его игру. Я принял правила грёбаного сумасшедшего. За что теперь, мне кажется, поплачусь. Крис открыл шкаф, в котором, по идее, должна находиться верхняя одежда. Но, открыв обе дверцы, я увидел перед собой какое-то свечение ужасающего красного цвета. Сердце забило в два раза сильнее, я не верил в то, что передо мной что-то необъяснимое.

— Это твой вход за моей помощью. Тебе остается только сделать шаг вперёд и помочь мне.

В этот момент я оцепенел. Я не верил всему происходящему. Такое я мог наблюдать только в компьютерных играх, либо фантастических фильмах. Это шкаф, в котором, мать его, какой-то портал. В этот момент я уже сомневался, кто из нас более сумасшедший: я или Крис. На его лице была дикая улыбка, похожая на улыбку чеширского кота.

Я до последнего не делал шаг, а если выразаться более точно, то я даже не был намерен идти туда. Крис стянул с себя футболку. Расставил руки и истерично засмеялся.

Мне становилось все страшнее. Мои руки тряслись, сердце ужасно билось, стараясь вылететь наружу. Ком в горле перекрывал доступ к кислороду. Я просто смотрел вглубь того самого портала. «Пора сваливать» подумал я, Крис подумал иначе.

— Хорошего отпуска, Тайлер.

После этих слов я почувствовал резкий толчок в спину, после которого я полетел в этот самый портал. Последнее, что помню, так это то, что пока я летел в пустоту, я потерял сознание, было невероятно страшно. Какие-то вспышки света, помутнения в глазах, все это давило на голову и сознание, после чего я, действительно, вырубился.

И вот я, сидящий за каким-то булыжником, записываю всё это в грёбаную книгу. Я пока не знаю, где я, вокруг меня нет никого живого. Мне нужно найти хоть одного жителя этого города. По крайней мере, похоже это было на город. Эдакий Техас времен ковбоев. Здесь, действительно, преобладают горящие цвета, только солнца я не видел. Мне казалось, что это просто закат красного цвета. На самом же деле, это все ставило меня под сомнение.

Пока что это всё похоже на очень неудавшийся сон, либо на чью-то злую шутку. Док, если это ты, то пора вскрывать карты, ибо шутка зашла сильно далеко.

Кроме всего, я, каким-то образом, ушиб ногу. Левый голеностоп дико ноет до такой степени, что я даже не могу встать на него. Дико больно, хоть бы я не сломал его. Нужно было собраться с духом, чтобы найти хоть какое-то укрытие. Я стал подниматься и поначалу прыгать на одной ноге. Далее, выломал из дерева палку, чтобы сделать себе что-то похожее на костыль, дабы опираться на него. Повесив книгу на бок, я отправился стучать в каждый встречный дом, чтобы попросить минимальной помощи. Хотя бы просто вызвать скорую. Как только я стал приближаться к первому дому, который пал моему взгляду, я стал рассуждать о том, что ввело меня в заблуждение. Я ведь не имею понятия, где я, какие здесь люди, даже не знаю, на каком языке они говорят. Поймут ли меня. Хотя, из моего состояния можно понять, что я нуждаюсь в помощи.

Я постучал в дверь, но в ответ ничего не услышал.

— Простите, мне помощь нужна.

На мои слова никто не отзывался. Я не видел вокруг себя не то, что людей, даже живых существ не наблюдал. Я пошагал в следующий дом. Там последовал тот же исход, что и в следующем, следующем, следующем. Я могу это писать бесконечно, потому что ни в одном из домов не было живого духа. Следующая хижинка была не заперта. Медленно открыв дверь до конца, я произнёс:

— Прошу прощения, можно войти?

Ответа не прозвучало. Я набрался смелости и прошёл в дом. Там была полная разруха. Зброшенный дом, в котором, казалось, никто не жил лет так пять. Ты хоть понимаешь, что такое остаться в заброшенном городе, в заброшенном доме, где никого нет, одному? Непонятно, в каком доме, непонятно, что здесь вообще происходило. Это кошмар, самый настоящий.

Пришлось остаться здесь. Я присел на диван, от которого осталось только название. Похоже это было на матрас с деревянными ножками. Мне нужно было лечь, чтобы дать

отдохнуть ноге. Что же мне нужно сделать дальше? Что я буду делать, когда наступит ночь? Я ведь буду шарахаться от каждого скрипа. А если вернутся хозяева, и они будут не в восторге от моего присутствия, меня ведь попросту пристрелят, либо удавят голыми руками. Мне кажется, что это всё просто сон. Да, точно. Я банально сидел дома за бумагами, немного переусердствовал, устал и уснул. А сейчас наблюдаю всё это. Так ведь и есть, правда?

Неправда. Прошла уже хренова вечность после того, как я попал сюда. Если же здесь уже был закат, когда наступит ночь? Тут попросту не темнеет. Либо мне кажется, либо я сам уже схожу с ума. Мне ничего не оставалось, кроме как просто лежать на этом грёбаном диване и ждать. Ждать, когда я проснусь, или же когда кто-то придёт на помощь.

Этот дом был окутан смертью. Прямо как в самых настоящих фильмах ужасов. Мне всегда казалось, что будь я в подобной ситуации, то сбежал бы только при одном намёке на такие обстоятельства. Ан нет же. Вот как бывает.

По ощущениям прошло часов шесть. Даже если бы я спал, я должен был уже проснуться. Из самовыдуманного бреда это все начинало переходить в страшную реальность. Если это сон, то я никогда ещё не чувствовал себя так по-настоящему. Это самый настоящий и самый реальный кошмар, который мне только приходилось наблюдать.

Сидя в пустой комнате, взявшись руками за голову, ты начинаешь вспоминать тонны информации, которые переполняют тебя. Я запутался полностью. Окончательно. Настолько, что даже не представляю, что будет дальше. Даже не могу обрисовать далее себе алгоритм действий. Появляется неуверенность в каждом шаге. Сложно описать такое чувство. Будто что-то сковывает. И ведь сам прекрасно понимаю, что никто сейчас не в силах помочь, пока сам не сдвину свою задницу. А учитывая всё, что вокруг меня сейчас происходит, – это сложно. Это тот самый момент, когда мысли убивают тебя. Когда каждое рассуждение ещё больше загоняет в спину очередной крис. Что же делать?

Мне показалось, что вокруг меня что-то происходит. Все-таки, это не такой уж и мёртвый город. Знаешь, иногда появляется такое чувство, будто за тобой кто-то следит. Либо уже я понемногу схожу с ума, либо же кто-то намерен сделать со мной что-то не очень хорошее. Страх окутал меня. Снова и снова. Находясь здесь несколько часов, я уже свыкся жить страхом, изредка перебиваясь глотками спокойных промежутков. Уверен, если бы это продолжалось чуть больше, чем несколько дней, я бы и сам кинул себе петлю на шею.

Внезапно чувство слезки стало ещё сильнее заседать у меня внутри. Я оборачивался по сторонам, но ничего не замечал. Казалось, что кто-то сидит у меня на затылке и с диким хохотом насмеяется надо мной, над моим страхом. Над тем, что я не могу сообразить, что происходит.

— Кого-то ищешь?

Я услышал чей-то голос, который был переполнен грубостью, злобой, глубоким басом. Но, несмотря на довольно мистическое звучание его голоса, он был спокоен.

Сразу обернувшись на голос, я заметил огромного размера кресло в том доме, где я находился. Я уверяю тебя, что здесь его не было, когда я только вошёл. Сейчас же, моему взору пал трон серого цвета со средневековыми гравировками. Какие-то уродские лица с

разорванными ртами, покрытые позолотой. Сверху, на спинке трона, торчали закрученные рога, подобные мистическим охотникам на демонов. Какие-то гравировки, совершенно непонятные мне. И человекоподобный силуэт. Только был он раза в четыре больше обычного человека. Как в росте, так и в телосложении. Он был, действительно, огромен. На моих глазах проступили слёзы, я не знаю, почему так вышло. Страх прижал мою душу к земле, держа меня самого за шею. Сердце начало биться в разы быстрее. Я уже отсчитывал секунды до того, чтобы упасть в обморок. Мне не удалось это, к сожалению. Первое что пришло мне в голову:

— Простите, что ворвался к вам в дом. Просто я не знаю, где я, а здесь было открыто. И я решил найти укрытие для себя.

— Мой здесь не только дом.

Совершенно не понимая, что происходит, и что он хотел сказать этой фразой, я решил лишний раз извиниться, дабы не получить от столь огромного парня по роже. Ручаюсь, он бы с лёгкостью переломал меня пополам.

— Прошу прощения за это, просто я не знаю, где нахожусь. Вы можете подсказать мне?

Пожалуйста, я так хочу потерять сознание, чтобы не наблюдать всё то, что сейчас происходит. Человек поднялся с трона и стал ещё выше, чем мне казалось, он бы мог быть. Понемногу стал стягивать капюшон и свою чёрную мантию. Моему взгляду открылось довольно мощное тело. Кожа была серого цвета. На голове виднелись рога, на шее – глубочайшие порезы, до самого мяса. Было заметно, что даже его гортань пульсирует при разговоре. На щеках облезлая кожа, губы тёмного, почти что чёрного цвета. Когти на пальцах руки были необычно огромными. Его глаза светились жёлтым огнём. Со спины торчали костяные щупальца, которые жили своей жизнью. Мне так казалось. Его голос полностью соответствовал его представлению. Такой же томный, ужасный, кошмарный образ.

— Добро пожаловать в ад, смертный. Он резко приблизился ко мне, я почувствовал резкую боль в животе, после чего заметил, что во мне торчит один из его щупальцев. Он пробил насквозь моё тело. Кровь истекала огромным количеством. Сзади него появился какой-то святящийся образ с большим количеством гравирований. Я даже заорать не мог. Он поднял меня, висящего и истекающего кровью на уровень своей головы. Это последнее, что я запомнил тогда.

Время суток не изменилось. Всё тот же тускло-горящий пейзаж, пустые, полуразрушенные дома. Здесь очень сильно веет страхом и болью. Мне уже стало понятным то, что здесь время, действительно, остановилось. Осознав то, что я здесь до сих пор, я понял, что это всё реальность. Ведь будь это сон, то от такой дикой боли я бы уже давно проснулся. И ведь я потерял сознание, очнувшись, я должен был оказаться в том месте, где уснул. Я очень заблуждался. Понимание этого заставляло меня с каждым разом вводить самого себя в заблуждение. Все, что мне сейчас остаётся, записывать все в эту книгу. Ведь это единственное, что меня успокаивает.

— Очнулся?

Мне пришлось резко откликнуться на томный и тяжёлый голос. В той стороне неизменно на своем троне, раскинувшись на весь его размер, сидел дьявол. Я не знал, можно ли его так называть. Смерть, дьявол? Я не верю ни во что подобное, но сам оказался в плену жутких воображений. После его обращения, я сразу потянулся к груди, проверить рану, которую он мне проделал своими костяными щупальцами. Раны не было, крови тоже. Только дыра в одежде. Заметив то, что я осматриваю себя, демон тут же произнёс:

— Не беспокойся, твоя рана была временной.

Собрав всю оставшуюся смелость, я решился спросить у него:

— Кто вы? — Дрожащим, полным страха голосом выдал я из себя.

— Ха-ха-ха. Насколько же вы, люди, жалки. Просто посмотри на себя. На эти руки, на своё брненное тельце. Ведь раздавить любого из вас так просто, — Он приподнял свою руку, развернул ладонь и на ней появилась какая-то бледно-зелёная субстанция, похожая на сгусток желе, только более духоподобное, что ли. После чего, он сразу же сжал её в кулаке. — как и любую из этих душ.

Я не спорил с ним. Не вступал ни в какой контакт. Я не понимал, как нужно вести себя в таких случаях. Мне некуда бежать. И дураку будет понятно, что отсюда нет выхода. Я прижался к стене и не отводил взгляда от сидящего воплощения моего ужаса. Лютый демон же, в свою очередь, не отводил взгляд от меня.

— Меня зовут Т...

— Я знаю, как тебя зовут, Тайлер.

— Как я сюда попал?

— А не много ли ты себе позволяешь, задавать вопросы демону?

— Вы... Вы можете хотя бы сказать, где я?

— О, жалкий смертный. Ты в аду.

И в этот момент ко мне пришло просветление – я сошел с ума. Слетел с катушек. А ведь знал, что работа с психически неуравновешенными людьми не пойдёт мне на пользу. После этого Криса, я, видимо, и сам постиг его судьбу.

— Не слетел ты с катушек и даже не сумасшедший.

— Вы можете читать мысли?

— Идиот. Нет, конечно. Вы все так думаете, как только попадаете сюда. Сначала все боитесь, не верите в происходящие, пытаетесь покончить с жизнью через несколько дней, а ничего не получается. Пожалуй, я никогда не устану наблюдать эти чертовски одинаковые картины. Чертовски. Ха.

— Получается, я умер?

Демон встал, развалистой походкой стал подходить всё ближе и ближе, жестикулируя и рассказывая дальше:

— Не совсем. Часть тебя умерла, иная часть – всё ещё при жизни.

— Как это?

Он ухмыльнулся, снова поднял свое костяное шупальце. Я не отводил глаз от острого наконечника на нем. После пары секунд витания в воздухе, остриё тут же ринулось ко мне с дикой скоростью, попав в плечо. Боль тут же окутала моё тело, задевая каждый орган. Кровь тут же проступила наружу. Я начал орать изо всех сил, схватившись за торчащую часть его костяного копья.

— Вот смотри. Сейчас тебе больно, правда? Но ты не умрёшь от этого. Даже если я тебя всего искромсаю. Ты всё равно будешь жив, пока что.

Он достал своё орудие пыток и спрятал за спину. Моя рана почти сразу перестала болеть и стала затягиваться. Спустя несколько секунд, на плече осталась только дырка в одежде, а от раны не было и следа.

— Это ад. Не обожги свои ступни, поднимаясь по огненным ступеням. Пока ты на свободе, можешь дать волю чувствам и словам. Как только войдешь сюда, знай, это моя местность, и твои слова слышны только тебе. Это моя правда, и я здесь Ваал. Это мои круги ада, а ты - жалкое подобие Данте. Прости, но тебе никуда не деться.

— Зачем я Вам нужен?

— Ты? Ха-ха-ха. Скажи мне, вы все правда настолько глупы? Ты мне и даром не нужен. И перестань обращаться ко мне на «вы». И так тошно от тебя, ещё и вежливостью своей достаёшь. Это не то место, чтобы показываться культурным.

— Ты правда считаешь, что мы, люди, настолько глупы?

— Конечно.

— Почему?

— Да много причин. К примеру, у вас часто фигурирует такая фраза, как: «думай сердцем» или «сердце подскажет». Уйма вариаций данного высказывания.

— Это плохо?

— Это абсурд. Как орган, который обеспечивает ток крови по сосудам, может думать за кого-то? У него другая функция. Думать головой нужно, она за это отвечает. Тоже мне, романтики...

— Почему я попал в ад? Неужели я настолько много грешил наяву?

Смех демона стал ещё громче, звонче, от его голоса доносилось эхо. Он выпрямил спину, стал во весь рост и глубоким басом стал говорить:

— Твое «великодушие» на подстилку бы для ног. Ты - пустышка. Ты даже не сосуд для души. Да и душа твоя только потому бесценна, потому что цены не имеет, то бишь дешевка. Просто плод твоей фантазии. А что ты думал, что сможешь ее продать дьяволу? Не смехи мои пентаграммы у глаз. Самое прекрасное, что может быть для человека и для нас - это отплата. И чем больше времени проходит между ней, тем она слаще. Чувство облегчения. Никто, слышишь? Никто и никогда не оплатит тебе доброй валютой, по крайней мере, сполна. Никто и никогда не поймет, сколько ты значил для него. А кем ты являешься без своей дерьмовой сущности? Ты представляешь собой невероятной красоты

торт, который украшен всевозможными ленточками, розовенькими бантиками и съедобными шариками вокруг. Творение кондитерского искусства, не так ли? Но стоит отрезать от тебя кусочек, заглянуть внутрь, как твоя прогнившая сущность начнет рекой течь изнутри. Черная мгла твоих поступков на вкус, как смола от сотни скуренных сигарет. Ненавижу.

Я сидел молча. Даже если бы у меня была возможность пошевелиться, я бы этого не сделал. Спустя пару секунд после окончания своего монолога, он наклонился ко мне и более спокойным голосом произнёс:

— Ладно, перестань бояться. Страх был актуален только в мире живых. Здесь нужно только привыкнуть. Моё имя Ваал. Можешь звать меня так. Нам нужно идти.

— Куда?

— Не задавай дьяволу слишком много вопросов. Это тебе урок на будущее.

— Я не могу встать, у меня нога болит, я ушиб её, когда только попал сюда.

Ваал навёл ладонью на мою ногу, на ней появились печати красного цвета, после чего, рисунок в виде трезубца закрутился и испарился вон.

— Теперь вставай.

Я встал на ноги. Боль пропала, но идти куда-либо у меня не было никакого желания. Задавать вопросы у меня не было возможности, я не хотел лишний раз получить «жалом» в какой-то из органов. Поэтому, освоив определенный урок, я стал вести беседу аккуратно.

— Я не собираюсь идти куда-то, даже не зная конечного места.

— Ты слишком смел, человек. Тебе не кажется?

— Я просто хочу понять, что происходит.

— Тебе ведь донесли уже. Ты в аду. Отсюда исход один. Уж так устроено. Сейчас мы пойдём к Харону, чтобы он доставил нас к месту назначения. А дальнейший исход будет известен потом.

Здесь нет понятия усталости, голода, измора и прочего. Хотя, будучи ещё тем, кто беспросветно шагает по земле среди миллиардов подобных ему лиц, я был полностью уверен, что здесь все иначе.

От привычного всем нам мира, Ад ничем не отличался. За второй день пребывания здесь никто даже не подошел ко мне. Кроме вот этого парня, конечно.

Это вполне себе обычный мир, который охвачен горящим пейзажем. Здесь нет неба, нет луны, солнца, звезд. Это мертвое место, с кучей душ, которые постоянно разговаривают сами с собой и просят прощения или помощи.

До конца я ещё не понимал, что происходит и почему я застрял здесь. Если же я мертв, тогда почему я не являюсь какой-то душой? Я ведь материален, как и был до этого. Мне нужен кто-то, кто объяснит мне все, а от этого парня ответов и ждать не стоит.

— Ваал.

— Да, смертный?

— Много ли людей попали отсюда в рай?

— Прости, куда?

— Рай?

— Забудь это слово. Рая нет.

— Что это значит?

— Ты что, слова разучился распознавать? Рай выдумали для того, чтобы дать вам надежду на исправление самого себя. Понимаешь теперь? Ад, он ведь тоже разный бывает.

— Расскажешь?

— За ваше содеянное при жизни – вы обретаёте душу. Каждая душа имеет цену. Чем ярче она светит, чем душа более насыщена, тем больше её шансы обрести покой. Вечное спокойствие. Если же душа окажется серой, бесформенной, то и будет обречена на муки. Скитаться здесь без цели и смысла. Даже если убить её, то ты просто продлишь её скитание. Представляешь?

Ваал показательно словил какую-то душу из пустоты и смял ее в своей ладони, после чего раздался дикий визг, продирающий до глубины души.

— Вот так вот. ещё есть вопросы?

— Демоны этого не любят.

— Ты быстро учишься, смертный.

Так как здесь нет разделения на день и ночь, то я просто буду как-то отделять записанные моменты на промежутки времени, в которых я делаю записи.

Мы держали путь к реке, по которой нас должен был переправить Харон. Представь картину себе: наполовину раздробленная дорога, по которой шагаю я, рядом со мной идёт демон, раза в три или четыре больше меня. Почему-то он всегда горбился. Нужно ли так было, или же он специально так шёл, я не знал ответа. А спрашивать, сам понимаешь. Вариантов не было.

Я молчал, молчал и он, издавая тяжёлые звуки от дыхания. У меня накопилось много вопросов, ответы на которые не мешало бы мне узнать. Но снова пытаться его вопросами — было слишком рискованно для собственной жизни. Жизни? Я ведь уже подох. В любом случае, лишний раз получить его жалом в какую-то из своих конечностей я не хотел.

— Что это за книга, смертный?

Ваал заметил, что сбоку у меня висит этот дневник, в который я записываю происходящее.

— Ничего, просто книга.

— Ты записываешь что-то в неё. Довольно часто, я стал замечать.

— Это мои наблюдения.

— С ней ты похож на некроманта, это выглядит забавно.

— Я заметил, что тебя забавляет всё, что связано с живыми существами.

— Ещё бы, вы хоть раз себя видели в жизни?

— Меня все устраивало.

— Ещё бы, вы все однотипны. Вот только сорта дерьма разные.

— Ты считаешь все дерьмом, кроме самого себя.

— Ха-ха-ха. В этом и заключается весь смысл. Вы все считаете ад проклятым местом, где происходит всё самое страшное, где давно властвует царство кошмарных видений, вечных мук, невыносимых криков и куча пыток. Но вы, ни один из вас, до сих пор не поняли, что всё самое ужасное уже давно упало на вашу «драгоценную землю». А знаешь, что самое интересное? То, что как только появляется какая-то надежда на ваше спасение, то вы тут же подавляете её своим давлением. Как только появляется какая-то группка инакомыслящих людей, которые смогут хоть часть ваших шкурок спасти, вы тут же запираете их под решётку. Хочешь интересный факт?

— Хочу. — Я уже устал слушать его монолог, который всё больше втирал жизнь людей в грязь. Но отказываться я не хотел. Вернее, не хотел получить увечья.

— Знаешь, до какого возраста доживал в вашем мире ваш же потенциальный спаситель? Тот, кто, вероятно, мог бы ограничить хотя бы часть из вас от попадания сюда.

— Не имею понятия.

— Двадцать четыре людских года. Представляешь? На двадцать четвёртый год вы самолично казнили его. Он продержался дольше всего. Занятный парень, он у нас сейчас статуей для одного из тронов подрабатывает.

— Нам ведь предстоит долгий путь? Я хочу узнать больше о рае.

— Не то, чтобы долгий. Ты перестал бояться, смертный?

— Скорее, сдерживаю себя.

— Ты всё-таки жалок.

— Я хочу узнать о рае.

Ваал остановился, его туловище выпрямилось, а сам он, казалось, набрал в себя столько злости, сколько ранее ещё не выставлял напоказ. В этот раз мне удалось сдержаться, чтобы не выдать скрывающий меня внутри страх. За его глубоким вдохом последовал жуткий рёв, подобный крику тысячи душ.

— Знаю, что прозвучит странно с уст демона, но О ГОСПОДИ! Как же ты достал всех своим существованием. Ты - первая душа здесь, которая настолько тошнотворна. От тебя не было толку в мире живых и нет толку здесь. Ты просто бесполезное существо, которое никогда и никому не было нужно. Отброс. Изгой. Именно поэтому ты никуда не добился там, потому что ничего из себя не представляешь. Если бы твоя душа полностью

была моей, я бы бросил её в чистилище, чтобы ты вечно скитался и не смог умереть окончательно. На земле только и разговоры о том, как все рады, что ты ушёл. Даже твоя возлюбленная, слышишь? Даже она! Осознай свою сущность, осознай, насколько ты жалок.

Я тут же утих. Видимо, я слишком донимал его своими расспросами. Спустя несколько секунд, я заметил, как демон утихает. Спустившись ближе ко мне, он тяжело выдохнул:

— Индюк, засунувший павлинье перо себе в анус! — С дикой злостью произнес Ваал.

— Недосатана, вставивший правящий трезубец себе в задницу! — Ответил ему я, стирая границу между человеком и демоном.

Какое-то время мы шли молча. Кажется, я даже стал привыкать к его присутствию. Он вполне нормальный, если не брать во внимание его замашки и габариты.

— Какая самая страшная болезнь, по-твоему? — после часового томления спросил Ваал.

— Привязанность к человеку.

— Странно, почему не рак, к примеру?

— От рака ты хотя бы сдохнешь.

— Странно, но ты первый смертный, кто ответил таким образом. Ты правда так считаешь?

— Первое, что пришло на ум.

— Это правильно. — Одобрил Ваал. — Ведь никогда не проси отвечать честно, а проси говорить первое...

— Что придёт на ум.

— Хм. Ты не только забавен. Но ещё и несколько необычен.

— Я могу воспринимать это как комплимент?

— Ха-ха-ха! Здесь? Нет. Не заставляй меня снова разочаровываться в тебе.

— У меня слишком много вопросов. Но я понимаю, что не могу их задать тебе. Можно ли мне с кем-то ещё поговорить здесь?

— Это тебе не справочное бюро. Я твой спутник на ближайшее время. Будь добр, не заставляй меня снова протыкать тебя насквозь.

— Я просто хочу понять, что мне предстоит увидеть, почувствовать, пережить.

— Значит, ты смирился с пребыванием здесь?

— У меня есть выбор?

— До этого был. Теперь ты в моих руках и никуда не денешься.

— Я не боюсь тебя больше.

— Твой страх — не более, чем воплощение тайн. Скажи, смертный, как часто ты показываешь все тайное наружу? Если же частенько, то ты, действительно, глуп. Бояться нужно себя, именно того, что ты можешь сам раскрыть карты страху. Внутри ты можешь бояться сколько угодно, но внешне оставайся непоколебим. И никогда не говори о чувствах, ибо это так противно. Тем более, это и есть слабое место.

— Я знаю, что такое страх. После пережитого однажды, я не испытываю его снова. Это глупо.

В момент моего ответа, я почувствовал, будто что-то меняется во мне. Мне казалось, что мои кости крепнут, моя кожа грубее, мысли становятся прямыми, лаконичными, без рассуждений, а уверенность приобретает новый уровень. Либо я обретаю нового себя, либо же теряю старого.

— Значит, теперь моя душа полностью под твоим контролем?

— О да.

— И я в праве задавать столько вопросов, сколько мне будет угодно?

— Как ты пожелаешь, смертный.

— Я хочу знать про рай.

— Почему тебе так нужны эти небеса? Что тебя привлекает в них? Какая тебе разница, что это, если ты всё равно здесь?

— Я желаю знаний. Я хочу знать всё, что происходит здесь, в мире живых, мёртвых и в мире неопределившихся.

— Вникай, юный эрудит. Рай – ничто иное, как выдуманное место для того, чтобы заставить вас делать только хорошее. Чтобы вы своими поступками могли приукрасить ваше жалкое существование.

Ваал сделал круг рукой, после чего мне предстала картина живого мира людей. Они были счастливы, везде преобладали тёплые тона. Казалось, что нет никаких проблем вокруг этих живых. Прекрасная музыка, воцарение всего живого, квинтэссенция всего прекрасного.

— Тебе нравится? Смотри, каким бы вы могли сделать своё существование.

Ваал тут же сделал круг своей рукой обратно, после чего картина превратилась в горящий земной шар. Люди на этой планете страдали от причинённой боли теми же людьми. Всемирный пожар, вечные муки и полное истребление жизни.

— А это то, что ждёт вас в дальнейшем. И уже бесповоротно. К счастью или к сожалению — решать тебе.

— То есть, это всё?

— Условность, которую вы, глупые смертные, не смогли понять до сих пор. Нет такого понятия, как «рай». Это не чудесное место на небесах, с лежаками на тучках и сладкими коктейлями с запертыми суккубами в клетках. Это должно было быть ваше место. Ваша планета. Ваш Мир. То, где вы так привыкли жить, убивать, грабить, нарушать

все моральные нормы. Вы же просто «забили» на всё это, надеясь на то, что на кого-то из вас обвалится прощение, и он отправится на курорт.

— Почему тогда существует ад?

— А всё это – тоже условность. Каждый сам в праве выбирать, какой дорогой ему идти. Доносить людям, что необходимо строить свой рай с адским пойлом и суккубами и сдохнуть в двадцать четыре года. Либо также доносить до всех информацию, только уже о том, что всё это уже поздно, и проводить к реке смерти.

— То есть, в существовании человека нет никакого смысла?

— Возможно. Я не могу ответить на этот вопрос с точностью. Если он и был, то вы сами же ограничили его до алгоритма, вроде: «нажрись, попробуй всё дерьмо в этом мире, заведи себе семью и сдохни». Заводят, кстати, собак.

— Скажи мне, как вы, демоны, вселяетесь в людей? И почему вы всё это делаете?

— Что же здесь непонятного? У вас что, не было достаточно разумных существ, чтобы узнать это?

— В доступе есть куча информации, я хотел бы узнать это непосредственно с уст демона.

— Выбираем жертву. Если нужно, делаем так, чтобы душа ослабла, приняла грешную сторону. Как только душа смертного полностью ослабла, то всё становится довольно простой задачей.

— Зачем лишний раз делать душу человека уязвимой?

— Понимаешь ли, довольно сложное занятие — захватить душу смертного с устойчивыми и стабильными нервами. Если ему неподвластны: страх, искушение, похоть и всё в этом роде, то всё будет куда сложнее.

— Зачем же вы это делаете?

— Ты ведь ел пищу, когда был жив? Вот и мы изредка подпитываемся деликатесами. Это дарит неповторимые ощущения, силу, власть.

— Словно наркотик?

— Подобно.

— А ведь есть те, которые призывают демонов. Это вообще работает?

Ваал начал хохотать во всю силу. Его смех был переполнен ужасом, но было видно, что от этого вопроса он просто не мог сдержать свой смех. Эхо, исходящее от его голоса, создавало впечатление, будто он смеётся за нескольких особей сразу.

— Fuck no. — Еле перестав смеяться, издал демон. — Эти грёбаные адепты сатанизма даже не представляют, насколько смешно выглядят, облачившись в тёмные одеяния с капюшонами, разрисовав свои лица в различные руны.

— Но, если ты знаешь о них, значит их всё-таки слышно вам?

— Да, порой.

— Почему вы тогда не приходите?

— Понимаешь ли, мы тебе не собаки, чтобы приходиться по каждому зову каких-то смертных. Нам нужен повод, нам нужен дар. Никто и никогда не сможет «приручить» демона, ведь мы живём по собственной воле, нам свойственно верить только себе. Вам бы поучиться этому.

— Поучиться у демона?

— Даже не думай ёрничать здесь. Я к тому, что доверять нужно только себе. Есть даже цитата по этому поводу, умная персона, между прочим, произносила когда-то: «Доверять можешь кому угодно. Вот только верить должен самому себе». Знаешь, кто сказал, смертный?

— Нет, кто?

— Я.

Ваал казался мне не таким уж и плохим парнем, как я подумал в первый раз. Довольно-таки приятный парень со специфичной внешностью. Сейчас мы остановились возле какой-то горы из людских черепов. Звучит довольно страшно, правда? Но, находясь здесь уже... В общем, какое-то время, я, действительно, стал привыкать к окружающей среде. Мрачные пейзажи перестали пугать меня, действия демона становятся всё привычнее, даже голос. Держу пари, с ним даже интереснее, нежели с большинством людей. Вечно скитающиеся вокруг души, подобно зомби, пытаются пристать ко мне. Рычат, бегут в мою сторону, просят спасти их. Как только же они наблюдают, что рядом со мной Ваал — тут же бросаются наутёк. Это вечно смешит Ваала.

Пускай здесь нет жажды и голода, всё же я хожу на своих двух ногах и порядком задолбался. После того, как я смирился с тем, что уже умер, Ваал стал намного лояльнее относиться ко мне. Поэтому, я попросил его немного передохнуть. Он согласился. На удивление мне.

— Смертный.

— Да?

— Ты можешь ещё задавать вопросы, если тебя что-то интересует. Должен признаться, ты первый из живых, кто так просто ведёт со мной беседу.

— До этого не было смельчаков?

— Нет. Одни обещали убить меня, другие молили о пощаде. Третьи и вовсе пытались покончить с собой.

— Глупо, коль они уже здесь.

— Что именно глупо?

— Всё это.

— Как и ваше существование.

Смех Ваала снова раздался на всю округу.

— Ладно-ладно, не обижайся только. Всего лишь шутка.

— Почему вокруг так много душ?

— Это же ад, где им ещё быть?

— Они страдают?

— Что? Странное высказывание.

— Как это назвать?

— Они просто скитаются здесь. У них нет цели, времени, потребностей. Знаешь же: «Живые знают, что они умрут, а мертвые ничего не знают». Всё, что ты видишь, это те, кто не смирился со своим уходом. Их здесь ничего не держит. Только вот идти им некуда.

— То есть, из ада можно просто так уйти?

— Ха-ха-ха. Если у тебя найдётся иное место и если воля мёртвых тебе позволит, то ты можешь делать здесь всё, что угодно. Хоть храм возведи.

— А есть какое-то другое место?

— Слушай, я не могу понять вас, смертных. Ваши тупые фильмы вбили вам в головы, что ад – это ужасное место для грешников, у которых будут личные котлы с лавой, а всякая нечисть будет подкидывать дрова. Вообще, если бы это было так, то дрова бы вы подкидывали сами себе. Мы, демоны, это те же ангелы, которыми вы привыкли восхищаться, только падшие. Я не буду сейчас рассказывать тебе про нашу иерархию здесь, но можешь поверить мне.

— Поверить демону?

— Такому, как я, можешь.

— Всё равно, это не звучит убедительно.

— Понимаю, но убеждать тебя не стану. Нам пора идти.

— Пора? Здесь же нет времени.

— Времени нет, но незаслуженно заставляя ждать — очень плохо.

Мы отправились дальше. Издалека виднелась река. Чем больше я нахожусь с Ваалом рядом, тем более он становится мне привычнее. К тому же, он вечно не договаривает о чем-то. О чем-то важном, как мне кажется.

Почему-то, в какой-то промежуток моего нахождения здесь, я начал понимать, что свет становится ярче и ярче. Возможно оттого, что мы приближались к месту назначения. Хотя, куда мы шли, я даже понятия не имел. Внезапно свечение стало доноситься только из одной стороны. Из-за небольшого каменного возвышения доносился слишком яркий луч пылающего света. Я замедлил свой шаг. Ваал продолжал путь.

— Что это?

— Где?

— Этот свет?

После моих слов, я заметил силуэт горячей девушки. Не горячей, в прямом смысле, а от неё доносился свет, такой яркий, что слепил глаза. В какой-то момент, свечение от ее образа стало ослеплять меня. Меня и так пугает все, что я здесь вижу. Представь, что к тебе приближается девушка, полностью охваченная каким-то оранжевым цветом. Подобно живому костру, ее тело полыхало у меня на глазах, но никак не сгорало.

— Кто это? — Спрятавшись за скалу, спросил я у Ваала.

— Она. — С лицом, полного восхищения и радости, произнес демон.

— Кто она?

Создавалось впечатление, будто он был влюблен в эту девушку. Она приближалась все ближе и ближе к нам. Ее глаза были закрыты, она ступала медленно, но уверенно. Зная точно, где я нахожусь.

Три шага, два шага. Она от меня в метре. Я затаил дыхание и ждал каких-то действий с ее стороны. Ваал просто смотрел на нее и, казалось, наслаждался. Впервые он молчал так долго. У меня начали трястись руки, я попытался завести их за спину, чтобы не так сильно показывать это. Девушка открыла глаза.

И они были прекрасны, переполнены чем-то невероятно хорошим. От нее веяло приятным теплом. Рыжего цвета волосы, которые окутаны, казалось бы, языками пламени, обрели более привычный вид локонов. Я просто вкушал, насколько она была чудесна, насколько ее красота запредельна, насколько ее глаза переполнены добротой и янтарным светом. Как сильно от нее исходит тепло, которое бережно окутало меня.

Она сделала ещё шаг и медленно обняла меня. Ее огонь погас, и она ничем не отличалась от обычной живой девушки, ниже меня на голову, с длинными рыжими волосами, нежными руками и прекрасными глазами.

— Я всё знаю, я чувствую, что у тебя внутри. Позволь мне забрать это. — Произнесла она.

Я лишь успокоился и понемногу терял сознание.

После того, как я очнулся, я тут же стал спрашивать Ваала, что произошло.

— Что со мной?

— Ты вырубился.

— Уснул?

— Нет, конечно, просто так нужно было.

— Кто была эта девушка?

— Это Амалиэль.

— Почему она искала меня?

— Значит, так было нужно. Тебе не нужно этого знать. Пока что.

— Где мы?

— У самой реки.

Впереди меня виднелась река. Мы находились в какой-то скале, словно вошли в пещеру, и здесь была только река, конца её видно не было. Возможно, из-за отсутствия света. Из-за огромного камня я заметил, как на какой-то небольшой лодке к нам приближается что-то похожее на образ человека. Я понимаю, что в моих словах много неопределенности, но я не могу объяснять всё более детально. Пока что я всё описываю так, как вижу. А вижу я светящегося старикана с палкой, который подплывает к нам на лодке.

— Приветствую Вас, Ваал.

Должен признать, старик имел довольно устрашающий вид. Лицо, полное морщин, одет был в какие-то старые одежины. Волосы были сплетены в полурастрёпанные косы, спутаны между собой. Глаза горели ярко-жёлтым огнём. Ко мне он никакого внимания не проявлял, единственное, что он произнёс за всё время, пока мы были с ним – это приветствие Ваалу.

— Где мы и куда направляемся? — Стал задавать вопросы я, уже находясь в лодке.

— Запоминай, смертный. Это река Стикс. А отправляемся мы в мир мёртвых.

— Почему именно туда?

— Чтобы закончить начатое.

— Что ты имеешь в виду, Ваал?

— Вытянуть из тебя душу и найти ей место в мире мёртвых.

Сомнений не оставалось, я погиб. Не знаю, какой смертью. Не знаю, при каких обстоятельствах. Я бы мог задать эти вопросы демону, но в тот момент мне совершенно не хотелось ничего слышать. Я даже не знаю, что писать можно здесь. Ведь моя судьба уже предначертана.

— Поднимайся, смертный.

Раздался голос Ваала. Я не стал перечить, не стал сопротивляться. Я сам отправился следом за демоном. Он шёл спереди, я шёл позади. Как только мы покинули местность горы, мне открылась картина тёмного пейзажа. Здесь нет солнца, нет луны, звёзд. Это темнота. Здесь видно землю, она серого цвета, словно в пыли. Но небо — беспросветно чёрное.

— Это мир мёртвых?

— Да.

— Скажи, Ваал, это мой конец?

— Ты сам всё прекрасно понимаешь.

— Могу ли я попросить демона об одной услуге?

— Исключено.

— Ваал. Я.. я прошу тебя.

Мне ничего не оставалось, как стать на колени перед демоном.

— Это было лишнее, смертный. Я слушаю тебя.

— Прошу тебя, можешь ли ты передать в мир живых этот лист бумаги?

Я протянул ему тетрадный лист, вырванный из этой же книги, в котором написал следующее:

«И в этот момент я понял, что каждый из нас обречён. Если спасенья нет, зачем тогда всё это? Если жизнь приносит человеку только мучения, то в конце его ждёт то же самое. Это конец. Для меня, для Кинзи, для тебя, Док. Мы все обречены. Жаль, что я не могу предупредить вас. Ведь я даже не побываю на своих похоронах. Что бы ни случилось, живите на полную. Не стоит скучать по мне или грустить, я того не стою. Ведь в конце вас ждёт только ужас и отчаяние. Не тратьте жизнь на существование. Кинзи, ты знаешь обо всем первой. Я буду ждать тебя здесь столько, сколько будет нужно. Надеюсь, я тебе ещё пригожусь, и ты меня хотя бы вспомнишь.

Тайлер.

Ps. All our gods have abandoned us»

Внезапно, лицо демона изменилось в эмоциях. Он больше не смеялся надо мной. Лишь прочитав содержание моего письма, он подбросил лист в воздух, в котором он сам скрутился в свиток и упал Ваалу в образовавшуюся дыру в груди, после чего, она тут же зажила.

— Они были правы на твой счёт. Я выполню твою просьбу, смертный. — Ваал повернулся в сторону, словно искал кого-то глазами. — Аластор!

Из стороны показался какой-то силуэт. Он приближался ко мне. Так как по всюду была мгла, то разглядеть я смог его только тогда, когда расстояние между нами сократилось метров на двадцать. Это был огромный демоноподобный силуэт, с кучей доспехов. Он нёс огромный топор, закинутый на плечо. Голова его была схожа на голову быка, с кучей порезов, ссадин, и в виде рун, которые словно пытались светиться сквозь раны.

— Аластор, ты знаешь, что нужно делать.

Мне было страшно. Мне было слишком страшно. Но я понимал, что деваться мне некуда. Я понимал, что это мой конец. Это был палач.

Раздался дикий рёв от демона с головой быка. Он замахнулся на меня топором и одним махом я почувствовал, как падаю с ног. Одним махом своего огромного топора он отрубил мне обе ноги. Дикая боль вперемешку со страхом просто не давали мне спокойно умереть. Это были муки, настоящие муки. То, что ты видел в фильмах ужасов, когда тела людей полностью выворачивает в разные стороны. Моя кровь изливалась на серую землю этого прогнившего мира. Слёзы сами выступали на глазах, разум мутнел с каждой секундой.

Следующий взмах топора — моя голова покати­лась с плеч. Кто ведь знал, что после обезглавливания, человек проживает ещё около семи секунд. Я помню, как наблюдал свое кровавое тело со стороны. Последнее, что я помню здесь. Сегодня я умер. Я не чувствую ничего. Здесь очень тихо и спокойно. Здесь нет тревоги, злости, обиды, боли, ненависти. Но и нет приятных человеку чувств. Это пустота, которая сполна поглощает тебя. Здесь нет ничего, только вечный покой, в котором я навсегда застрял. Сегодня я умер. И смерть оказалась моим спасеньем.

Сегодня я умер. И чистилище приняло меня, как своего. Ты обязательно найди кого-то, кто также будет погибать с мыслями о тебе. Для которого ты станешь смыслом. Для которого ты будешь самым близким, из всех существующих людей. Зная, что это произойдет, я буду спокоен. И свободен.

Если захочешь повидаться, посмотри на ночное небо, я там.

Выключайте свет.

Я до сих пор не могу понять, что происходит. Перемены в моём жизненном цикле слишком часто стали происходить. Настолько часто, что я сам перестал следить за ними. Ведь только вчера я был четвертован ужасным демоном-палачом, а сейчас снова сижу в своей квартире. Ах, наверное, давай по порядку.

Подобно полной пустоте, абсолютным «ничем» я скитался по вечности. Здесь не было направления, вечная темнота, что никак не развлекает тебя. Вокруг не было ни души, ни смертных, ни мёртвых и даже демонов. Я, действительно, оказался в чистилище, чтобы навечно смириться со своей смертью. Мне необходимо было только знать, выполнит ли Ваал моё поручение.

Мои веки тяжелели, и я сам того не заметил, как меня полностью окутал сон. Сон? Здесь? Знаю, что похоже на бред, но я действительно стал засыпать.

Я вижу сон, где Ваал стоит рядом с Кинзи. Она боится его. Из моих самых любимых в мире глаз начинают исходить слёзы. Ваал же чувствовал себя неловко в мире живых. Я видел это по его неосторожным движениям. Они находились в какой-то незнакомой мне квартире. Возможно, это был дом родителей Кинзи, я точно не мог знать. Что ж, Кинзи сидела в углу, поджав колени и тихо плакала. Она пыталась не кричать и не выдавать напоказ то, что ей страшно до самых больных вибраций внутри сердца.

— Ус...Успокойся. Смертная, успокойся, хватит.

Кинзи же в ответ на слова Ваала только то и делала, что плакала. Она не слышала его.

— ЗАМОЛЧИ! — Что есть силы заорал Ваал, издавая рёв на Кинзи. Она тут же умолкла. — Меня попросил смертный передать тебе кое-что. И если ты думаешь, что я буду каждый раз успокаивать тебя, чтобы рассказать тебе его послание, ты дико заблуждаешься. Либо ты тихо берешь и читаешь то, что он тебе написал, либо же вы оба будете гнить в аду.

Кинзи помотала головой, якобы соглашаясь на условия демона. Ваал тут же раскрыл свою грудную клетку, из которой выпал мой свёрток бумаги с посланием для неё.

Кинзи принялась читать, после чего снова приступила плакать. Такой я её не видел никогда.

Это был сон, или же всё происходило на самом деле? Если же это всё правда, тогда я ужасен. Я обещал ей и обещал себе, что не смогу причинить ей горя. Мало того, я смогу уберечь её от несчастья. В итоге, я стал источником того, что причиняет боль человеку, которого я люблю. В этом ли смысл жизни человека? Это ли заложено в наших умах? Мы только то и умеем, что причинять друг другу боль, совершенно не задумываясь о последствиях. Мы только то и делаем, что изо всех сил пытаемся выбраться за счёт других. Мы все вечно скованны какими-то рамками. Мы все — рабы у авторитетов своих. Мы разучились видеть всё то, что происходит на самом деле. Даже самый лютейший реалист порой готов прицепить себе к носу розовые очки, чтобы хоть успокоить себя. Его пугает всё происходящее. Нас всех пугает то, что может произойти, если ты вдруг пойдёшь против моральных норм, против этики. Ведь мы даже отплатить не можем тем, чем заплатили нам. Вот, насколько низко пали живые. Вот, почему в иных мирах только и разговоры о том, насколько мы жалки. Насколько смешно наше существование.

Мы привыкли подражать кому-то, забывая, кто мы есть на самом деле. Мы перестали быть личностями, полностью беря пример из чьих-то поступков. Я вижу это только сейчас и понимаю, что люди перестают существовать ещё до наступления их кончины. Никто не привык давать ответную реакцию на ужасные поступки в сторону тех же людей. Только терпеть и терпеть. Терпеть и терпеть. Люди даже не слышали о свободе, потому что никто и никогда не был свободен.

Ваал посмотрел на плачущую Кинзи, сжёг взглядом лист и тут же испарился в воздухе. Он передал моё послание.

Я очнулся на земле. Я почувствовал это своим телом, которое словно переполнялось болью. Но это был мир живых. Понемногу открывая глаза, я понимал, что снова вернулся в мир, в котором жил до этого. Тогда был вечер. Такой приятный вечер, за которыми любят коротать свои жизни добрые люди.

Моё тело ноет от боли. Из одежды на мне только нижнее бельё. Мне слишком тяжело подняться. Чувство, будто все мои органы вырезали и минуту назад вставили по новой. Тело было покрыто язвами, ранами, из которых исходила кровь. Я весь был покрыт увечьями. С трудом встав на ноги, я осмотрелся. Узнав знакомую местность, я понял, что здесь совсем недалеко до госпиталя. Я тут же отправился к тебе, Док, чтобы ты смог рассказать мне правду. Чтобы я смог тебе рассказать правду. Люди оборачивались, чтобы посмотреть на меня. Тыкали пальцами. Но никто не пытался помочь мне. Никто даже не спросил, в порядке ли я. И после этого считать людей высшим разумом?

Я стал подниматься по лестнице ко входу в госпиталь. С трудом перебирая ногами, я дошёл до кабинета Дока. Там сидело несколько врачей помимо него.

— Док. Док. Я.

— Тайлер. Тайлер. Как ты сюда попал?

Док помог мне сесть, чтобы я не рухнул на пол без сил.

— Док, я был в аду. Я видел мир мёртвых. Я прошёл сквозь муки.

— Да-да, Тайлер, мы понимаем. Мисс Хэви, позовите санитаров.

— Док, я был на волоске от смерти. Зачем нужны санитары?

— Скажи, Тайлер, ты видел свой внешний вид?

— При чём здесь мой внешний вид? Я прошёл сквозь грёбаный ад. Почему ты мне не веришь?

Док пододвинул ко мне зеркало. Я посмотрел на своё отражение: полностью изрезанное тело, в непонятных проколах, увечьях, дырках. Не зря моё тело пекло, словно я прошёл сквозь горящий дом. Что самое странное, под моими глазами были вырезаны какие-то непонятные иероглифы. Из них выходило больше всего крови. Я даже не осознавал того, как подо мной набежала полная лужа крови.

— Док. Док, это был не я. Это не я сделал с собой.

— Тайлер, ты ничего не помнишь?

— Что я должен помнить?

— Ты сбежал из госпиталя три дня назад. Мы отправили всех на твои поиски, и никто не смог найти тебя, даже полиция. Главное, тебе сейчас нельзя переживать, нервничать, хорошо?

— Сбежал? Как я мог сбежать оттуда, где живу?

— Видимо, у тебя снова провалы в памяти.

— Что это всё значит, Док? Ты можешь объяснить мне всё по порядку? Иначе я не ручаюсь за себя.

— Не так давно, ты попал к нам после аварии с травмой головы. После чего, мы отправили тебя на реабилитацию в наш госпиталь. За тобой были замечены странные поступки, поведение было более, чем странным. Решением врачей, нам пришлось запереть тебя в отдельную камеру, взяв под опеку. Мы не знали, что могло с тобой случиться. Со временем, твоё психологическое состояние стало ухудшаться. Ты всё чаще стал говорить сам с собой. Иногда ты был довольно счастлив, и при хорошем поведении мы выпускали тебя на прогулки. После чего, ты сам стал возвращаться в госпиталь. Ты даже в камеру сам заходил. Мы думали, что ты идёшь на поправку. Но три дня назад ты пропал, Тайлер. Ты выбрался из закрытой камеры. Пока что мы не знаем, как. А сейчас посмотри на своё состояние. Я не знаю, понимаешь ли ты меня, Тайлер. Но мы не хотим причинить тебе зла.

— Сумасшедший?

— Ты очень прогрессируешь, Тайлер. Твоё здоровье идёт на поправку.

— Этого не может быть, Док. Это ведь глупая шутка? Правда? Я ведь знаю себя, я не могу сойти с ума. Поверь мне. Вы все, поверьте мне. Я не сумасшедший. Я всего лишь...

— Был в аду. Ты сам в это веришь?

Верил ли я? Ещё как. Но всё ещё я не мог поверить, что всё это время я был грёбанным сумасшедшим. Я был психом, который вечно был заперт в камере. И только

сейчас я побывал на свободе. Нет, это всё бред, чтобы заточить меня в госпиталь. Но зачем? Я не верил. Ни одному их слову. Но и сопротивляться было бесполезно.

Тут же вошли два санитары, которых я знал. Они меня тоже, поэтому не стали тут же скручивать мне руки.

— Тайлер, прошу тебя, не заставляй нас применять силу. Пожалуйста, пройди сам в камеру.

— Док, могу ли я увидеть Кинзи?

— Кого?

— Кинзи, ту девушку, которую ты видел со мной в мои выходные.

— Прости, я никого не видел с тобой рядом.

— Док, она работает в госпитале, где я лежал до этого. Кинзи присматривала за мной после аварии.

Док отвернулся к шкафу, достал стопку с моими документами и подал мне.

— После аварии, Тайлер, ты лежал здесь. За тобой ухаживали, это правда, но никакой Кинзи нет. Ты можешь сам посмотреть.

И я посмотрел. В графе было внесено другое имя.

Сейчас мне ничего не остается, как сделать последнюю запись. Более я не вижу смысла в том, чтобы записывать что-то сюда. Всё оказалось ложью. Я оказался психопатом. Я и сам понимаю это. Но не хочу принимать, как должное. В один миг я утратил всё, что являлось мне самым дорогим, я потерял Кинзи.

Док дал мне лекарство, чтобы я выпил его перед тем, как буду отправляться спать. Если быть честным, то мне уже становится страшно засыпать. Я не хочу снова проснуться с новой историей. Возможно, я и правда сошёл с ума. Это будет логичным объяснением. Но ведь, я же чувствую, что я жив, при своём уме. Почему никто не верит мне? Почему никто не верит в то, что я говорю сейчас? У меня ведь не дёргаются конечности, нет приступов агрессии. Я просто хочу понять, что происходит со мной. И где, наконец, обитает правда. Единственное, в чём я теперь никогда не буду сомневаться, так это в людях. Теперь я уверен, что глупее и безжалостнее существ ещё просто не придумали. Никто и никогда полноценно не выслушает тебя, даже если малая часть их безопасности будет задета. У меня появилась мечта в этот момент. Я хочу оберегать людей от них самих же.

Почему-то от лекарства меня стало тянуть в сон. Я смотрел на своё отражение в зеркале. Раны у глаз стали заживать, заметно заживать, превращаясь в грубые рубцы. Дальше я, вероятно, свалился на пол и уснул.

Я в привычном месте. Вокруг темнота и пустота. Я полностью окутан ею. Цвет моей кожи изменился. Кардинально изменился. Она стала бледной и имела слегка синеватый оттенок. Все порезы исчезли, кроме двух шрамов в виде руны под глазами. Спереди сидел Ваал. Я стал подходить к нему, чтобы найти все ответы на вопросы.

— Снова здравствуй, смертный.

— Приветствую, Ваал.

— Я рад, что ты относишься ко мне с уважением. Ведь теперь между нами нет разницы.

— Расскажи мне, что происходит? Я полностью потерял себя. Я не могу понять, что есть реальность, а что можно считать бредом.

Ваал привстал с трона. В нём многое изменилось, в плане поведения. Он стал относиться ко мне с уважением. Это слышалось в его голосе.

— Правда есть то, что было изначально. Всё иное — чушь, выдуманная людьми для твоего устранения. Людям людей не жаль. Душа не имеет цены для них, ничто не имеет цены, кроме денег. Жалкая валюта, в которой они нашли смысл. Теперь ты осознаешь, почему я считаю мир смертных — жалким созданием. Даже имея определенные ценности, вы сделаете всё, чтобы разрушить их. Одни создают — иные рушат. Даже не спросив разрешения. Даже мы, демоны, имея все возможности для того, чтобы создать хаос везде — не создаём его. Даже если иной демон захочет сотворить что-то выходящее за грань норм, которые приняты здесь, он тут же сам будет изгнан. Мы все ненавидим друг друга. Но ни в коем случае не переходим черту дозволенного. В этом наша разница: смертные ужасны изнутри, демоны — снаружи.

В его словах крылась правда. Я верил ему, в отличие от Дока.

— Я сошёл с ума, Ваал?

— Нет.

— Что тогда со мной?

— С тобой случилось то, что должно было. Ты сам выбрал свой путь, Гадизель.

— Гадизель?

— Твоё новое имя. У тебя особая миссия здесь. Ты уже выбрал смертного, которого сможешь уберечь от негативного влияния в их мире?

Я тут же вспомнил Кинзи. Вспомнил её глаза, вспомнил, что она самый достойный человек, которого я только мог себе представить. Я обещал ей, я обещал уберечь её от всего негативного, что только может существовать. И я сдержу обещание.

— Скажи, Ваал. Кинзи?

— Та смертная, которой я передавал послание?

— Да, она.

— Хороший выбор.

— Ведь, она жива. Она реальна?

— Реально всё то, что ты желаешь видеть реальным.

Так появился я, получеловек, полудемон, полуангел, сумасшедший. Полностью несуществующая личность. Наверное, эта книга больше не пригодится мне, ведь в мире

мёртвых нечего записывать. Здесь ничего не происходит. Мне остаётся только следить за Кинзи, чтобы уберечь её.

«Извечная проблема людей в них самих. Ярлычные знаки, словно ценники, поставленные друг на друга. Душа обесценена, мнения вовсе не важны. Извечная же проблема людей в них самих.

Тот смертный, Тайлер, стал демоном, который нынче оберегает душу и тело человека. Демон влюблён в человека. И никто не может с этим ничего поделать. Смертные перестают верить в хороший конец, остаётся дожидаться только беспросветного конца. Люди не привыкли видеть в людях смысл. Они замечают лишь их существование.

Гадиэль сидит в чистилище. У него есть доступ к миру смертных, но он не выходит туда, словно чего-то боится. Страх не характерен демонам. Но это делает его не просто бессмертным, а бессмертным с живой душой. Поистине, все восхищались им здесь.

Я иногда виделся с ним. Последний раз, когда я его видел, он передал мне эту книгу. Он сидел на новоиспеченном троне. С одной лопатки у него торчало белоснежное, как сами облака, крыло. С другой же — чёрное, как сама тьма. Сейчас я дописываю это на последней странице, чтобы передать её той смертной. У меня плохая память на имена людей. Он всегда что-то записывал в неё, я никогда не смотрел. И сейчас не решился посмотреть, что же скрывает человек ото всех. Это послание от демона. ещё один ваш просветитель погиб, ради вас самих. Это и является вашим адом»